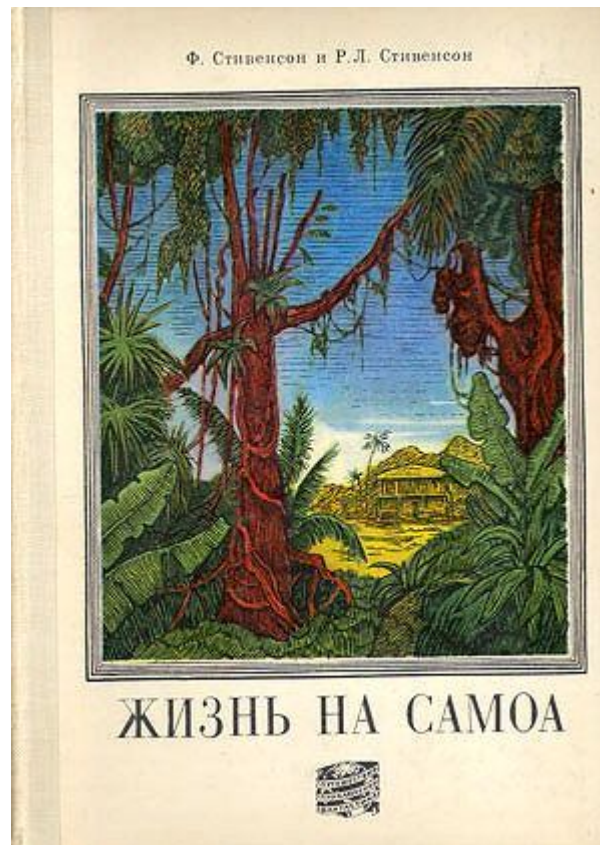

Роберт Льюис Стивенсон Жизнь на Самоа

«Жизнь на Самоа»: Мысль; М.; 1955

Аннотация

Это дневник жены выдающегося английского писателя Р. Л. Стивенсона, автора знаменитого «Острова сокровищ» и многих других произведений, давно ставших классическими. Записи ярко воссоздают обстановку, в которой протекали последние годы жизни писателя на одном из островов в Тихом океане. В них много сведений о природе Самоа, о культуре и быте островитян в конце XIX в. Отрывки из писем писателя, которыми перемежаются записи Фэнни, великолепно дополняют и обогащают дневник.

Стивенсон Р.Л., Стивенсон Ф. Жизнь на Самоа

Стивенсоны на Самоа

На рассвете 7 декабря 1889 г., когда лучи восходящего солнца щедро осветили склоны горы Ваза, в гавань селения Апия (Апия) вошла небольшая шхуна. Вскоре на улицах этого селения появился довольно высокий худощавый мужчина в спортивной шапочке, вельветовой куртке и фланелевых штанах, который вел под руку маленькую смуглую женщину с необычайно выразительными, лучистыми глазами. На ней было просторное хлопчатобумажное платье, сандалии на босу ногу и широкополая соломенная шляпа, отделанная ракушками, да еще массивные золотые серьги и экзотическое ожерелье из каких-то красных ягод. Европейские поселенцы в Апии вначале непочтительно отнеслись к

этим незнакомцам, приняв их за странствующих актеров. Так, судя по воспоминаниям очевидца, началась самоанская эпопея Льюиса и Фэнни Стивенсон, о которой они сами — в дневнике и письмах — рассказывают в этой книге.

Стивенсон приехал на Самоа уже всемирно известным писателем. Знаменитый приключенческий роман «Остров сокровищ», фантастическая повесть «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», романы «Похищенный» и «Черная стрела», в которых писатель обратился к прошлому Англии и Шотландии, открыли перед ним умы и сердца многих миллионов читателей.

Стивенсон родился 13 ноября 1850 г. в Эдинбурге, политическом и культурном центре Шотландии, в семье известного инженера, совладельца крупной фирмы, строившей маяки и портовые сооружения. Отец писателя был твердолобым консерватором и глубоко верующим человеком. Однако сын не унаследовал ни профессии отца, ни его воззрений.

Уже в детские и отроческие годы у Льюиса проявились такие качества, как стремление к самостоятельности, склонность к самоанализу, неприятие прописных истин и бытовых условностей, и это дало толчок к романтическим исканиям. Категорически отказавшись от учебы на инженерном факультете Эдинбургского университета, на чем настаивал отец, Льюис получил юридическое образование и был допущен к адвокатуре, но предпочел ей вольную жизнь литератора и скитальца. Юношеское увлечение идеями Ч. Дарвина, Г. Спенсера и социалистов-утопистов сделало Льюиса вольнодумцем. В его письмах отцу, написанных в этот период, встречаются резкие выпады против религии и привилегированных классов, едва не приведшие к разрыву с семьей. В дальнейшем Льюис примирился с идеей бога, но до конца своих дней отказывался примкнуть к какой-либо церкви.

Конкретные общественные явления Стивенсон рассматривал с точки зрения соответствия его критериям честности, благородства, верности и т. д. Как честный и гуманный человек, Стивенсон осуждал корыстолюбие, лицемерие и лживость, присущие буржуазной цивилизации, отвергал национальное и расовое неравенство, гневно протестовал против бесчинств английских колонизаторов в Трансваале, а в последние годы жизни пытался помочь друзьям самоанцам. Вместе с тем, ценя верность как одну из высших добродетелей, он всегда оставался лояльным подданным королевы Виктории и бурно реагировал на малейшую непочтительность к английской королевской семье.

Летом 1876 г., путешествуя по Франции, Льюис остановился в деревушке Грез (в окрестностях Фонтенбло), где по традиции располагались английские и американские художники, приезжавшие учиться к прославленным барбизонцам. Здесь он встретил Фрэнсис (Фэнни) Ван де Грифт Осборн, прелестную американку, как ее называли в этом селении.

Льюис и Фэнни полюбили друг друга. Замужняя женщина, на десять лет старше Льюиса, человек иного круга — она прочно и неотвратимо вошла в жизнь писателя. Вопреки угрозам родителей и отговорам друзей он в 1879 г. последовал за ней в Соединенные Штаты. Бракоразводный процесс сделал Фэнни свободной, и 19 мая 1880 г. в Сан-Франциско состоялась их свадьба.

Фрэнсис Мэтилда Ван де Грифт (или Вандергрифт, как предпочитали писать ее предки шведского и голландского происхождения) родилась 10 марта 1840 г. в американском городе Индианаполисе в семье дельца средней руки, торговца лесом и недвижимостью. Семнадцати лет она вышла замуж за мелкого судейского чиновника Сэма Осборна. Молодая чета переехала на юго-запад США, в богатые серебром глухие горные районы Невады, где поселилась в поселке старателей, а затем осела в Калифорнии. Брак оказался несчастливym. В 1875 г. Фэнни забрала детей (пятнадцатилетнюю Айсобел, семилетнего Ллойда и младенца Харви) и уехала во Францию. Вскоре Харви там умер от туберкулеза. В тихой деревушке в кругу друзей-художников Фэнни переживала постигшую ее утрату. Тут и произошла ее встреча с Льюисом.

Еще в детстве, живя в Индианаполисе, тогда немногим отличавшемся от сельского поселения, Фэнни научилась хорошо шить и готовить, варить мыло, ходить за скотом, с увлечением работала в саду и на огороде. Любовь к земле Фэнни сохранила на всю жизнь.

Новые черты — смелость, независимость, умение преодолевать трудности, пренебрежение предрассудками и условностями мещанской среды — проявились у нее в суровые годы жизни в Неваде. Здесь она не расставалась с тяжелым револьвером, курила самодельные сигары, стряпала и стирала для целой артели старателей.

Рано развилось у Фэнни эстетическое чувство. В Индианаполисе она без ума была от местной поэтессы С. Болтон, в Калифорнии сблизилась с литераторами, музыкантами и художниками. Когда у дочери обнаружили способности к живописи, Фэнни вместе с ней стала посещать школу в Сан-Франциско и получила серебряную медаль за рисунок. Во Франции мать и дочь тоже занимались живописью. Пробовала Фэнни свои силы и в литературе. Льюис считал, что она обладает тонким литературным вкусом.

Усердная фермерша и эмансипированная женщина американского Дальнего Запада, небесталанный художник и тонкий литератор — такой предстает перед нами Фэнни Стивенсон. Не это ли сочетание деловитости с душевной утонченностью, приземленности с идеализмом, а также любовь к природе и неиссякаемая жизнерадостность придавали ей особое очарование в глазах Льюиса? Она стала якорем, связывающим писателя с повседневной действительностью, и в то же время понимала и разделяла его романтические идеалы.

В середине 70-х годов у Льюиса началось тяжелое заболевание легких и бронхов (скорее всего туберкулез, хотя один из новейших его биографов, Э. Н. Колдуэлл, ставит под сомнение этот диагноз). «Кровавый Джек» — так называл писатель горловое кровотечение — стал его частым гостем. Стивенсоны подолгу жили на французских и английских курортах, в горных местностях Соединенных Штатов. Летом 1888 г. Льюис решил совершить путешествие по островам Тихого океана.

На арендованной яхте «Каско» Стивенсоны отправились в Полинезию. Первый этап их тихоокеанской одиссеи завершился на Гавайских островах. После шестимесячного пребывания на Гавайях Льюис и Фэнни предприняли новый вояж. На торговой шхуне «Экватор» они посетили многочисленные маленькие атоллы, составляющие микронезийский архипелаг Гилберта. Затем капитан «Экватора» взял курс на острова Самоа.

Стивенсона очаровала природа и люди этого архипелага. Гордые и свободолюбивые самоанцы показались ему чем-то похожими на шотландских горцев. К тому же целительный климат Самоа, как и некоторых других островов, оказал благотворное воздействие на тяжелобольного писателя. И Стивенсон принял неожиданное решение: по совету одного из осевших здесь американцев, Гарри Мурса, и по настоянию Фэнни он купил сто двадцать гектаров тропического леса на склоне горы Ваза, примерно в пяти километрах от Апии. Любитель звучных наименований, Льюис назвал свое приобретение Ваилимой («пять вод» по-самоански) — в честь местного ручья, питаемого четырьмя притоками. Поручив Мурсу руководить работами по расчистке участка и строительству дома, Стивенсоны отбыли на пароходе «Любек» в Австралию.

Но в иных климатических условиях (в Сиднее стояла прохладная и сырая погода) здоровье писателя резко ухудшилось. Поэтому на первом же торговом судне, отплывавшем в Южные моря, на шхуне «Дженет Никол», Льюис и Фэнни отправились в новое путешествие по островам Океании.

По возвращении в Сидней у Льюиса опять начались горловые кровотечения. Приговор врачей гласил: «Океания или смерть». Стивенсону пришлось отказаться от задуманной поездки в Англию. Он послал туда Ллойда, сына Фэнни от первого брака, с поручением продать виллу в Борнемуте и привезти хранящиеся там книги, картины и ценную утварь в Апию. В сентябре 1890 г. Стивенсоны поселились в своей тропической усадьбе. В самоанском дневнике Фэнни появились первые записи.

Когда Льюис и Фэнни прибыли в Ваилиму, работы там были в самом разгаре. Пока не был готов большой и просторный жилой дом (к которому впоследствии пристроили еще флигель), Стивенсоны разместились в незамысловатом дощатом строении. Фэнни с головой окунулась в хозяйственные дела. Ей хотелось не только создать в доме максимальный уют, не только обеспечить семью собственным продовольствием, но и заложить тропическую плантацию, которая бы приносила доход. Последнее оказалось едва ли достижимым, но стараниями Фэнни усадьба вскоре приобрела обжитой вид. Что же касается Льюиса, то он сразу же принялся за литературную работу, но порой с удовольствием трудился и на плантации.

«Вид этих лесов, гор и необыкновенный аромат обновили мою кровь», — говорит Джон Уилтшир, герой повести Стивенсона «Берег Фалеса». И это относится к самому Льюису. Четыре ваилимских года были для него очень плодотворными. Писатель заканчивает книгу путевых очерков «В Южных морях», создает повести и рассказы, вошедшие в сборник «Вечерние беседы на острове». Одно из этих произведений, «Берег Фалеса», сам автор считал «первой реалистической повестью о Южных морях». Океанийский материал широко использован им также в романах «Потерпевшие кораблекрушение» и «Отлив», написанных совместно с Ллойдом. Но в наиболее значительных произведениях, созданных в этот период, Льюис вновь обращается к милой его сердцу Шотландии, к увлекательным событиям ее истории. На борту «Экватора» были дописаны последние страницы романа «Владелец Баллантрэ». В 1893 г. вышел из печати «Дэвид Бэлфур» («Катриона») — продолжение романа «Похищенный». До последних дней жизни писатель работал над двумя большими романами — «Сент-Ив» и «Уир Гермистон». Первый из них после смерти Льюиса был завершён по его наброскам английским литератором Квиллер-Кучем, другой — возможно, вершина творчества Стивенсона — так и остался неоконченным.

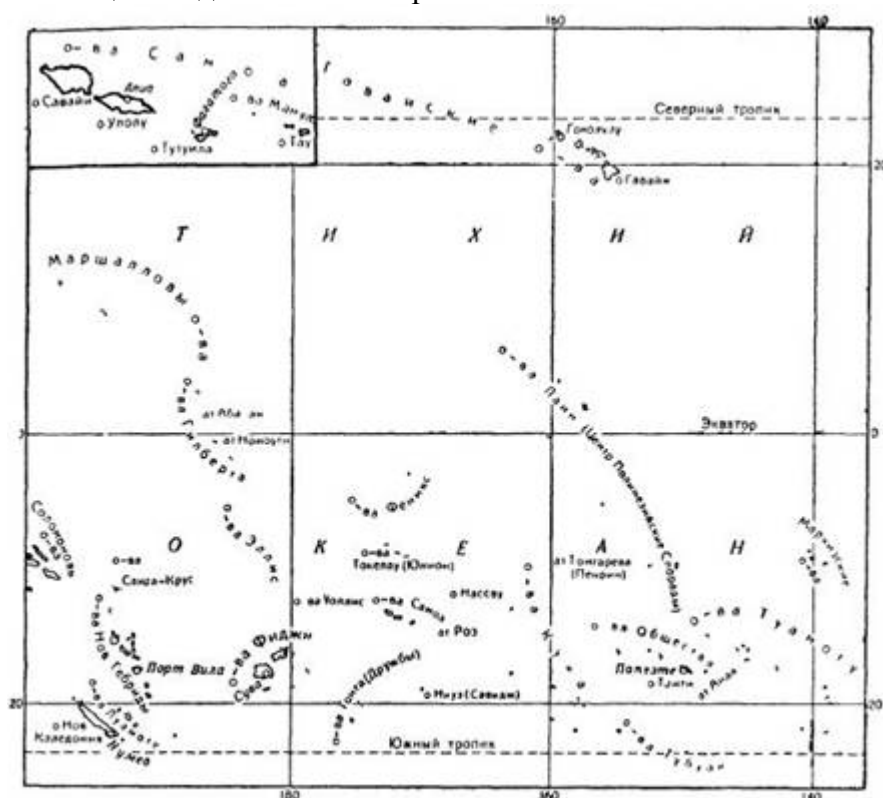
Вначале Льюис и Фэнни, по-видимому, разделяли мнение о «ненадежности» слуг-самоанцев, внушенное «белыми» обитателями Апии, и это предубеждение отразилось в некоторых дневниковых записях Фэнни. Но уже в 1891 г. хозяева Ваилимы перешли к использованию островитян на всех должностях, и этот эксперимент вполне удался, хотя обучение новых работников не всегда проходило гладко. Наряду с самоанцами в Ваилиме работали выходцы с других островов Полинезии и два меланезийца. Все вместе они составляли как бы большую семью, в которой Льюис и Фэнни были вождями (алии). Стивенсоны уважали достоинство своих работников, их нравы и обычаи, относились к ним как к друзьям и помощникам, старались развить у них сознательное отношение к труду. Всякого рода проступки обычно рассматривались на «семейном совете», в котором участвовали все работающие в Ваилиме островитяне, причем наказанием были только порицание, удержание части заработной платы и наконец увольнение. Такое гуманное и отеческое отношение к «туземным рабочим» было в то время на Самоа в диковинку.

Еще в декабре 1889 г., представляя Стивенсона самоанцам, один из миссионеров назвал его Туситалой («пишущим истории»), и это указание на профессию писателя стало самоанским именем Льюиса. Оно окончательно закрепилось за Стивенсоном после того, как островитяне познакомились с его рассказом «Дьявольская бутылка» — первым художественным произведением, переведенным на самоанский язык. Но всеобщую любовь и уважение коренных жителей архипелага Стивенсон завоевал не только как алии Ваилима и даже не только как Туситала, но и как мужественный и честный человек, который в трудное для самоанцев время пытался защитить их от коварных происков колонизаторов.

«Невозможно жить здесь и не чувствовать очень болезненно последствий чудовищного хозяйничанья белых, — писал Стивенсон незадолго до своей смерти. — Я пытался не вмешиваться и глядеть на все со стороны, но это оказалось выше моих сил». Чтобы лучше понять порой отрывочные сведения о событиях на Самоа, содержащиеся в книге, и ту роль, которую сыграл в этих событиях Льюис, нужно познакомиться с местом действия,

предысторией и закулисной стороной развернувшейся здесь драмы.

Острова Самоа расположены в юго-западной части Тихого океана, на морских путях из Америки в Австралию. Общая площадь Самоа — три тысячи двадцать квадратных километров, причем на долю двух сравнительно крупных островов — Савайи и Уполу — приходится соответственно тысяча семьсот девять и тысяча сто сорок четыре квадратных километров. Все острова архипелага, за исключением атолла Роз, вулканического происхождения и имеют горный рельеф. Деревни самоанцев, утопающие в вечнозеленой растительности, сосредоточены в низменной прибрежной полосе. Климат архипелага морской, тропический, с небольшими температурными колебаниями в течение суток, сезона и всего года. Обилие солнца и влаги, большие массивы плодородных земель, особенно на Уполу, благоприятствуют развитию земледелия. На протяжении многих веков самоанцы выращивали таро, ямс, кокосовую пальму, хлебное дерево, бананы и сахарный тростник. Значительную часть пищи они добывали из моря.

Схематическая карта островов Океании

Издавна на Самоа развивалась самобытная культура. Высокого мастерства достигли специалисты по строительству судов, домов, резчики по дереву. Они входили в наследственные объединения, своего рода касты, возглавлявшиеся священнослужителями, которые знали не только молитвы и обряды, но и реальные секреты мастерства.

История Самоа до появления там европейцев остается почти неизвестной. Легенды и предания, а также материалы немногочисленных пока археологических раскопок рассказывают о межплеменных войнах и вторжениях тонганцев, свидетельствуют о постепенном углублении социального неравенства. К началу XIX в. на Самоа далеко зашел процесс разложения первобытнообщинного строя и формирования классового общества: островитяне делились на знать и рядовых общинников, основательно была разрушена родо-племенная организация, племенные границы почти повсеместно сменились областными, возникали довольно крупные территориальные объединения во главе с верховными вождями.

Основной хозяйственной ячейкой самоанского общества была — и остается ею до сих пор — большесемейная община (аинга). Она состояла из трех-четырёх поколений

ближайших родственников по мужской линии, женщин, пришедших в общину по браку, и лиц, включенных в нее в результате усыновления или удочерения. Члены аинги (в среднем сорок — пятьдесят человек) сообща владели землей и совместно выполняли все трудоемкие работы. Они избирали главу общины (матаи), учитывая как принцип первородства, так и личные качества кандидатов. Матаи был наделен значительной властью.

Деревню населяло несколько большесемейных общин. Глава самой знатной аинги являлся вождем всей деревни. Он заседал в деревенском совете (фоно) вместе с главами других большесемейных общин. На заседаниях совета могли присутствовать все общинники. Но решения принимали только матаи.

Десять — двенадцать деревень составляли округ. В гостевом доме (фалетеле) самой влиятельной деревни или на ее общественной площади (малае) собиралось окружное фоно. В нем участвовали главы всех деревень, но решающее слово принадлежало одному или нескольким знатнейшим вождям.

В начале XIX в. на Самоа насчитывалось десять таких территориальных объединений. Каждый округ располагал почетным титулом, который он мог присваивать одному из наиболее выдающихся вождей архипелага. Если самоанец знатного происхождения становился обладателем пяти наиболее почетных титулов, он мог претендовать на роль верховного вождя (тупу). Не разобравшись в особенностях общественного устройства, существовавшего на Самоа, европейцы в XIX в. обычно называли самоанских верховных вождей королями. В действительности же власть тупу была невелика и к тому же не передавалась по наследству, прекращаясь с его смертью или просто с падением его популярности.

Ограниченность природных ресурсов архипелага и его относительная изоляция замедляли развитие самоанского общества. Но самоанский народ неуклонно развивал свою самобытную культуру, пока его поступательное движение не было прервано нашествием колонизаторов.

Острова Самоа были открыты в 1722 г. голландским мореплавателем Роггевеном, а в 1768 г. обследованы французской экспедицией Бугенвиля. В начале XIX в. здесь стали селиться беглые матросы, торговцы, разные европейские авантюристы. В 1830 г. на Самоа прибыли английские миссионеры, которые начали распространять среди островитян христианство.

К середине XIX в. архипелаг превратился в арену борьбы между немецкими, американскими и английскими дельцами, которых поддерживали консулы соответствующих держав. Колонизаторы разжигали междоусобные войны и за огнестрельное оружие получали у враждующих вождей земли и различные привилегии.

Особенно активно действовала крупная немецкая компания «Годефруа унд зон» (после 1878 г. — «Дойче хандельс унд плантаген гезельшафт дер Зюдзее цу Гамбург») — отвратительный колониальный спрут, протянувший свои щупальца ко многим островам Тихого океана. На захваченных у самоанцев землях немецкая фирма создала обширные плантации кокосовых пальм. Для их обработки она ввезла тысячи колониальных рабов, обманом или силой завербованных на островах Меланезии и Микронезии. Свист бича, не умолкавший на немецких плантациях, красноречиво напоминал о печальной судьбе, уготованной фирмой островитянам Тихого океана.

Соперничество консулов трех держав, поддерживавших разные группировки самоанской знати, интриги иностранных торговцев, наживавшихся на междоусобных войнах, все более осложняли обстановку на островах. На Самоа лилась кровь, приходили в запустение сады и плантации, военные корабли колонизаторов сжигали беззащитные деревни. Междоусобицы, голод, усиление эксплуатации, а также болезни, занесенные чужеземцами, приводили к неуклонному уменьшению численности самоанцев. Ко времени прибытия Стивенсонов на Самоа там оставалось около тридцати тысяч коренных жителей — почти вдвое меньше, чем было в начале XIX в.

В 1881 г. три державы договорились признать самоанским «королем» верховного

вождя Малиетоа Лаупепу. Но смута на островах не прекратилась. Лаупепа в 1885 г. поссорился с немцами, и они стали поддерживать его соперника Тамасесе. Немецкие колонизаторы все более нагтели. Воспользовавшись фактическим преобладанием Германии на Самоа и отсутствием единства среди своих английских и американских конкурентов, они в 1887 г. свергли Лаупепу, отправили его в изгнание, а «королем» провозгласили Тамасесе. Немецкий капитан Брандейс, назначенный «премьер-министром», обложил всех самоанцев высокими налогами и, опираясь на немецкие военные корабли, попытался кровавыми репрессиями упрочить свое положение на островах.

Эти разбойничьи действия переполнили чашу терпения самоанцев. Во главе недовольных встал вождь Матаафа, смелый и решительный человек, пользовавшийся большой популярностью на островах. Воины Матаафы победили войско Тамасесе. Немецким властям пришлось отозвать Брандейса. Уязвленный этой неудачей, германский консул приказал бомбардировать с моря деревни сторонников Матаафы. В ночь на 18 декабря 1888 г. немцы попытались разоружить самоанских воинов, расположившихся на ночлег в деревне Фангалии. Но немецкий десант встретил решительный отпор и вынужден был поспешно отступить на корабль, потеряв двадцать человек убитыми и тридцать ранеными. Это была большая моральная победа самоанцев.

Обеспокоенные агрессивными действиями немцев, явно стремившихся к безраздельному господству на Самоа, правительства Англии и США направили в самоанские воды свои военные суда. Обстановка все более накалялась, так как каждый из адмиралов получил от своего правительства воинственные инструкции. Неизвестно, чем закончились бы эти военные приготовления, если бы не вмешались силы природы.

16 марта 1889 г. на Апию обрушился страшный ураган. Все немецкие и американские военные корабли были выброшены на берег или разбились на рифах. Погибло около ста пятидесяти моряков. Уцелел только английский фрегат «Каллиопа», смело вышедший в открытое море в разгар урагана.

Катастрофа в Апии несколько охладила горячие головы в столицах заинтересованных держав. В Берлине собралась конференция по самоанскому вопросу, в которой приняли участие представители Германии, Англии и Соединенных Штатов.

Генеральный акт Берлинской конференции, подписанный 14 июня 1889 г., предусматривал возвращение из ссылки и восстановление на самоанском «престол» Малиетоа Лаупепу. Но всеми его действиями должен был руководить европейский «советник» — главный судья, наделенный огромными полномочиями. Апия с окрестностями была изъята из-под юрисдикции самоанского «короля» и объявлена «нейтральной территорией»; управление ею возлагалось на муниципальный совет во главе с президентом. Как президент, так и главный судья назначались по согласованию между тремя договаривающимися сторонами и должны были действовать в тесном контакте с консулами этих государств. Для рассмотрения земельных претензий иностранных поселенцев и проверки их «прав» на уже захваченные у самоанцев территории учреждалась земельная комиссия трех держав.

В Генеральном акте конференции содержалось заверение, что Германия, Англия и США будут уважать «свободу и независимость» Самоа. Но практически они установили над архипелагом совместный протекторат. Достигнутое соглашение не могло принести сколько-нибудь длительного мира и спокойствия на Самоа, так как оно не соответствовало интересам и обычаям самоанцев и не обеспечивало эффективного управления островами. Более того, Берлинское соглашение означало лишь передышку в борьбе держав за господство над архипелагом.

После длительных переговоров с участием посредников три державы договорились назначить главным судьей шведского чиновника Конрада Седеркранца, а президентом муниципального совета Апии — молодого немецкого аристократа барона Зенфта фон Пильзаха. Седеркранц прибыл на Самоа лишь в декабре 1890 г., а Пильзах еще позднее — в

апреле 1891 г. Отсутствие административных способностей у этих двух уполномоченных великих держав, их недалекость, корыстолюбие и злоупотребления еще более обнажили пороки режима, навязанного самоанцам Берлинской конференцией.

Не очень-то церемонясь с иностранными поселенцами, Пильзах и Седеркранц еще более грубо и высокомерно обращались с коренным населением архипелага. Они не привлекли в новые органы власти ни одного самоанца, не считались с местными обычаями, заточили в тюрьму самоанских вождей, а «короля» Лаупепу — слабого и безвольного человека, морально сломленного за годы ссылки, — превратили при поддержке консулов трех держав в послушную марионетку. Такой образ действий президента и главного судьи вызывал растущее возмущение у островитян. На деревенских и окружных фоне ораторы-самоанцы гневно осуждали режим, навязанный их стране Берлинской конференцией. Переходя от слов к делу, самоанцы в некоторых местах перестали платить налоги.

Неуклюжие, необдуманые действия Седеркранца и Пильзаха, их диктаторские замашки и финансовые злоупотребления возбудили недовольство у многих иностранных поселенцев, включая Стивенсона и его жену. Но если недовольные иностранцы, как правило, заботились лишь о сохранении «престижа белого человека» и своих собственных интересах, то Льюис и Фэнни видели в действиях этих двух горе-администраторов прежде всего посягательство на свободу и независимость островитян, наступление на основы самоанского жизненного уклада.

Стивенсон председательствует на собраниях протеста, устраиваемых белыми жителями Апии, составляет петиции властям (тут пригодились его юридические познания!). Пытаясь изменить положение на Самоа, он решает привлечь внимание мировой общественности к происходящим здесь событиям.

Льюис посылает несколько разоблачительных писем в лондонскую газету «Таймс». Отложив на время работу над очередным романом, он в 1892 г. заканчивает книгу «Примечание к истории восемь лет волнений на Самоа». В этом публицистическом произведении, основанном как на официальных документах и свидетельствах очевидцев, так и на его собственных впечатлениях, писатель рассказал о трагическом положении самоанцев в условиях колониального режима, насаждаемого чужеземцами, о «неистовстве консулов», о многочисленных вооруженных расправах над островитянами, о бесчинствах Пильзаха и Седеркранца.

Всемирная известность Льюиса как писателя обеспечила опубликование его писем в «Таймс», а также издание книги «Примечание к истории». Но буржуазное общественное мнение Англии и США отнеслось к его страстным выступлениям в защиту самоанцев как к «чужацеству» писателя, как к досадной помехе его художественному творчеству. Острее реагировали германские власти. Весь тираж немецкого перевода книги Стивенсона подвергся сожжению, а на его издателя наложили крупный штраф. Таков был ответ германского правительства на содержащийся в книге призыв к кайзеру Вильгельму положить конец немецким бесчинствам на Самоа и оградить права островитян.

Между тем положение на Самоа еще более обострилось в результате ссоры между Лаупепой и Матаафой. Матаафа, провозглашенный в 1888 г. верховным вождем после победы над Тамасесе, продолжал считать, что ему должны принадлежать плоды победы. Вожди округа Малие передали Матаафе титул Малиетоа, и это, по самоанским обычаям, еще более упрочило его права. Лаупепа, который, по-видимому, тяготился своей ролью «короля-марионетки», одно время был склонен признать верховенство Матаафы. Но против этого решительно выступили консулы Германии, Англии и США. Дело в том, что в секретном приложении к Генеральному акту Берлинской конференции была зафиксирована договоренность трех держав ни в коем случае не допускать Матаафу на самоанский «престол». Это объяснялось рядом обстоятельств. Колонизаторы опасались независимого образа действий Матаафы, его смелости и решительности и предпочитали иметь дело с более «покладистыми» вождями. Кроме того, германские власти не могли простить Матаафе

разгром отряда немецких моряков возле деревни Фангалии, а английские протестантские миссионеры, которые имели высокопоставленных покровителей в Лондоне, недолго любили Матаафу, так как он был обращен в католицизм французскими миссионерами.

31 мая 1891 г. между Матаафой и Лаупепой произошел открытый разрыв. Матаафа переехал из столицы в деревню Малие (двенадцать километров от Апии). Сюда начали стекаться его сторонники. Над Самоа снова стали сгущаться тучи кровопролитной войны.

Симпатии Стивенсонов были на стороне Матаафы. Этот вождь привлекал их не только своими личными качествами, выгодно отличавшими его от «короля-марионетки». Льюису и Фэнни были глубоко симпатичны попытки Матаафы и его сторонников защитить островитян от чужеземных угнетателей, отстаивать их право на независимое существование.

На протяжении двух лет Стивенсон регулярно посещал деревню Малие, хотя Матаафа был объявлен мятежником. Писатель понимал, что новая междоусобная война принесет островитянам лишь горе и разрушения, что ею воспользуются алчные чужеземцы, чтобы еще туже затянуть петлю на шее самоанского народа. Поэтому он убеждал Матаафу помириться с Лаупепой, чтобы, как записала Фэнни в своем дневнике, «оба работали вместе для блага и процветания Самоа». Стивенсон выступил посредником между двумя вождями. По его настоянию Матаафа в 1892 г. выразил готовность разделить власть с Лаупепой, стать при нем чем-то вроде «вице-короля» или «премьер-министра». Но представители трех держав запретили «королю» принять это предложение.

Весной и летом 1892 г. перевес сил был на стороне Матаафы. Но пока этот «мятежный» вождь по совету Льюиса вел переговоры об улаживании конфликта мирным путем, представители трех держав, особенно немецкий консул, принимали меры для укрепления войска Лаупепы и ослабления позиций Матаафы на островах. Угрозами и посулами им удалось заставить часть самоанских вождей перейти на сторону «короля» или хотя бы отказаться от активной поддержки Матаафы. После этого был взят курс на вооруженное подавление «мятежа».

В июне 1893 г. начались вооруженные столкновения. Но происходили лишь мелкие стычки, так как островитяне весьма неохотно участвовали в братоубийственной войне. Однако 7 июля правительственные войска получили строгий приказ выступить из Апии и занять боевые позиции возле поселка Ваилеле. 8 июля здесь произошло решающее сражение, в котором сторонники Матаафы потерпели поражение. Матаафа отступил на остров Савайи, а оттуда переправился на островок Манано, чтобы там подготовиться к продолжению борьбы. Исход ее еще не был решен, так как в лагере победителей начались раздоры: приверженцы Тамасесе, отомстив Матаафе за разгром 1888 г., не желали далее поддерживать Лаупепу. Но тут в войну открыто вмешались великие державы.

16 июля в Апию прибыл английский крейсер «Катумба». Его командир вручил консулам запечатанные пакеты: правительства трех держав предписывали им оказать прямую вооруженную поддержку Лаупепе с целью скорейшего подавления «мятежа».

В соответствии с полученными инструкциями два немецких военных корабля и «Катумба» с консулами на борту отправились к Манано. Матаафе предъявили ультиматум: если он и его сторонники немедленно не сложат оружие, островок будет подвергнут с моря беспощадной бомбардировке. Чтобы спасти жизнь и имущество мирных жителей, Матаафа капитулировал. Но как только пленников доставили на военные суда, воины Лаупепы, следовавшие в лодках за кораблями чужеземцев, устроили на Манано кровавую резню и предали огню дома и плантации.

Так закончилась попытка Матаафы преградить путь чужеземным пришельцам. Самого Матаафу и 13 его ближайших сподвижников колонизаторы отправили в ссылку на захваченные Германией Маршалловы острова, а 27 вождей более низкого ранга заточили в тюрьму в Апии. На деревни, участвовавшие в «мятеже», была наложена большая контрибуция.

Льюис и Фэнни тяжело переживали ужасы братоубийственной войны и поражение Матаафы. Сразу же после сражения у Ваилеле Льюис участвовал в превращении одного из

общественных зданий в госпиталь и помогал там при операциях. Писатель укорял себя за то, что отговорил Матаафу от вооруженного выступления в 1892 г., когда соотношение сил было более благоприятным, хотя, как показали последующие события, три державы все равно лишили бы его плодов победы. Все, что теперь мог сделать Льюис, — это попытаться облегчить участь пленников и других сторонников Матаафы. И он публично обвинил консулов, нового главного судью и других белых чиновников в вероломстве и потребовал прекращения репрессий, предупредив, что сообщит об их поведении мировой общественности. Писатель уединился за письменным столом и взялся за перо — свое самое грозное оружие. В Лондон — в газеты и членам парламента — ушло несколько негодующих писем, в которых Льюис поведал правду о войне, спровоцированной белыми пришельцами, и жестокостях, которые творились с их ведома или даже по их приказу.

Чтобы немного оправиться от пережитого потрясения, Стивенсон в октябре 1893 г. совершил поездку на Гавайские острова. Но здесь он столкнулся с еще одним проявлением империалистической колониальной политики: за несколько месяцев до его приезда поселенцы-янки под руководством посланника США и при активной поддержке американских военных моряков свергли гавайскую королеву Лилиуокалани, создали марионеточную «республику» и сразу же обратились в Вашингтон с «просьбой» присоединить ее к Соединенным Штатам.

Гавайская «революция» и последние события на Самоа, по-видимому, на многое открыли глаза писателю. Стивенсон увидел в них определенную закономерность и понял, что дело не столько в людях типа Седеркранца и Пильзаха, которых он еще недавно считал главными носителями зла, сколько в их хозяевах, пребывающих в Берлине, Лондоне и Вашингтоне. Если в декабре 1891 г. Льюис, судя по записям Фэнни, считал, что наименьшим злом для самоанцев будет установление над их островами английского протектората, то теперь его взгляды существенно изменились. Находясь на Гавайях, он сказал в беседе с американскими журналистами: «Я вижу только один выход из положения — выполнить требование самоанского народа об аннулировании Берлинского акта. Три державы должны полностью уйти, оставить туземцев в покое и позволить им управлять островами по собственному усмотрению... Это может отразиться на торговле и, конечно, на нынешнем положении всех иностранцев... Но в конце концов нужно заботиться не о докторе, а о пациенте».

Вернувшись в Ваилиму, Стивенсон возобновил хлопоты о своих самоанских друзьях. Он послал с оказией томящемуся на чужбине Матаафе коренья кавы для приготовления церемониального напитка и другие подарки, стал демонстративно заботиться о вождах, заточенных в тюрьму Апии.

К осени 1894 г. вожди один за другим были освобождены из тюрьмы. Теперь они смогли отплатить Туситале за заботу и ласку. Вместе со своими семейными общинами и другими сторонниками Матаафы они проложили через тропический лес Дорогу Благодарности. Она начиналась у проезжего тракта, пересекающего остров, и доходила до главного ваилимского ручья. В начале дороги к дереву была прикреплена доска с такой надписью: «Мы храним в памяти исключительную доброту мистера Р. Л. Стивенсона и его полную любви заботу о нас во время наших горестных испытаний. Поэтому мы приготовили ему такой подарок, который сохранится навсегда, — построили эту дорогу». Далее следовали подписи вождей.

Между тем самочувствие писателя резко ухудшилось. Волнения и переживания истекшего года, по-видимому, не прошли бесследно для его здоровья. У Льюиса почти отнялась правая рука. Участились визиты «кровоавого Джека». В его письмах на все лады склоняется теперь слово «смерть». Но творческая работа не только не прекратилась, а, наоборот, велась в лихорадочном темпе: писатель спешил завершить задуманное. Его многолетний поединок со смертью приближался к концу.

3 декабря 1894 г. у Стивенсона произошло смертельное кровоизлияние в мозг. Всего через шесть недель после окончания Дороги Благодарности самоанским друзьям Льюиса

пришлось прорубать Дорогу Скорби на вершину горы Ваза. Здесь писатель нашел вечный покой.

В 1899 г. разыгрался последний акт самоанской трагедии: несмотря на сопротивление островитян, архипелаг был поделен между Германией и Соединенными Штатами. Немецкие империалисты захватили Западное, а американские — Восточное Самоа, причем линией разграничения стал 171° западной долготы. Англия отказалась от своих притязаний на Самоа в обмен на германские уступки на других тихоокеанских островах и в Западной Африке. Оба крупных острова архипелага, в том числе Уполу, где находилось имение Стивенсонов, достались немецким колонизаторам.

В годы первой мировой войны Западное Самоа было захвачено Новой Зеландией, и немецкого губернатора в Апии сменил уполномоченный («верховный комиссар») этой страны. История новозеландского колониального управления Западным Самоа — это история непрерывной борьбы островитян за свободу и независимость. После второй мировой войны, в условиях распада мировой колониальной системы, эта мужественная борьба принесла желанные плоды. 1 января 1962 г. над Апией взвился флаг независимости. Но восточная часть архипелага все еще остается колонией Соединенных Штатов.

Стивенсон теперь не узнал бы Апию. Самоанская столица разрослась настолько, что Ваилима оказалась в городской черте. Но правительство молодого государства объявило усадьбу музеем-заповедником и бережно охраняет все связанное с именем Туситалы, в том числе его могилу на вершине горы Ваза. На подступах к вершине запрещена охота на птиц, и их веселые голоса оживляют этот суровый уголок. В стивенсоновском доме изредка устраивают торжественные приемы, размещают почетных гостей. Но все внутреннее убранство дома и многие предметы хозяйственного обихода остались те же, что были при Льюисе и Фэнни. Усадьба и памятник, установленный на могиле писателя, изображены на самоанских почтовых марках.

Остается сказать несколько слов о том, как была задумана и подготовлена книга, предлагаемая вниманию читателей.

В 1952 г. американский писатель и литературовед Чарлз Найдер посетил Дом-музей Стивенсона в калифорнийском городе Монтерее — старое глинобитное строение, в котором Льюис как будто жил осенью 1879 г., накануне женитьбы. Здесь в стеклянной витрине Найдер увидел конторскую книгу в крапчатом переплете с корешком из телячьей кожи. Это был неизданный самоанский дневник Фэнни Стивенсон.

Фэнни делала записи наскоро, порой очень неразборчиво, охотно прибегала ко всякого рода сокращениям. Чернила порыжели. К тому же некоторые места рукописи были впоследствии старательно замазаны синими чернилами: наследники Фэнни «отредактировали» дневник, прежде чем передать его в 1949 г. на хранение в музей.

Затратив много времени и сил, Найдер расшифровал почти все неясности, прочитал с помощью новейших технических средств зачеркнутые места, устранил явные опiski и другие несообразности и подготовил рукопись к изданию.

Дневниковые записи Фэнни Найдер дополнил отрывками из писем Льюиса. Все использованные Найдером письма, за исключением двух, особо отмеченных в примечаниях, были адресованы другу Льюиса Сидни Колвину, в то время хранителю художественного фонда Британского музея в Лондоне. Найдер включил в свою композицию также отрывок из книги Стивенсона «Примечание к истории: восемь лет волнений на Самоа».

В основном тексте русского издания сохранены некоторые комментарии Ч. Найдера (они набраны петитом). Другие его материалы (подстрочные комментарии к дневнику и предисловие к американскому изданию) наряду с трудами биографов Стивенсона *note 1* и

Note1

М. Урнов. Роберт Луис Стивенсон (Жизнь и творчество). В кн.: Роберт Луис Стивенсон. Собрание сочинений в пяти томах, т. I. М., 1967; G. Balfour. The life of Robert Louis Stevenson, 2 vols. New York, 1901; J. C.

исследованиями по истории и этнографии Самоа note 2 использованы при подготовке этой вступительной статьи и примечаний редактора. В основном тексте указаны порядковые номера примечаний, помещенных в конце книги, причем каждому году дневника соответствует своя нумерация примечаний.

Дневник Фэнни печатается с небольшими сокращениями. Это интересный человеческий документ, который не только ярко характеризует Фэнни и Льюиса, но и позволяет совершить, словно на фантастической машине времени, путешествие в прошлое столетие, на опаленные тропическим солнцем далекие острова Самоа.

Д. Д. Тумаркин

1890 год

Фэнни. Сентябрь

...Прибыли в Ваилиму. Дела не слишком утешительные: главное внимание обращено на внешнюю красоту, а не на практические нужды. В углу участка, над маленьким водопадом, возвышается весьма изящное и весьма дорогое сооружение, сильно напоминающее эстраду для оркестра в увеселительном саду. И в то же время ни свинарника, ни курятника. Я начала с того, что поставила плотника собирать кровати, а Льюис распорядился зашить павильон досками, чтобы использовать его как рабочий кабинет.

Утром, едва успели позавтракать, явился буфетчик с «Любека» — парохота, на котором мы приплыли, — и попросил какой-нибудь работы до рождества. К тому времени он рассчитывает получить товар и открыть лавку. Я тут же наняла его с условием делать все, что потребуется. Он кажется очень старательным и покладистым, но на редкость неуклюж и явно не в ладах с английским языком.

В самый разгар моих строительных работ, когда только что была поднята крыша курятника, прискакал навестить нас миссионер мистер Клэкстон note 6. Я в роли хозяйки выглядела плачевно — вся перепачканная, в разорванном платье, со спутанными ветром и слипшимися от пота волосами, с кровоточащей ссадиной на голой лодыжке. Пришлось срочно приводить себя в порядок, бросив на Льюиса гостя, беспрестанно повторявшего: «Я ненадолго, мистер Стивенсон, я сию минуту уеду».

Едва он отбыл, как с первым визитом явился весь разряженный мой старый приятель (в переводе его имя означает «доброжелательный») — великолепный образец мужской красоты. Крайняя скудость его лавалава note 7 компенсировалась размером гирлянды из

Furnas. Voyage to windward. The life of Robert Louis Stevenson. New York , 1951; J. W. Ellison. Tusitala of the South Seas . New York , 1953; E. N. Caldwell. Last witness for Robert Louis Stevenson. Norman , 1960.

Note2

Н. А. Бутинов, Д. Д. Тумаркин. Западное Самоа. — «Сов. этнография», 1962, № 1; «Народы Австралии и Океании». М., 1956; F. M. and M. M. Keesing. Elite communication in Samoa . Berkeley — Los Angeles , 1956; J. W. Fox, K. B. Cumberland . Western Samoa . Christchurch , 1962; A. C. Gray. Amerika Samoa Annapolis , 1960; S. Masterman. The origins of international rivalry in Samoa 1845 — 1884. Berkeley — Los Angeles , 1934; D. L. Oliver. The Pacific islands. Cambridge , Mass, 1958.

Note6

Преподобный Артур Клэкстон из Лондонского миссионерского общества (см. о нем также прим. 9 к дневнику за 1892 г.).

Note7

Лавалава (самоанск.) — кусок материи, обертываемый наподобие юбки вокруг тела от пояса до колен, реже до щиколоток.

крупных цветов в четыре ряда, свисавшей с шеи до середины бедер. Он принес гостинцы — рыбу и плоды хлебного дерева в сыром и в печеном виде. Я только что ощипала курицу и собиралась приготовить ее к обеду с гарниром из жареных дикорастущих бананов, поэтому мне ничего не оставалось, как пригласить его пообедать с нами, хотя я понимала, что это опасный прецедент, следствием которого будет очень скорое повторение визита.

Разумеется, на следующий же день он опять пожаловал с новой корзиночкой продуктов. После взволнованного совещания мы решили распрощаться с ним, когда подадут обед. Это было крайне неприлично, но положительно необходимо. И вот, как только Пауль вошел в комнату, где мы сидели, и объявил, что обед готов, Льюис поднялся со стула, подошел к гостю и, протягивая ему руку, произнес «Тофа» — прощальное приветствие. Я сделала то же самое, и мы уселись за стол, совершив, с точки зрения самоанца, величайшую подлость. Едящий отдельно — очень оскорбительное прозвище. Итак, приятель удалился на заднюю веранду, а мы принялись за нашу отдельную еду, размышляя над тем, не превратили ли доброго друга в смертельного врага. Но ничуть не бывало: не успели мы выйти из-за стола, как он уже был тут как тут и не только принял несколько папирос, но перед уходом попросил бутылку керосина, в чем я ему твердо отказала.

Назавтра он пришел снова, в корзиночке у него были полисами *note 8*, плоды хлебного дерева и немного рыбы. На сей раз, поскольку мы уже подчеркнули, что не собираемся считать его членом семьи, тарелка с приличной порцией еды была выслана ему на заднюю веранду.

На следующий день вслед за мистером Клэкстоном нанес визит отец Гавэ, священник католической миссии. На мою беду, он не владеет английским, и я понимала его лишь урывками. Очень жалею об этом, так как хотела о многом расспросить его.

Кроме устройства курятника Бен со своими тремя подручными занимался расчисткой загона, где мы будем держать лошадь и, надеюсь, корову. Сейчас плотник огораживает загон проволокой. Траву надо будет подстригать, чтобы она лучше росла; она приживается с трудом, но уж когда пойдет, то очень сильная и подавляет сорняки. Этот сорт ввезен из Америки и называется «буйволова трава». Говорят, что скот на ней быстро прибавляет в весе, но она не дает ни жирного молока, ни хорошего мяса; если же корову дополнительно кормить папайей *note 9*, бананами и душистым тростником, который местные женщины вплетают себе в гирлянды, масло получается отличное. Молодые ростки папайи попадают на каждом шагу, и я велела Вену не трогать их.

Вчера вечером я кое-где побросала в землю семена дынь, помидоров и дикой лимской фасоли, в местах, где, мне кажется, они будут расти, потому что с огородом придется подождать. Нет смысла терять траву, уже пустившую корни. Я привезла немного семян люцерны. Мистер Мурс *note 10* говорит, что у него этот опыт прошел неудачно, но я думаю — совсем другое дело, если сама находишься тут же.

Вот уж два дня какая-то глупая птица мечется у нас под кровлей. Она залетела через открытую дверь, и я думала, что она тем же путем удалится, но нет — несчастное существо

Note8

Полисами (правильнее — палусами) — самоанское кушанье, считающееся деликатесом. Мелко нарезанные зеленые побеги таро насыпают в кокосовое молоко, разбавленное морской водой. Полученную кашу заворачивают в листья таро (наподобие голубцов), кладут на «противень» из банановых листьев, накрывают такими же листьями и запекают в земляной печи (уму) на раскаленных камнях.

Note9

Папайя (*Carica papaya*) — дынное дерево, широко распространенное под тропиками.

Note10

Гарри Дж. Мурс — богатый торговец-американец в Апии, владелец цепи факторий на островах Тихого океана. Вместе с другими английскими и американскими резидентами стремился подорвать немецкое преобладание на Самоа.

весь день летало взад-вперед, а на ночь устроилось на недосягаемой точке центральной балки. Вчера я поставила в ряд стулья и, бегая по ним, пыталась при помощи бумажной метелки, привязанной к длинному шесту, гонять птицу с места на место. Я надеялась, что она спустится пониже и вылетит через дверь или одно из окон, нарочно открытых для этой цели. И хоть я махала палкой до того, что руки опускались от усталости, она продолжала так же метаться вдоль конька. Сейчас я ее не вижу; одна надежда, что она вылетела, пока я руководила постройкой свинарника.

У нас три свиньи: хороший привозной белый кабан и две тощие самки. Они обитают внутри круглой каменной ограды, напоминающей старинную крепость. На борту «Дженет Никол» есть еще одна свинья, которую мне поросенком подарила на острове Севидж *note 11* жена метиса Джонни. Мне обещали ухаживать за свиньей до того, как «Дженет» придет в Самоа; тогда ее ссадят. Еще у меня там были в одном из пароходных рундуков сладкие кокосовые орехи для посадки. Наверное, про них забыли, когда выгружали на берег мои вещи. Надеюсь, что и они появятся вместе со свиньей.

Деревья, оставленные на расчищенном участке, — настоящие великаны. Стволы их обвиты лианами, а на развилках ветвей растут орхидеи. Что касается последних, то, говорят, недавно один ботаник открыл здесь две новые разновидности. Мистер Чалмерс (Тамате), миссионер с Новой Гвинеи, обещал прислать мне много разных сортов. В субботу вечером он приехал в гости вместе с миссис Клэкстон.

На наших больших деревьях полно птиц, которые вечером и утром, всегда в тот же час, перекликаются низкими гортанными голосами. Хотя это нельзя назвать пением, но звучит мелодично и красиво. Вчера, в воскресенье, Бен, свободный от своих обязанностей, взял ружье и отправился в лес на охоту. Он принес много птичек вроде маленьких попугайчиков, которые чуть не лопались от жира. Было как-то жалко есть этих птиц, потому что вид их вызывает в памяти клетки, кольца и подставки, но, так как другой еды не было, пришлось использовать их. Надо сказать, блюдо получилось превосходное. Я где-то читала, что на этом острове еще встречаются додо и родственные им так называемые зубоклювые попугаи. Приятно было бы иметь ручного додо. Это одно из моих заветных желаний.

Наш дом оказался источником многих хлопот и огорчений. Это маленький коттедж, который в будущем станет подсобным флигелем. В нем три комнаты наверху и две внизу. Мы живем на втором этаже. Одна из комнат, примерно четырнадцать на шестнадцать футов, служит столовой и гостиной; во второй, значительно меньшей, — спальня; третью, десять на шесть футов, мы используем как буфетную и кладовую. Большую комнату внизу занимают Бен с женой и двухлетней дочкой и трое канаков *note 12*, работающих у него под началом. Бен и один из работников не из этих мест, двое других, по-моему, самоанцы, так же как жена Бена. Миссис Бен — рослая молодая женщина, некрасивая, но с хорошей фигурой — обладает неподражаемым талантом к ничегонеделанию *note 13*. Обычно на ней только кусок материи, обернутый вокруг талии, но иногда она появляется в бумажном полосатом платье. Девочка, как правило, бегаёт голышом, но и у нее есть одежда размером с носовой платок. Малышка очень спокойная и вполне милая, если бы не ее неприятная манера пить воду из цистерны, присосавшись к крану. То, что мы знаем о подверженности самоанских детей

Note11

Ниуэ (Севидж) — изолированный остров в юго-западной Полинезии.

Note12

Канака (гавайск.) — человек, по-самоански — тангата. Европейцы стали употреблять это слово для обозначения всех коренных жителей островов Океании.

Note13

В этой и в ряде последующих записей Фэнни сквозит некоторое недоверие к самоанцам, которое было внушено ей европейцами, живущими в Апии. По мере того, как жена писателя знакомилась с жизнью и бытом самоанцев, ее отношение к ним становилось все более дружественным.

фрамбезии *note 14* — ужасной болезни, которая заразна и неизлечима для взрослых белых, не помогает нам примириться с этой привычкой девочки. Маленькая комната под нашей кладовой служит для той же цели Бена. Здесь он держит бочки с солониной, керосин, рис, галеты, провизию для рабочих, а также несколько лопат, заступов, топоров и ножей. Все это, за исключением ножей, в самом небрежном состоянии.

Боюсь, что утром я задела чувства Бена. Под вечер в субботу к нему явился какой-то старик, должно быть родственник жены, и пробыл все воскресенье. Поскольку у самоанцев из Апии дурная слава, я не могла отделаться от беспокойства за судьбу вскрытых ящиков, стоящих в помещении Бена. Все же я не хотела лишать Бена воскресных гостей. Но когда утром обнаружилось, что старик намерен прочно обосноваться и потребовал себе местную деревянную подушку *note 15*, которую углядел на верхней веранде, я решила сопротивляться. «Всякий, кто остается здесь после того, как окончил свои дела или визит, должен работать», — объявила я и поставила старика выкапывать камни. Он был очень обескуражен, а когда я вышла поглядеть, как идет дело, оказалось, что он переманил к себе на помощь рабочих, строивших курятник. Я отослала их назад, и старик удалился, но подозреваю, что он еще где-то поблизости.

Возвращаюсь к дому: в общем он нам нравится, за исключением окраски. Стены нашей гостиной, из которой и без того открывается вид на уродливую железную крышу, до высоты четырех футов от пола покрыты холодной черной краской, а выше — еще более холодной и раздражающей белой. Двери — ледящего свинцового цвета. Все вместе производит холодное и мертвящее впечатление. Мы порылись в ящиках и откопали довольно много кусков совсем темной тапы *note 16*: на сочном каштаново-черном фоне коричневый рисунок разных оттенков — от красновато-бурого до очень светлого кофе с молоком. Когда повесили тапу, изменился весь облик комнаты, несмотря на то что закрыты лишь обе главные стены. Над дверью, ведущей во вторую комнату, укрепили большую плоскую ветвь розовых кораллов с Ноноути *note 17*, подаренную мне капитаном Рейдом, когда мы плыли на «Экваторе». Пришлось заказать плотнику стеллажи в один из углов комнаты и в простенки у окон. Кроме того, он сбил по моим указаниям из пары досок подобие кушетки, на которую я положила матрац, прикрыв его шалью. На деревянном столе — старая розовая скатерть. Когда мы зажигаем лампу и ставим куриться буак *note 18* в маленькой японской коробочке, потому что москитов, увы, хватает, мы чувствуем себя уютно и совсем как дома. С отделкой стен, наверное, скоро справимся и застелим пол нашими красивыми циновками.

Note14

Фрамбезия (от франц. «framboise» — малина), тропический сифилис, инфекционное заболевание с резко выраженными кожными проявлениями.

Note15

На островах Океании вместо подушек употреблялись маленькие деревянные скамеечки.

Note16

Тапа — материя, изготавливаемая из луба (подкоркового камбиального слоя) бумажно-шелковичного дерева (*Broussonetia papyrifera*), реже фигового и хлебного дерева. До появления в Океании европейцев тапа служила островитянам основным материалом для изготовления одежды.

Note17

Ноноути — один из шестнадцати атоллов микронезийского архипелага Гилберта.

Note18

Буак — порошок от насекомых, содержащий пиретрум (иначе — персидский порошок, далматский порошок).

Фэнни Стивенсон в годы жизни на Самоа

Фэнни. 30 сентября

Окончена начатая вчера постройка свинарника. Вид у него, надо сказать, неказистый, но достаточно будет пары каких-нибудь ползучих растений, чтобы придать ему живописность. Вчера приходил прощаться Тамате, так как неожиданно прибыл его пароход.

Пока я наблюдала за строительством свинарника, а Льюис работал в павильоне, глупой птице удалось вылететь наружу. Я просто счастлива, что мы от нее избавились. Мучительно было думать о том, как она мечется под крышей, изнемогая от голода, жажды и страха. А Льюис даже не пожелал тратить сочувствия на такую дуру.

Я взяла продырявленную гвоздями молочную кастрюлю и вставила ее в отверстие бочки с водой в месте присоединения шланга. Надеюсь, что москитов теперь поубавится.

Вчера нас навестил Генри, прежний секретарь Льюиса, чистокровный самоанец с острова Савайи. Тогда, нанимаясь на секретарскую должность, он выразил надежду, что в процессе работы научится говорить по-английски «длинные фразы». Генри не внушает нам особой симпатии *note 19*. Он терял способность двигаться всякий раз, когда я просила о

Note19

Генри Симиле. «Генри — вождь низшего ранга с Савайи, которого я сначала презирал, затем полюбил и к которому — вплоть до каких-нибудь новых открытий — чувствую известное почтение. Он нам полезен, бродит среди работников, командует и присматривает, помогает Фэнни. Он вежлив, мягок, внимателен. (О, если бы так

маленькой услуге — принести стул или пройти несколько шагов до миссии. Тем не менее мы чувствуем, что его надо поддержать, потому что он интеллигентный и во многих отношениях очень передовой самоанец. Вчера он опять попросился на работу, но, так как здесь он нам абсолютно не нужен, Льюис предложил ему выполнять трижды в неделю обязанности курьера по шиллингу за поездку. Так как можно предположить, что его посещения будут не реже, получается как бы по шиллингу за визит. Он был готов отказаться, но побоялся потерять шанс на что-нибудь лучшее в будущем и дал согласие.

Как раз когда я сидела за весьма скромной трапезой — немного тушеной телятины, жесткой, как подошва, с гарниром из вареной папайи и хлебных плодов и стаканом красного вина с водой, — явился с визитом немецкий генеральный консул доктор Штюбель. Кажется, над всей лошадиной сбруей в Самоа тяготеет непонятный рок: уздечки рвутся, седла распадаются на составные части и вообще верховая езда сопряжена с несколько рискованным интересом. Случайно у меня оказался под рукой кусок крепкой веревки, и доктор Штюбель смог подвязать лопнувшую уздечку. Надеюсь, моя веревка честно сослужила службу в помогла доктору благополучно добраться до дома.

На участке всюду молодые побеги папайи, что меня очень радует в расчете на будущих коров. Мы с Паулем посадили много фасоли, но только в порядке опыта. Считается, что здесь она не будет расти. В несколько ящиков с землей мы высеяли семена помидоров, артишоков и баклажанов. На днях мистер Карразерс *note 20* прислал нам полдюжины превосходных ананасов, и мы, по мере того как едим их, сажаем верхушки.

Миссис Бен сегодня не в духе, и ее бедному супругу приходится плохо. Она так вскидывает голову на ходу, что ключи, которые висят у нее на ухе, со звоном ударяются о скулу. Ее очень разозлило, что Пауль запретил ей мыться под краном бочки с питьевой водой.

Написала длинное письмо Ллойд *note 21* о здешней нашей жизни и теперь совсем запуталась: боюсь, что повторяюсь.

Фэнни. 6 октября

Была так занята, что не могла написать ни словечка. Зато у меня достижение: посажено порядочно сахарной кукурузы, немного гороха, лука, салата и редиски. Взошли лимская фасоль и несколько канталупских дынь. Приезжал мистер Карразерс и привез маленький кустик мяты и несколько черенков страстоцвета, которые мы посадили вокруг беседки. Он видел, как один из наших работников продавал дыни с ваилимского участка. Правда, они непригодны для еды, но сам факт возмутителен.

У Ва, жены Бена, тяжелый характер. Недавно вечером я слышала, как она ворчала на него, точно сварливая старуха, а потом вдруг с визгом бросилась к водопаду. Изрядно поплакав и покричав, она вернулась и присоединилась к общей молитве. Бен — отличный, достойный человек; как жаль, что он так неудачно женился. Меня сначала удивляла крайняя, по-самоанским понятиям, бедность миссис Бен, потому что у нее нет ничего, кроме старой циновки, которой она укрывается ночью, используя для подстилки одну из моих. Но Льюис объяснил мне, что Бен чужой здесь, без всяких родственных связей и поэтому должен был

было всегда!) Но сохранит ли он это временное свое „я“ на весь год? Как бы там ни было, он у нас заслуженный, и ему надо очень сильно разочаровать меня, чтобы я решил с ним расстаться» (Из письма Р. Л. Стивенсона.)

Note20

Р. Х. Карразерс — юрист из Апии, поверенный Мурса.

Note21

Ллойд Осборн (1868 — 1947) — сын Фэнни от первого брака. Льюис посвятил Ллойд свой знаменитый приключенческий роман «Остров сокровищ» и написал в сотрудничестве с ним несколько произведений.

считаться такой плохой партией, что семья Ва, вероятно, решила оставить ее без свадебных подарков. Это напомнило мне, как тогда на Бутаритари *note 22* Артур Уайз, опустившийся бродяга-ныряльщик, желая уязвить Льюиса, кричал, когда мы сели за стол: «Что вы делаете? Кого угощаете? Ведь это человек не с нашего острова!» Если уж на то пошло, это обвинение столько же относилось к нему, как и к нам.

По-видимому, добиться присылки сюда из Апии чего бы то ни было совершенно невозможно. Письма и записки летают взад-вперед, но, за исключением заказов мяснику Краузе, безрезультатно. Не странно ли, что в городе, где без труда найдешь шампанское высшей марки, не говоря уж о составных частях любого коктейля, нельзя купить ни грабель, ни лопаты.

Генри приходил еще раз в назначенный день и провел у нас несколько часов, помогая распаковывать ящики. Он опять просил работы, и, слегка поторговавшись, мы договорились, что он придет в понедельник сажать со мной деревья, которые сам же добудет; его обязанностью остается также несколько раз в неделю ездить верхом в Апию с разными поручениями. Кроме того, они с Льюисом будут ежедневно заниматься друг с другом самоанским и английским. Его жалованье — десять долларов в месяц и стол. Я должна выдать ему одеяло; спать он будет внизу с семьей Бена, а питаться вместе с Паулем.

Из-за отсутствия продуктов мы чуть ли не голодали до вчерашнего дня, когда Бен зарезал двух кур и из города прибыл большой кусок мяса. Пауль купил пару голубей, и миссис Блэклок *note 23* принесла свежих помидоров. Затем объявилась моя ирландка, похудевшая, но очень веселая, с хлебными плодами в сыром и вареном виде и с полисами, после этого Бен принес еще полисами, и, наконец, сегодня девушка-туземка, присланная миссис Блэклок, доставила огромные бананы, зеленую стручковую фасоль, дюжину яиц и букет цветов. Миссис Блэклок вчера очень мило выглядела и держалась с достоинством. Она, как могла, вела светскую беседу, а в промежутках тихо напевала. По дороге сюда она сорвала душистое вьющееся растение и с небрежной грацией обвила его вокруг талии так, что концы двумя длинными усами спускались почти до земли.

Бен вернулся с охоты с восемью попугайчиками. Итак, у нас то голод, то пир горой. Вчера вечером мы всполошились, думая, что слышим мушкетные выстрелы, но это был всего-навсего Пауль, тщетно пытавшийся соорудить стол в павильоне. Приходил плотник мистер Уиллис с планами нашего будущего дома. Он муж Лаулии, той самой, что написала историю своей жизни. Поручим ему составить смету. Вчера утром молочница явилась без молока, а сегодня принесла две бутылки, видимо считая, что это одно и то же.

Фэнни. 7 октября

День, полный мелких происшествий. Прошлой ночью был сильный дождь, к моей большой радости, потому что огороду нужна влага. Но он продолжал лить, когда я уже предпочла бы хорошую погоду. Наша кухня в шести — восьми ярдах от дома, поэтому готовка превратилась в цепь приключений. С вечера я поставила тесто для хлеба и стремилась начать печь пораньше. Как раз вовремя подручный принес от плотника заказанную доску. Я положила ее на стул на задней веранде и, стоя на коленях, прикрывшись от дождя шалью, принялась разделять тесто. Тут я преуспела, но попытка испечь хлеб довела меня чуть ли не до истерики. С противнем готового теста я под зонтиком добежала до кухни, но, к моему расстройству, все дрова оказались мокрыми, а ветер так задувал в трубу,

Note22

Бутаритари — один из атоллов архипелага Гилберта. Стивенсоны посетили его летом 1889 г. во время плавания на «Экваторе».

Note23

Самоанка, жена Уильяма Блэклока, служащего американского консульства в Самоа, который затем стал вице-консулом и консулом после Х. Сьюэла.

что печь извергала клубы едкого дыма из всех щелей и отверстий. Пауль сбегал к месту, где работал плотник, и вернулся с ящиком стружек, которые мы подсушили на плите, порядком наглотавшись при этом дыма. Потом я позвала Бена и показала ему, как прибить половинку керосинового бидона над выходным отверстием печной трубы, чтобы защитить ее от ветра. Это немного помогло, но дождь лил прямо на плиту, и, несмотря на огромное количество стружек, поглощенных печью, она так и не нагрелась. Наконец я соорудила вокруг печи барьер из ящиков, и это помогло настолько, что через каких-нибудь два часа мне удалось наполовину изжарить, наполовину засушить птицу для завтрака. К этому времени был готов и хлеб, но, надо сказать, и я тоже.

Мы с Паулем провели военный совет и решили переселить работников в павильон. Освободившуюся комнату мы используем одновременно под кухню и столовую, разместив их на разных половинах. Один из углов отведем для хранения продуктов, одеял, чемоданов и т. п., а сам Пауль будет спать в маленькой кладовой.

В самый разгар моих мучений явились трое туземцев с предложением купить у них буллимакау. *note 24*. Название как нельзя более подходило животному, потому что отгадать, бык это или корова, было затруднительно. Никакими признаками, вселявшими надежду на молоко, оно определенно не отличалось. Поэтому мы попросили хозяев забрать его, объяснив, что «буллимакау не годится». Однако увести скотину, которой пришлось по вкусу сочная молодая трава, оказалось не так просто. Напрасно мужчины тянули ее за веревку, длина которой явно показывала, что они боятся приблизиться к норовистому животному, обладавшему парой огромных рогов. В конце концов буллимакау сама надумала тронуться с места и удалилась, забавно волоча за собой хозяина.

Во второй половине дня дождь утих и едва моросил, так что мы с Генри отправились сажать. Мы были уже на некотором расстоянии от дома, когда я увидела, что группа из трех-четырех красивых юношей с собаками прошла по нашей дороге к лесу. Я мало встречала таких изящных, ладных человеческих созданий, как эти бедняги, которых долг повелевал мне выставить из наших владений. У них были длинные ножи и топоры, а на головах шляпы из зеленых банановых листьев. Для защиты от дождя самые крупные листья они несли над собой, как зонты. Юноши скрылись из виду раньше, чем я добралась до них, но Льюис послал вслед Бена предупредить, чтобы они больше не ходили этим путем. Подозреваю, что Бен не решился это сделать, потому что к концу дня группа опять показалась на дороге. Юноши возвращались с песней, нагруженные длинными прутьями. Льюис вышел навстречу и велел им бросить вязанки на землю, а Паулю — перерезать плети. С помощью Генри он попросил их в будущем пользоваться общей дорогой, которая проходит неподалеку от нашей, иначе, сказал он, в следующий раз у них отберут также ножи и топоры, а пока что они могут связать свои пучки и идти. Всю эту беседу Льюис вел самым строгим тоном, но сохраняя на лице улыбку. После обмена дружеским «Тофа» они продолжали свой путь едва ли более грустные, но, надеюсь, чему-то научившись.

Посадив кусты и деревья и немного передохнув, мы с Генри взяли кирку и мотыгу и закончили день посевом кукурузы. Тем временем печка — хотя и чересчур поздно — так накалилась, что к ней нельзя было подойти.

Вчера жена Бена забрала ребенка и ушла, для отвода глаз сославшись на болезнь отца. Я поручила Паулю в ее отсутствие готовить для работников. Проверяя продовольственные запасы Бена, мы обнаружили страшный беспорядок. Там стоят, например, мешки белой и цветной фасоли, которую Бен считает несъедобной. Удивляться нечему, поскольку Ва начинала варить ее за полчаса до обеда. Пауль поставил горшок на плиту, а следующую порцию замочил. Когда блюдо было готово, все в один голос объявили его замечательным. Треть большой жестяной коробки сухарей совершенно непригодна для еды: там полно жучков и гнили. Пол кладовой пропитан солеными подтеками из бочонков с мясом, и

Note24

По-английски «bull» (бул) — бык, «cow» (кау) — корова. — Прим. пер.

вообще все находится в самом плачевном состоянии. Завтра сделаем уборку и устроим все как следует.

Пауль — отличный и надежный помощник. Просто не представляю себе, что бы я делала без него. Он не отказывается ни от какой работы и при всех испытаниях не теряет хорошего настроения. Льюис выдал ему к завтраку бутылку пива. По-моему, он заслуживает шампанского, хотя, несомненно, пиво больше в его вкусе, впрочем так же, как и в моем. Пауль собирается пробыть у нас только до рождества, но проявляет ко всему такое участие, точно это его собственный дом, где ему предстоит жить до конца дней.

Меня забавляет, что Генри, поселившись здесь, сразу же усвоил слово «наш». Он говорит о нашем будущем доме, наших деревьях и вообще о наших делах. Сегодня после обеда, когда мы на веранде наслаждались вечерней прохладой, он спросил, слышали ли мы о войне духов. Нам уже рассказывали об этом, только я не вполне уловила суть. Говорили также, что белое население опасается здесь серьезной политической подоплеки. Поэтому мы были рады услышать подробности от Генри. Вот его рассказ, насколько я смогла запомнить.

Духи Уполу ведут войну с духами Савайи. Каждую ночь в ближайших друг к другу точках этих островов слышатся пушечные выстрелы, треск мушкетов и крики сражающихся. Еще случалось, что люди впадали в транс, при этом лица у них были строгие, как у покойников, а духи говорили через них. Одна женщина видела, как по морю подплыл могучий пловец, выпрыгнул на берег и кинулся в заросли, то показываясь, то исчезая, благодаря чему женщина узнала в нем духа. Несколько вечеров назад миссионер с Савайи, врач и аптекарь, был разбужен двойным стуком в окошко. Затем он услышал крики и стоны раненых. Он выглянул и увидел большую толпу духов в человеческом обличье; они показывали ему ужасные раны и требовали лекарства. Миссионер побежал за слугой, но, когда оба вернулись, духи исчезли и все стихло.

— Кто же победил в этой войне духов, — спросили мы, — Уполу или Савайи?

— Савайи.

— А что все это значит? — допытывались мы дальше. Ответ был такой: духи, говоря через людей, впадших в транс, объявили, что все это предзнаменования войны, которая скоро разразится на Самоа. Приезд главного судьи надолго задержался. Это вызвало разброд среди самоанцев, они стали отпадать от Малиетоа *note 25*. Две прежде враждебные друг другу группы теперь сблизилась на почве оппозиции к Малиетоа. Когда суеверный народ стремится к войне, ему нетрудно найти поощрительные знамения. У нас есть два револьвера и два ящика патронов — довольно скромное вооружение в случае войны.

Во время посадки я спросила Генри, какой сезон, по его мнению, лучше всего для такой работы — время дождей, сухой сезон или промежуточные месяцы.

— Мы, самоанцы, — сказал он, — всегда смотрим по луне. Если посадишь, когда нет большой круглой луны, плодов не жди.

Тем временем Льюис со свойственной ему любознательностью и воодушевлением изучал положение дел на Самоа и, как обычно, записывал возникающие при этом мысли. Он привязался к самоанцам почти с первого взгляда. В «Примечаниях к истории» *note 26* он так описывает их:

Это легкие, беззаботные, всегда готовые к радости люди — самый веселый, хотя далеко не самый способный и не самый красивый народ среди полинезийцев. Страсть к нарядам

Note25

Швед Конрад Седеркранц, назначенный главным судьей, в соответствии с решениями Берлинской конференции 1889 г. прибыл на Самоа лишь в декабре 1890 г. За это время среди островитян усилилось недовольство Лаупепой, которого считали ставленником чужеземцев. Наметилось сближение между сторонниками двух других претендентов на «престол» — Матаафы и Тамасесе.

Note26

R. L. Stevenson. A Foot note to history: eight years of trouble in Samoa. London, Cassell, 1892

превращает всякий самоанский праздник в зрелище редкой красоты. Песни здесь не умолкают. Поет гребец за веслами, семья на вечерней молитве, поют под вечер девушки в гостевом доме, и даже рабочий люд иногда поет за тяжким трудом. Поэтам и музыкантам ни одно событие не кажется слишком мелким чей-то визит или смерть, какая-то злободневная новость, радость, случившаяся в этот день, — все требует рифм и мелодий. Даже девочки-подростки складывают песни к торжественным случаям и разучивают их, набрав в хор ребятишек. Как и вообще у жителей тихоокеанских островов, песня здесь живет бок о бок с танцем, причем то и другое перерастает в театр. Случаются представления неприличные и безобразные или просто скучные, но чаще всего это красиво, увлекательно и забавно. В большом ходу спортивные игры. Крикетные соревнования, в которых с каждой стороны участвует до ста человек, тянутся порой не одну неделю и производят опустошения, точно постой войск. Рыбная ловля, купание, флирт, ухаживание через посредников, беседы, преимущественно о политике, и радости ораторского искусства — вот что заполняет здесь время.

Но любимое развлечение самоанцев — меланга. Это когда люди собираются компанией и бродят из деревни в деревню, пируя и болтая. Песня издали возвещает их приближение, и гостевой дом уже убирают для встречи. Девственницы деревни готовят каву *note 27* и развлекают пришельцев танцами; время летит незаметно в удовольствиях, какие только известны островитянам. Затем меланга двигается дальше, и тот же радостный прием, те же развлечения ждут участников за соседним мысом, где посреди пальмовой рощи гнездится следующая деревушка.

Чувствуя себя гораздо более здоровым, чем в предыдущие годы, Льюис много бродил пешком, наблюдая жизнь и обдумывая свои впечатления как возможный материал для эссе, романов и политических статей. Виденное увлекало его, отчасти это нашло свое отражение в «Примечаниях к истории»:

Апия, порт и торговый центр, в то же время главный очаг политической болезни Самоанского государства. Залив почти правильным полукругом глубоко вдается в сушу у подножия лесистой островерхой горы. Горные потоки размыли лежащий против берега барьер рифов. Поэтому волны, набегающие с севера, врываются в залив, почти не смягчаясь, и начинают кружить и швырять стоящие на якоре военные суда, а у коралловой кромки, повторяющей линию берега, не смолкает рев прибоя. В бурную погоду дороги здесь совершенно непроходимы. Город гроздьями и цепочками раскинулся по зеленому и плоскому берегу, на который издали, из глубины острова, смотрят верхушки гор. Мыс с западной стороны залива называется Мулинуу, с восточной — Матауту. Я приглашаю тебя, читатель, пройтись со мной вдоль берега от одной его оконечности к другой. Эта прогулка воочию познакомит тебя с историей Самоа и расскажет гораздо больше, чем можно почерпнуть из всех «синих книг» или «белых книг», изданных в мире по этому вопросу *note 28*.

Мулинуу, откуда мы начинаем путь, — плоский мыс, обвеваемый всеми ветрами. Он засажен пальмами, а основанием своим упирается в мангровое болото. Вдоль мыса разместилась довольно жалкая деревушка. Тебе должно быть известно, что это исконная резиденция самоанских королей. Тем более ты удивишься, увидев доску с надписью,

Note27

Кава — перебродивший сок измельченных (по традиции — разжеванных) корней особого вида стручкового перца (*Piper methysticum*), смешанный с водой. На островах западной Полинезии, в том числе на Самоа, кава считалась священным напитком и ее употребление было связано с рядом церемоний.

Note28

Имеются в виду тенденциозные сборники документов, опубликованные правительствами Англии, Германии и США с целью оправдать свою политику в самоанском вопросе.

возвещающей, что это историческое поселение является собственностью немецкой фирмы. Впрочем, подобные объявления, составляющие одну из привычных черт пейзажа, скорее внушают мысль о спорности этих притязаний. Немного дальше к востоку нам придется обогнуть лавки, конторы и бараки самой фирмы. Затем мы пройдем через Матафеле, единственный действительно городской участок в этой длинной цепи деревушек, и, миновав немецкие пивные, магазины и немецкое консульство, достигнем католической миссии и собора, стоящего близ устья небольшой реки. Мост через нее, который называется Муливаи, служит границей. С этой стороны реки — Матафеле, с той — собственно Апия. Здесь господствуют немцы, там все, за редким исключением, принадлежит англичанам и американцам. Оставив позади магазины мистера Мурса (американца) и Макартуров (англичан), английскую миссию, редакцию английской газеты, английскую церковь и старое здание американского консульства, мы наконец подойдем к устью второй, более широкой реки — Ваисингано. По ту сторону ее, в Матауту, дорога поведет нас под сень густых деревьев и мимо разбросанных жилищ выведет к внушительному ряду контор на площадь, где стоит памятник немцу, всю жизнь боровшемуся против немецкой фирмы. Его дом (сам хозяин уже умер), как разряженная пушка, по-прежнему нацелен на крепость старых врагов. Теперь это еще вполне годное здание арендовано и занято англичанами. Еще немного — и мы с тобой достигнем оконечности мыса, окаймляющего залив с востока. Здесь стоят лоцманский домик и сигнальная мачта, и отсюда видны здания английского и нового американского консульств, расположенные дальше по берегу океана.

Нашу прогулку оживят разнообразные сцены деловой и праздной суеты. По пути нам встретятся белые всех профессий и сословий — матросы, торговцы, клерки, священники, протестантские миссионеры в пробковых шлемах и какие-то неопределенные личности, без которых не обходится ни одно побережье. Матросов здесь бывает иногда куда больше, чем местных жителей. Может показаться также, что вывесок больше, чем владельцев предприятий.

Предположим, что сегодня в порту наплыв; тогда нашему взору представятся все виды судов — от военных кораблей и океанских почтовых пароходов до грузовых судов немецкой фирмы и местных баркасов. И если у тебя, читатель, математический склад ума, ты легко подсчитаешь, что в этом заливе на воде сейчас больше белых, чем их наберется на суше по всему архипелагу. С другой стороны, на нашем пути попадались и местные жители всех категорий — вожди и пасторы в безукоризненно белых одеждах, быть может, и сам король в сопровождении одетой в форму охраны. Мы встречали улыбающихся полицейских с оловянными звездами, девушек, женщин и стайки веселых детей. И ты с невольным удивлением спрашиваешь себя: где живут все эти люди? Тут и там на задворках европейских зданий ты мельком замечал прижавшиеся в уголок туземные постройки, но после того, как мы покинули Мулинуу, ты не видел ни одного туземного дома ни на берегу, где обычно предпочитают селиться островитяне, ни по сторонам улицы. Все принадлежит горсточке белых. Коренные жители ходят по чужому городу.

Еще год назад на холме позади пивной ты мог бы увидеть дом местного типа с часовыми у входа и развевающимся наверху самоанским флагом. Тебе объяснили бы, что здесь помещается правительство, переведенное (о чем я расскажу позже) через мост Муливаи с задворков немецкого города сюда, на английскую половину. Ныне, да будет тебе известно, его опять перевели назад, в прежнюю резиденцию, несомненно, тебе покажется существенным фактом, что короля этих островов в его собственной столице можно вот так дергать туда и сюда по прихоти иностранцев. И тут тебе бросится в глаза еще более серьезное обстоятельство. Ты увидишь некий дом, полный деловой суеты, близ которого околачиваются полицейские и зеваки; человек за барьером принимает заявления; на веранде идет суд, а может быть, группами расходятся члены совета после бурного заседания, и ты вспомнишь, что находишься в Элеэле Са, на «заповедной земле», то есть на нейтральной

территории, предусмотренной договорами *note 29*; что судья, которого мы только что видели за разбором тяжб местных жителей, не подчиняется королю. Ты вспомнишь также, что в этом единственном порту и единственном деловом центре королевства и сбор и распределение средств для нужд страны производятся руками белых советников и под контролем белых консулов. Пройдем немного дальше за пределы города — и ты обнаружишь, что все дороги обрываются или оказываются непроезжими, так как их перегородили заборы свинных загонов, что мосты здесь совершенно неизвестны, что дома белых сразу становятся редким исключением, не считая территории немецких плантаций. Во всем видна резкая граница. За Элеэле Са кончается Европа, начинается Самоа.

Итак, мы встречаем здесь удивительное положение вещей: все деньги, вся роскошь, вся коммерция королевства сосредоточены в одном городе; но этот город изъят из подчинения местному правительству и управляется белыми в интересах белых. При этом белые владеют им не сообща, а разбившись на два враждебных лагеря, так что город лежит между ними, точно кость между парой псов, каждый из которых угрожающе рычит, вцепившись в свой конец.

Если Апия когда-нибудь решит выбрать герб, у меня уже приготовлен девиз: «Входит Молва, вся раскрашенная, с тысячью языков». Туземное население Апии преимущественно ничем не занято, а белые либо коммерсанты, получающие с материка не больше четырех партий товара в месяц, либо лавочники, обслуживающие за день по десять — двадцать клиентов, и главное достояние всех составляют сплетни. Город жужжит от злободневных новостей, а пивные переполнены доморощенными политиками. Одни из них карьеристы, которые, наушничая королю и консулам, способствуют смещению чиновников в надежде занять их места, другие — бездельники, получающие бескорыстное удовольствие от участия в интригах. «Никогда не встречал такого хорошего города, как Апия, — сказал мне один из этих, — что ни день, то новый заговор!» Но с другой стороны, есть немало людей, серьезно озабоченных будущим страны. Враждебные кварталы так близко соприкасаются и размеры столицы настолько малы, что ни за кого нельзя поручиться. Люди выбалтывают все, что знают. Это болезнь здешних мест. Почти каждый время от времени поддается провокации и выкладывает чуть больше, чем следовало бы. Таким образом зараза захватывает всех имеющих к ней предрасположение. Новости распространяются как на крыльях, языки мелют, кулаки сжимаются. Горшок варит и котел кипит!

Фэнни. 10 октября

Вчера вечером после английского урока Генри рассказал, что среди островитян только и разговору что о войне. Они слишком долго ждут главного судью и разуверились в его приезде. Генри задал массу смутивших меня богословских вопросов, однако Льюис легко с ними справился. Я всегда боюсь разойтись с тем, чему учат миссионеры, и тем самым внести разлад в головы самоанцев. В особенности он допытывался, правда ли, что языческие народы, не слыхавшие о существовании христианства, должны попасть в ад. Он понял так, что должны.

Генри очень хорошо работает и прекрасно ведет себя. Зато на Бена что-то нашло: вдруг явился с жалобой, будто в павильоне много москитов. Поскольку мне известно, что как раз там их почти нет, я стала искать другого объяснения его хандре. Мне пришло в голову, что он, наверное, считает себя отстраненным от заведования кладовой. Льюис тотчас вышел к нему и объявил, что Пауль не имеет к кладовой никакого отношения и, если ему что-нибудь понадобится, всегда должен спрашивать у Бена. После этого Бен удалился с улыбкой и, по-видимому, совсем довольный. Должно быть, моя догадка правильна.

Note29

По Генеральному акту Берлинской конференции 1889 г. Апия была официально изъята из-под юрисдикции самоанского «короля» и объявлена нейтральной территорией, управляемой муниципальным советом.

Мистер Карразерс помог нам выбрать место для огорода. Но его надо предварительно расчистить. На эту работу сразу поставили Фалиали. Льюис помогал ему, вооружившись большим охотничьим ножом. Он и сейчас продолжал бы это занятие, но вконец стер обе руки; у него огромные волдыри на ладонях, и страшно, как бы не стало хуже. Беда в том, что, когда Льюис не работает вместе с Фалиали, дело еле двигается. Сегодня неожиданно разразился ливень, и работники, хотя и были в одних набедренных повязках, попрятались кто куда. Двое обосновались в старой кухне, мирно покуривая трубки. Генри, увидав, что команда Бена бросила работу, выбежал и велел Бену созвать их, но тот только ежился и не решался. Тогда Генри взял это на себя и, чтобы показать пример, занялся расчисткой вместе с ними. Я никак не предполагала за ним таких способностей. Когда мы позже говорили с ним об этом, Генри объяснил, что Бен не может никому приказывать работать, а у него, как он выразился, «твердое сердце».

Вчера Пауль отпросился в Апию по разным делам. «Я бы хотел съездить сегодня, — сказал он, — и еще разок в воскресенье, когда придет „Любек“. А после, миссис Стивенсон, вы меня больше не отпускайте. Я вас очень прошу, заставьте меня остаться здесь». В самом тоне просьбы я почуяла недоброе и была не слишком удивлена, когда он вернулся совершенно пьяным. Это было заметно уже по тому, как он подъехал, отчаянно мотаясь в седле из стороны в сторону, и просто кувыркнулся на землю, едва лошадь стала.

Пауль ходит бледный и пришибленный, но о вчерашнем пока никто ни слова. Завтра Льюис думает сказать ему, что если он еще собирается в Апию встречать «Любек», то лишь при условии, что они поедут и вернуться вместе. Ему и ехать было не в чем; пришлось ссудить его шляпой, шарфом и единственными ботинками Льюиса.

Мне показалось, что одна из моих желтых куриц готова стать наседкой и пора обеспечить ее яйцами. Чтобы отличить подложенные в гнездо от новых, я начертила карандашом на каждом яичке черную опоясывающую полосу. Окончив приготовления, я вышла из курятника и стала глядеть внутрь через щелку. Госпожа наседка заклохотала было над гнездом, но при виде меченых яиц отпрянула с возгласом удивления и тревоги. «В чем дело?» — завопили оба петуха и со всех ног кинулись к месту происшествия. Они отшатнулись от гнезда точь-в-точь как наседка, взволнованно посовещались и наконец рискнули дотронуться до яиц клювами. К этому времени вся пятерка желтых кур собралась вокруг гнезда, а вскоре и остальные птицы, вытягивая шеи, спешили поглазеть на диковинку. После того как петухи потыкали яйца клювом, куры мало-помалу осмелели и попробовали склюнуть черные отметины. При этом не прекращался тревожный гомон. На следующее утро более половины яиц оказались расклеванными, а остальные я забрала, чтобы спасти хоть их.

Мистер Карразерс и земельный комиссар мистер Мэйбен *note 30* побывали у истоков одного из наших ручьев. Оказалось, что он начинается от ключа, а водопад в том месте, где мы думаем его использовать, имеет в высоту двести футов. Мистер Карразерс первым описал нам источник, а теперь взялся показать его Мэйбену, который сперва встретил сообщение с недоверием. Он рассказывает, что вверх по течению одного из ручьев обнаружил целую банановую плантацию и массу таро *note 31*. Как только у Льюиса подживет рука, он начнет прорубать дорогу к водопаду.

Вдоль ручья, где закладывается сад, мы наткнулись на странные каменные перегородки по направлению от берега к горе через каждые несколько ярдов. Пока еще я не знаю, уложены камни просто на поверхности или это настоящие стены и далеко ли они тянутся, но

Note30

Томас Мэйбен — государственный землемер, впоследствии государственный секретарь Самоа.

Note31

Таро (*Colocasia esculenta*) — тропическое растение семейства ароидных. В пищу употребляются его крахмалистые клубни.

по мере работ над садом это выяснится само собой. Генри говорит, что до того, как на Самоа появились белые, местное население жило в глубине острова, а не на побережье, как теперь.

Этих людей очень трудно удержать за работой. Сейчас Льюис и Генри оба этим заняты. Единственное действенное средство — сарказм. Но довольно сложно применять его, не зная самоанского языка. Я сшила Генри и Бену противомоскитные сетки и дала Генри пару рубашек. Не сомневаюсь, что эти скромные подарки для него гораздо ценнее всех заработанных денег.

На грядках, которые я засеяла с Паулем, а потом с Генри, хорошие всходы. Уже и горох, и сахарная кукуруза показались из земли, а лимская фасоль совсем окрепла. Я заказала еще семян, в частности травы, с которой хочу поэкспериментировать.

Фэнни. 11 октября

Вчера мои записи прервал приход доктора Штюбеля и мистера Шмидта. От доктора Штюбеля я в восхищении. Они привезли новость, что сегодня самоанские вожди собираются на совещание, чтобы обсудить и попытаться выяснить смысл таинственных знамений, вызывающих такую тревогу и брожение среди островитян.

Эти мрачные предзнаменования все множатся и учащаются. Была поймана рыба (мистер Штюбель видел ее и попробовал кусочек), состоящая из одной головы, без всяких признаков хвоста — отвратительное создание; укол ее плавников, говорят, верная смерть. А на спине рыбы якобы можно было разобрать самоанское слово «хватать» или «кусать», что предвещает войну и всякие бедствия. Еще поймали красного угря; видели кровь, плывущую по реке; но хуже всего была собака, нарушившая церемонию питья кавы. Забавно, что, когда Генри рассказывал нам о войне духов, единственным эпизодом, внушившим ему сомнения, была история о том, как духи будили доктора. «В этом, — сказал он, — я не уверен».

Бен явно ищет ссоры со всеми и каждым. Вчера он явился к Паулю с жалобой на то, что люди из его бригады получают мясо только раз в день, и это после того, как все продовольственные дела переданы в его же руки. Он заявил, что чернокожие рабочие должны есть мясо раз в день, а самоанцы дважды. Довольно странное разделение, особенно если учесть, что первые работают как раз вдвое больше. Что касается работы, то дождь льет ливнем без перерыва, и посреди этих потоков я вижу Генри с зонтом и Пауля в макинтоше, помогающих пропольщикам на кукурузном поле.

Фэнни. 14 октября

Вчера утром явился мистер Мурс и пробыл у нас весь день. После обеда подъехал верхом плотник мистер Уиллис.

К ленчу я приготовила пару цыплят с картофельным пюре и ананас в красном вине, нарезанный ломтиками. Хлеб мой опять не вышел, и я испекла противень американского печенья на соде, вспомнив, что оно нравится мистеру Мурсу. Когда все было уже на мази и я мысленно поздравила себя с тем, что все-таки удалось как следует накалить плиту, я обернулась к Паулю со словами! «Наконец-то все в порядке». «Да, — ответил он, — все, кроме меня».

Тут я увидела, что он смертельно бледен и лицо его, покрытое потом, выражает полное изнеможение. Он уже переоделся, чтобы прислуживать за столом, сменив свою фланелевую рубашку на полотняную с застежкой сзади. Жаловался он на адскую боль между лопатками. Я отослала его опять надеть теплую рубаху и побежала к Льюису за советом. Льюис поставил на больное место банку, после чего боль как бы разошлась по всему телу. По моему предложению ему дали салицилки, и я отправилась кончать готовить, оставив бледного и несчастного Пауля совершенно больным в постели с банкой на спине. К вечеру боль совсем исчезла, но он сильно ослабел.

После ухода мистера Мурса и Уиллиса Льюис вызвался проводить меня к банановому

участку и захватил с собой нож, чтобы прокладывать дорогу. Эти разведывательные экскурсии по собственным владениям страшно увлекательны. Небольшую часть пути мы шли свободно по участку, уже расчищенному Льюисом, но мало-помалу лес впереди сомкнулся, а почва под ногами стала предательски зыбкой. Несколько раз пришлось брести по щиколотку в грязи и воде, а Льюис все время рубил ножом лианы и высокие растения, преграждавшие дорогу. Но в конце концов Льюис воскликнул: «Гляди, вот они твои бананы!»

В самом деле, тут они и были — густые заросли крепких молодых растений с гроздьями плодов вокруг диковинного пурпурного цветка, подпираемые буйным подлеском и прячущие свои корни в лениво текущей воде. Кое-где большие кусты таро простирали свои гигантские блестящие темно-зеленые листья. Льюис не утерпел и тут же взялся за расчистку, а я прошла до конца плантации. Раза два я чуть не завязла в трясине, но выбиралась из грязи, цепляясь за крепкие стволы.

Льюис крикнул мне как бы в ответ, и я поспешила к нему. Оказалось, что он принял зов какой-то птицы за мой голос и решил, что я заблудилась. Я некоторое время помогала Льюису, выдергивая сорняки помельче, потому что смертельно боюсь наткнуться на то ядовитое вьющееся растение, с которым уже успела познакомиться и чьи пометки еще ношу на себе. Мне было до боли жалко вырывать и губить папоротники такой невиданной красоты, но я честно делала свое дело и решила про себя прийти сюда как-нибудь, чтобы собрать образцы для коллекции. Изумительно хороши некоторые вьющиеся папоротники, тонкие и нежные, а могучие древовидные просто великолепны. Случалось, что, когда я отбрасывала в сторону вырванный кустик, весь воздух кругом заполнялся ароматом его раздавленных листьев. Мы никак не могли оторваться от этой работы, хотя с ног до головы пропитались водой и грязью. Однако через некоторое время я почувствовала головокружение и предложила пойти домой подкрепиться. Но я успела лишь приготовить еду и свалилась. Милое банановое болото с поразительной быстротой наградило меня лихорадкой. Ночью я не могла спать, просыпалась каждый раз как от толчка, едва удавалось задремать. Сердце колотилось, кровь яростно пульсировала, и отчаянно болела голова. Утром Льюис дал мне хинина, и это быстро помогло. Сам он не принял лекарства, хотя и следовало. У него тоже был приступ, в чем он признался много позже. Когда я вернулась с предательского болота, пора было поить свиней, и я не знала, что придумать. Пауль слишком плохо себя чувствовал, Генри ушел, а Льюису опасно поднимать ведра с водой. Я несколько раз обошла вокруг каменной ограды, но она выглядела неприступной и непроницаемой. Перелезть бы я еще могла, но только не с полным ведром. К счастью, пока я размышляла, один из сыновей Шмидта, паренек лет четырнадцати, зашел навестить больного Пауля и, когда я его попросила, с готовностью согласился сделать эту работу. Мы вместе отправились к загону. Он взобрался на ограду сперва в одном, потом в другом месте и наконец, к моему удивлению, осторожно вылил воду за забор, приговаривая: «Ну вот и все в порядке», но тут же добавил: «Что за безмозглые свиньи, не понимают, куда идти».

— Ничего, придут в свое время, — ответила я.

Однако ночью мне вспомнился странный звук, с которым вода падала внутрь загона, и сегодня, пока все спали, я пошла туда сама и довольно легко взобралась на ограду в том же месте, где паренек Шмидта. Мои подозрения подтвердились: он опорожнил ведро прямо в какую-то ямку. Вряд ли такой сын может служить опорой фермеру, осваивающему участок.

Боюсь, что мои желтые куры совсем испорчены. Сегодня я наблюдала, как одна из них совершенно сознательно собралась съесть новое яйцо. Она явно караулила у гнезда своей подруги, пока оно появилось. Придется подсыпать ей в скорлупу красного перца. А раньше я видела, как один из петухов клевал яйцо. Я не могу собрать от них даже необходимого минимума.

Прошлым вечером мистер Мурс переправил сюда нашу почту с «Любека»: письмо от

Бэллы *note 32* с прелестными иллюстрациями, другое — от миссис Стивенсон *note 33*, письмо Бэлле от миссис Уильямс *note 34* и множество писем для Льюиса.

В это утро Пауль снарядился на пароход, и Льюис обещал тоже подъехать в город, рассчитывая заодно навестить доктора Штюбеля. Пауль отправился сразу после завтрака, а Льюис примерно в половине одиннадцатого. Все шестеро работников занимались ловлей пони и потратили на это не меньше получаса. А Льюис в это время делал отчаянные попытки одеться подходящим образом. Я была в помраченном состоянии после приступа и приема хинина и ничем не могла ему помочь. Наконец он уехал в костюме, который я представляю себе с ужасом. Не успел он скрыться из виду, как я обнаружила все разыскиваемые предметы, разумеется на своих местах, буквально перед глазами.

Поскольку остальные работники уехали с тележкой, я подумала, что Бен может пока заняться посадкой кукурузы. По его уверениям, он отлично знает, как это делается, потому что кто, как не он, посеял первую порцию зерен, погибшую только из-за крысиных набегов. Около трех мы с Генри вышли на кукурузное поле, чтобы разбросать среди кукурузы немного тыквенных семян. И тут я с досадой обнаружила истинную причину неудачи с той кукурузой. По мысли Бена, посев состоял в том, чтобы выскрести в земле ямку глубиной в два дюйма, всыпать туда горстку зерен и прикрыть их сверху несколькими листьями. Удивительно, что при этом некоторые семена все-таки проросли. Каждое зернышко из тех, что посадили мы с Генри несколько дней назад, уже дало росток. Бену был дан наглядный урок, и я немного проследила за его действиями, чтобы удостовериться, что он понял. Но основную часть поля придется засеять заново.

Мы работали почти дотемна, пока нас не оторвал Ситионе *note 35*, явившийся с саженцами ананасов. Следом за Ситионе шел маленький мальчик с таким огромным ананасом, какого я в жизни не видала. На обратном пути к дому мы сажали ананасы и разговаривали о вероятности войны.

Ситионе сказал, что на острове Тутуила идут бои, но вряд ли дело дойдет до войны здесь. Я подумала, что, как заслуженный воин, он, вероятно, пользуется влиянием, и стала говорить ему о неизбежности тяжелых последствий войны для самоанцев. Германское владычество — это главное, что их пугает. Оказалось, что Ситионе вполне трезво смотрит на вещи и озабочен сохранением мира. Его плечо, куда он был так тяжело ранен в прошлую войну, действительно поправляется после операции доктора Функа. Функ был почти уверен, что придется делать ампутацию, но благодаря его искусству и сильному организму Ситионе рука спасена. Ситионе показал мне большой пистолет, привязанный к поясу патронной лентой, и попытался подстрелить из него вампира, но промахнулся. Генри как-то уверял меня, что эта летучая мышь, или, как ее здесь еще называют, летучая лисица, очень вкусна, но не думаю, что я решилась бы попробовать летучую мышь.

Пауль вернулся совершенно трезвым, но на «Любеке» его просквозило, и боли появились снова. Я дала ему еще раз салицилки, и вскоре все прошло. Он получил письмо от отца, довольно обеспеченного немца. Тот пишет, что товары для открытия лавки посланы и

Note32

Бэлла (Айсобел) — дочь Фэнни Стивенсон от первого брака. В то время была замужем за художником Джо Стронгом; по второму мужу — Айсобел Филд. В 1902 г. вышла написанная ею совместно с Ллойдом Осборном книга воспоминаний о жизни в Ваилиме.

Note33

Маргерит Айсобел Стивенсон, урожденная Бэлфур, — мать писателя.

Note34

Возможно, Дора Уильямс, художница из Сан-Франциско, близкая подруга Фэнни.

Note35

Самоанский вождь, впоследствии известный как Аматау; перемена имени означала переход на более высокое место в иерархии вождей.

прибудут в феврале, обещает выслать денег.

Ситионе предложил мне хлебных деревьев, если я пришло за ними, и мать миссис Блэклок принесла сегодня два отличных экземпляра. Наши ребята вернулись из города поздно и с весьма небольшим грузом для пятерых. Моя сиднейская свинья уже в Апии, но, поскольку она стоит всего тридцать семь шиллингов, я сомневаюсь в ее качествах. Тем не менее в Самоа свинья — это вещь.

Фэнни. 23 октября

Свинка оказалась малорослая и самой заурядной породы. Подозреваю, что это то самое «милое создание» с «Дженет Никол», потому что пятна у нее в тех же местах. Она собирается вскоре произвести потомство, а пока что живет в маленьком хлеву с тремя приемышами, которых мистер Мурс прислал вместе с нею. Я побоялась, что другие свиньи будут мешать ей, и поэтому для нее пристроили отдельное помещение. Стоило это великих трудов, потому что я никак не могла втолковать задачу ни Бену, ни Паулю. Бен предложил строить хлев из прутьев, подпертых камнями, а у Пауля было несколько планок, которые он намеревался использовать в качестве опор. Я была убеждена, что ни один из проектов не отвечает требованиям, потому что недавно две местные свиньи удрали, умудрившись подрыть даже тяжелую каменную стену. Когда Бен и Пауль поняли, чего я добиваюсь, они с воодушевлением одобрили идею и охотно взялись за дело, впрочем как и всегда. Я показала им, что нужно вырыть вокруг всего загона, примерно через каждые десять футов, по два опорных столба, один чуть впереди другого, а между ними проложить бревна так, чтобы каждое концом опиралось на другое. В углу устроили спальню для мадам Свин, причем в ход пошло все — доски, стружки, обломки ящиков, расплюснутые жестянки из-под керосина и немного кокосовых листьев с участка мистера Шмидта.

Генри соорудил вокруг курятника плетень, но конструкция калитки показалась Паулю чересчур сложной. Поэтому вчера он решил приделать к ней петли и задвижку. При всех своих достоинствах Пауль не слишком ловок. Он снял калитку, и она буквально распалась в его руках на куски. Надо было видеть, с каким озадаченным и отчаянным лицом он, ухватив топорик, занимался починкой. Пока он укреплял одну планку, отваливалась соседняя. Пришлось отправиться на помощь и показать ему, как это делается. Потом я держала петли и задвижку, пока он прибавал их, и просто поражаюсь, как мне посчастливилось избежать увечья. Когда Пауль поднимал топорик, мне неминуемо грозило отсечение головы, а когда опускал его и бил молоточной стороной по гвоздю, я дрожала, не сомневаясь, что сейчас лишусь двух-трех пальцев, а то и всей руки.

Старый петух — настоящий негодяй: он провожает каждую курицу до гнезда и околачивается там, выжидая, когда она снесет яйцо. Как только это произойдет, он пробивает скорлупу клювом и, выбросив яйцо из гнезда, созывает весь гарем на каннибальский пир. Мы было связали этому петуху крылья и кинули его в свиной загон, но он легко вскарабкался на ограду и победоносно прошествовал мимо нас в курятник.

Салат у нас на слишком солнечном участке; я решила подыскать ему более подходящее место и, кажется, нашла — вдоль дорожки, проложенной мистером Карразерсом, так сказать на ее берегах. Когда я пошла вскопать там землю, вместе со мной отправился Льюис. Он тоже взялся за лопату и работал с ожесточением. Я вскопала довольно большой кусок, но в конце концов три огромных волдыря на ладони заставили меня остановиться. Льюис за это время разрыхлил и очистил от камней и сорняков очень маленький участок. Оставив его погруженным в работу, я вернулась в дом, чтобы приготовить завтрак, присела на минуту передохнуть и как-то незаметно задумалась и провела полчаса в полной прострации, забыв обо всем. Когда пришел Льюис, грязный и голодный, с одеревеневшими суставами и ноющей поясницей, еды на столе еще не было. Я чувствовала себя очень виноватой.

Льюис говорит, что у меня мужицкая душа, и дело не в том, что я люблю копаться в земле, а в моем удовольствии от владения этой землей. Будь у меня душа художника, тупые

собственнические чувства не имели бы надо мной власти. Возможно, он прав. Для меня любить землю, снятую в аренду, все равно что взять на прокат ребенка. Когда я сажаю семя или корешок растения, я вкладываю вместе с ними в землю кусочек моего сердца. Мои чувства не ограничиваются удовольствием от выполненной работы или от физического упражнения. Когда разворачиваются первые нежные листочки и я знаю, что в известной мере это мое создание, я чувствую себя ближе к богу. Сердце мое тает над всходами гороха, а бутон на розовом кусте для меня, как стихотворение, написанное сыном. После того как я вырастила прекрасный сад и он был продан, а потом еще много раз переходил из рук в руки, мне довелось увидеть его перепаханным. Виноградные лозы были оборваны, деревья спилены на дрова, цветы уничтожены — и на всем участке посажена картошка. Мне было бы не горше видеть, что моя любимая скаковая лошадь с подрезанными поджилками тащит плуг. В конце концов, мне думается, мы отдаем нашему дому лучшее, что у нас есть. Это чувство обладания глубоко и сильно и несравнимо с мимолетными увлечениями художника. Я люблю землю не только когда она красива, но и в моменты, когда ее называют безобразной. Я не могу любить ее играючи. Мои вещи, мой дом добры ко мне, и я не могу ослабить нашу связь, не разрушив чего-то важного.

Вчера мы с Льюисом гуляли по дорожке позади дома. Было тихо и тепло, но не жарко; воздух наполнял дивное благоухание. При прополке часто случается, что, когда я отбрасываю пучок так называемых сорняков, меня обдает струей тончайшего аромата. Я научилась различать некоторые из этих растений по виду. Одно из них — с грубыми листьями и сильным цепким корешком — считается ядовитым. Другое — напоминающее лилию, хотя, по-моему, цветов на нем не бывает, — пахнет только в тени.

Кажется, я набрела на дерево иланг-иланг, окруженное такой таинственностью. Мне сказали, что доктор Штюбель того же мнения, а это для меня решающий аргумент. К тому же, по словам Генри, один из священников добывает из этого дерева духи. Насколько я могу судить, оно невысокое, с листьями на редкость изящного рисунка, имеющими нежный оттенок, как у молодой зелени. Цветет оно зеленовато-белыми гроздьями, которые на дереве же становятся коричневыми. В этом виде местные жители любят вплетать их в гирлянды. Помнится, я вначале считала, что это разновидность морской водоросли. Боюсь признаться, но его запах напоминает мне запах старой обуви. (Это когда цветы в коричневой стадии.) На другом пахучем дереве растет что-то — не могу сказать, цветок или плод, пока не подержу в руках, — темно-красного цвета с пряным ароматом. В лесу есть еще ужасное дерево, которое пахнет навозом. Мы прошли мимо такого экземпляра, когда познакомились с дорогой мистера Карразерса, и меня чуть не стошнило.

На вчерашнюю вечернюю прогулку нас насильно вызвала из дома своим зычным голосом древесная лягушка. Она скрывалась в листве дерева близ веранды, издавая звук работающей пилы, только в пятьдесят раз громче. Я боялась, что у меня лопнут барабанные перепонки.

Пришлось прервать запись, чтобы показать Паулю, как делается прочный неподвижный узел. Прошлый раз, когда к нам приезжал мистер Мурс, он застал свою лошадь, которую привязывал Пауль, полузадушенной, так как петля захлестнулась вокруг шеи. Я только что обвязала ногу одного из петухов правильным узлом и надеюсь, что следующей лошади, попавшей в руки Пауля, придется не так плохо.

Но вернусь к древесной лягушке. Каков же был наш ужас, когда, сев ужинать, мы услышали верещание второго экземпляра прямо над нашими головами, откуда-то из-под карниза дома. Льюис поднялся и начал тыкать вверх палкой, в то время как я, стоя на столе, старалась достать ее половой щеткой. Через некоторое время лягушка снова завела свою песню, и пришлось опять пустить в ход щетку и палку. Я опасалась, что раздавила ее, но стоило нам лечь и заснуть, как она опять запилила; тогда я пожалела, что это не так. Хотя она и наградила нас двумя выступлениями, концерт был, по-видимому, не в полную силу и не вовремя, потому что прочие лягушки давно замолкли и ни одна из них не отозвалась.

Прошел сильный ливень с грозой. Ночью дождь падал с таким шумом, что мы не

слышали друг друга, и казалось, дом вот-вот развалится под грузом обрушивающейся сверху воды. Среди ночи Льюис поднялся, зажег свет и сел писать стихи. Я тревожилась за судьбу нашей подросшей кукурузы, которую дождь мог поломать и совсем уничтожить. Стихи вышли неплохие, а кукуруза стоит так прямо, что лучше не пожелаешь.

Только что приходил Пауль с другим петухом, чтобы я привязала к его ноге веревку.

— Теперь сделайте это сами, Пауль, — сказала я, — а я погляжу, как вы собираетесь в следующий раз привязать лошадь мистера Мурса.

Он сделал узелок, как я показала, на конце веревки, а чуть отступя — скользящую петлю, через которую надо пропустить первый узел. Хорошо, что я решила испытать Пауля, потому что конечный узел он старательно зажал в пальцах, а ногу петуха просунул в петлю и затянул.

Все, что посажено, идет хорошо, за исключением кукурузы, которая таинственным образом оказалась разрытой. Банановый участок расчищен, но очень трудно удержать там людей на работе.

— Слишком много черти, слишком страшно, — объяснил мне Лафаэле, вернувшись оттуда гораздо быстрее, чем я рассчитывала.

По местным поверьям, лес полон злых духов, которые принимают человеческий облик и убивают тех, кто вступает с ними в общение. А в нашей банановой роще, как назло, их особенно много.

Льюис. Вторник, 3 ноября

Все утро работал над «Южными морями» *note 36* и окончил главу, на которой застрял в субботу. Фэнни измучена ревматизмом и увечьями, полученными на поле доблести и брани, когда она ловила свиней. Не имея больше сил бегать вверх и вниз по лестнице, она расположилась на задней веранде, и моя работа прерывалась возгласами: «Пауль, для этого нужна лопата, сначала выройте ямку. Вы так отрежете себе ногу! А ну-ка, паренек, что ты там делаешь? Нет работы? Ты ищи Симиле. Он давай работа. Пени, скажи: он найди Симиле. Если Симиле не давай работа, скажи этот парень уходи. Я не хочу этот парень здесь. Он не годится». Пени (издали, в успокоительном тоне): «Слушаю, сэр!» Фэнни (после большого промежутка времени): «Пени, скажи: этот парень пойдй найди Симиле! Не надо, чтоб он стоял весь день. Я не плати этот парень. Он весь день ничего не делает!»

Второй завтрак: мясо, пресные лепешки, жареные бананы, ананас в кларете, кофе. Пытаюсь написать стихотворение — не идет. Поиграл на флажолете. Потом потихоньку удрал и перекинулся на сельскохозяйственные дела и освоение новых земель. На участке работают сразу четыре бригады; картина очень оживленная: стучат топоры, вьется дым; все ножи в ходу. Но я лишил садовую компанию одного участника, не оставив им замены. Жаль, не могу показать тебе мою исполосованную руку. Дело в том, что я решил самолично проложить дорогу к Ваитулинге и хочу обрушить этот подвиг на общество в законченном виде. Посему я с дьявольским лукавством начал расчистку во многих местах, и тот, кто наткнется на один участок, даже не заподозрит истинного размаха работ. Соответственно я приступил сегодня к новому отрезку по ту сторону проволочной изгороди, рассчитывая до нее добраться. Но у меня, должно быть к счастью, плохая секира и вдобавок рука болит, так что я вынужден был остановиться, не пробившись к проволоке, но как раз вовремя, и теперь чувствую себя подбодренным, а не смертельно усталым, как вчера.

Странная это была работа и бесконечно одинокая. Солнце где-то далеко-далеко, в высоких верхушках деревьев; лианы старались задушить меня своими петлями; заросли сопротивлялись, и подрубленный молодняк выпрямлялся с предсмертным стоном, который мне уже так хорошо знаком. Большие, полные жизненных соков, но податливые деревья

Note36

In the South Seas. London, Chatto and Windus, 1896

падали от одного удара секиры, а маленькие упорные прутьики издевались, испытывая мою выдержку. Посреди тяжкого труда в этой зеленой преисподней я услышал из глубины леса отдаленный стук топора и затем смех. Признаюсь, сердце мое похолодело. Я находился в смертельном одиночестве в таком месте, что дальше меня, по всей вероятности, никто не мог забраться. Мысленно я уже сказал себе, что, если удары приблизятся, я буду вынужден (разумеется, как можно неприметнее) осуществить стратегический отход. А ведь только вчера я сетовал на свою невосприимчивость к суевериям! Неужели и меня засасывает? Неужели и я превращаюсь в трепещущего безумца наподобие моих соседей? По временам мне казалось, что удары — это эхо, а смех — только птичий гомон. Крики здешних птиц удивительно близки к человеческому голосу. На заходе солнца гора Ваза звенит от их пронзительных выкриков, напоминающих переключку веселых детей, разбежавшихся в разные стороны. Говоря серьезно, я думаю, что в стуже повинны дровосеки из Танунгаманоно *note 37*, тайком рубившие лес выше меня. А что касается смеха, то к Фэнни приходила женщина с двумя детьми за разрешением половить креветок в ручье. Без сомнения, их я и слышал. Вернулся я как раз вовремя, чтобы успеть умыться, переодеться и в ожидании обеда начать этот набросок письма, которое надо закончить до того, как явится Генри на свой урок «длинных фраз».

Обед: тушеное мясо с картошкой, печеные бананы, свежий хлеб только что из духовки, ананас в кларете. Последние дни мы роскошествуем, после того как некоторое время сидели на мели. Теперь наслаждаемся, точно боги обжорства.

Льюис. 4 ноября

Фэнни остро нуждалась в отдыхе. Наш милый Пауль взялся строить домик для уток, и она решила предоставить его самому себе и не вмешиваться. Но домик развалился, и ей-таки пришлось приложить к нему руки. Затем он собрался оборудовать место, где поят свиней. Она опять не стала вмешиваться. Пауль смастерил лестницу, по которой свиньи, должно быть, удерут сегодня вечером, и сам чуть не плакал. Невозможно бранить этого неутомимого труженика: слишком редкое свойство инициатива, слишком дорога добрая воля, чтобы расхолаживать их обладателя. Однако, если хочешь отдохнуть, как Фэнни, такое действует на нервы. После этого ей еще пришлось варить обед, а потом она, по глупости и по женской привычке, сочла необходимым подать его мне и всячески суетиться. Вот ее день. *Cetera adhunc desunt. note 38*

Фэнни. 5 ноября

Мы тоже заразились местными страхами перед аиту, или злыми духами. Льюис прорубал тропинку в лесу и сознался, что при первом признаке чего-то напоминающего человеческую фигуру его душа ушла бы в пятки и он помчался бы прочь, как ветер. Была одна ночь, когда, казалось, весь мир наполнился странными и сверхъестественными звуками. Льюис прошептал: «Прислушайся, что это?» И я почувствовала, как мороз прошел у меня по спине. Но это просто костер шипел на вырубке. Той же ночью нас разбудил переполох в курятнике. Пауль, Льюис и я выбежали, как по команде, но ничего не увидели. А наутро обнаружили цыпленка с вырванным сердцем. Генри говорит, что убийца — маленькая красивая птичка. Но мы были готовы поверить, что это сделал аиту. Нас ужасно беспокоят древесные лягушки, которые забираются в дом и поднимают шум, настолько несоразмерный

Note37

Деревня в полутора километрах от Апии.

Note38

Иного пока нет (латин.) — Прим. пер.

с их собственной величиной, что трудно поверить, будто причина заключается в них.

Генри подрядился очистить под строительство дома участок в пять акров, по двадцать долларов за акр. Он очень хорошо взялся за дело, но думаю, что это обойдется дороже ста долларов. Он все время набирает новых людей. Брат Матаафы (я не уверена, что правильно пишу это имя) предлагал Генри передать подряд ему. После долгих размышлений и совещаний с нами Генри отказался. Вышеназванный джентльмен нанес официальный визит и нам с Льюисом, причем вел беседу медовым голосом на превосходном английском языке. Он удалился ни с чем и спустя несколько дней появился уже в роли рабочего. Стоя у черного хода, я вдруг увидела шествующего по тропинке высокого, красивого человека с надменной осанкой. На нем была коротенькая лавалава, изящно подоткнутая с одного бока, и пелерина из бахромчатых красно-коричневых листьев, а за ухом торчал крупный цветок гибискуса. Я отметила про себя на редкость красивый оттенок его татуировки. Казалось, на нем было темно-синее ажурное трико, кончавшееся чуть ниже колен. И вдруг этот человек отвесил мне поклон в лучшей европейской манере и на чистейшем английском языке пожелал доброго утра. Излишне говорить, что в качестве рабочего он не был находкой. Он прохлаждался часами после начала работы, объяснял остальным, что они дураки, взявшись работать за такую низкую цену, всячески важничал перед Генри и затем, не дожидаясь конца рабочего дня, требовал полной оплаты.

Позже Генри пришел к нам, горя желанием узнать, как вел бы себя английский начальник при подобных обстоятельствах. Этот человек выше его по рангу, но, когда Генри обнаружил, что аристократический джентльмен его обманывает, он обошелся с ним как с любым рабочим и заплатил ему ровно столько, сколько следовало. Мы сочли, что у Генри были все основания вообще попросить его с участка, но Генри тогда еще не знал, что тот смущает его людей.

Последняя новость из области сверхъестественного: двое людей, ловивших в полночь рыбу в гавани, увидели, как большое военное каноэ пронеслось к Апии и въехало прямо на берег, так что они даже видели мачты сквозь деревья. Они поспешили туда узнать, в чем дело. В лодке было четверо чужестранцев, потребовавших, чтобы рыбаки помогли им грести. Рыбаки взялись за весла, удивляясь, почему берег полон танцующим народом. Поутру они хотели взглянуть на странное судно, которое оставили близ гостиницы «Тиволи», но там ничего не было. Один из рыбаков после этого слег в постель, вернее, на свою циновку и теперь при смерти.

Газета пишет, что местные жители выкупают недавно заложенное оружие и всеми силами стараются вооружиться. Дела принимают угрожающий оборот.

Под присмотром Лафаэле и одного очень красивого самоанца мой огород стал наконец походить на настоящий. Правда, с другой стороны, он напоминает кладбище, потому что грядки имеют размер и форму могил. Каждый раз, как я появляюсь на огороде, Лафаэле спрашивает, точно ли я собираюсь сажать капусту. Если капуста не будет посажена, он сочтет, что даром потратил время и я его обманула. Придется, видимо, посадить.

Я нашла за дальней изгородью среди других цитрусовых множество лимонных деревьев в полном цвету.

Однажды я в погоне за открытиями заблудилась. Потеряться в тропическом лесу очень страшно. Растительность такая густая, что нет теней, и положение солнца становится неразрешимой загадкой. Но в то же время в охватывающем тебя ужасе есть доля трудно объяснимого наслаждения. Если бы я не боялась встревожить Льюиса своим отсутствием, я бы нарочно ушла в лес поглубже. Но тут я положились на инстинкт, который в городе меня обычно обманывает, а в лесу очень редко, вернее, пока еще ни разу, и через короткое время очутилась у края вырубки.

Я в подавленном настроении. Мое самолюбие распростерто на земле, как срубленное дерево, и сочится кровью. Льюис сказал, что я не художник, а настоящая, прирожденная крестьянка. Странно, крестьянский образ жизни часто представлялся мне самым счастливым и уж никак не заслуживающим осуждения. А теперь мне горько слышать, что я

действительно то, чем хотела быть. Конечно, я имела в виду крестьянина без высших устремлений. Что ж, возможно, если бы я спохватилась вовремя, и у меня бы их не было!

Что-то я слишком нянчусь со своими переживаниями и разглядываю себя в зеркале, даже стыдно. Льюис уверяет, что крестьяне — интереснейшие люди на свете, и он ими безмерно восхищен.

Я как раз прочла в журнале сообщение о смерти одной англичанки. «Не обладая ни обаянием, ни красотой, — говорится там, — она была весьма интересным человеком». Любопытно, как она сама отнеслась бы к такой характеристике, если бы могла прочесть ее. По словам Льюиса, ни один человек не вправе обижаться, когда говорят, что он не художник, если он не зарабатывает таким путем на пропитание своей семье. Тогда это было бы уже оскорблением. Ну, а я моей работой, художественной или любой другой, не прокормила бы и мухи.

Мне вспомнился приятель Льюиса, кажется поэт, который на вопрос, почему он так мрачен, сердито буркнул: «Меня слишком мало хвалят, а я в этом нуждаюсь». Боюсь, что я как раз не нуждаюсь в похвалах за то, чем не обладаю. Мне так претит быть крестьянкой, что я положительно рада, когда терплю неудачу в каком-нибудь крестьянском занятии.

Мои куры совсем не желают нестись, а если снесут яичко, то петухи, эти «злыдни», по выражению Льюиса, тут же его съедают. Свиньи, которых я терпеть не могу и боюсь, постоянно выбираются из загона на волю и творят всякие шкоды. При одной мысли о будущей корове у меня замирает сердце. Я люблю растения, а домашние животные мне не по душе. Вдобавок я чувствую себя виноватой перед ними: ведь я заранее знаю, что по моему распоряжению они будут убиты или хотя бы лишены потомства.

На расчищенных местах повсюду поднялась папайя — мужские и женские растения. На мужских — мелкие белые соцветия, а на женских — крупный цветок вроде лилии. Обнаружила дикий имбирь. Я долго гадала, что это такое, потому что меня везде преследовал его аромат. Мистер Карразерс говорит, что турмерик *note 39* выглядит почти так же, только корень у него ярко-желтый. Есть еще одно пахучее растение этого типа, которое достигает такой высоты, как бамбук или сахарный тростник.

Note39

Турмерик, или куркума (*Curcuma longa*), — травянистое растение семейства имбирных. Из корневищ этого растения готовят ароматный порошок, служащий пряной приправой и красителем.

Фанни Стивенсон со служанкой в Ванлиме

Льюис отправился в Апию, получив письмо от одного малознамого человека, который умоляет навестить его в беде. Льюис и сам неважно себя чувствует, но как было не откликнуться на такой призыв? Еще до его отъезда приходил католический священник просить денег на свою церковь. Говорил он по-английски с сильным французским акцентом, а в его манерах было много туземных черт, которые я приписала длительному пребыванию на Самоа. Я удивилась, когда узнала, что он метис.

Говорят, пароход «Дженет Никол» попал в бурю и получил настолько серьезные повреждения, что пришлось повернуть обратно в Сидней. Я огорчена. За месяцы, проведенные на борту, нельзя было не привязаться даже к «скачущей Дженни»,

Пауль весь день чинил развалившуюся хижину на участке мистера Шмидта, чтобы использовать ее как временное пристанище для двух ломовых лошадей, которых мы ожидаем с «Ричмондом». Я пошла поглядеть, что у него получилось. Он с большой тщательностью возвел перегородку между стойлами, но, когда я случайно до нее дотронулась, она тут же развалилась, не выдержав такой нагрузки. Все пять подпорок попадали на землю, едва не раздавив меня. Пауля поблизости не было, и я побежала за Лафаэлем, который по моим указаниям укрепил один столб, а остальные четыре убрал. Мы успели подвести крепкий фундамент под все сооружение еще до прихода Пауля. А он с тех самых пор латает крышу жестянками из-под керосина, но я еще не видела, что получилось. По правде говоря, побаиваюсь смотреть. Я сама слишком страдаю от уязвленного самолюбия, чтобы не сочувствовать Паулю в его разочарованиях. Бедняга постоянно работает, не давая себе отдыха, и с такими жалкими результатами.

Только что выходила на веранду поговорить с Паулем. Сейчас половина девятого и очень темно, потому что луна еще не взошла, а небо в облаках. Воздух прохладный, немного влажный и благоухает ароматами разной листвы и цветов. От Апии доносится шум океана — равномерный звук, будто дышит лошадь, или нет, еще больше это напоминает мерное мурлыканье гигантской кошки. Сверчки, древесные лягушки и сонмы других мелких зверьков и насекомых трещат, долбят и пиликают каждый на свой лад, и все эти звуки сливаются в общую гармонию. По временам пугающе вскрикивает птица, может быть та самая, которая убила бедного цыпленка.

Когда я после темноты с порога заглянула в комнату, мне показалось, что она вся светится от разнообразия красок, ярких и нежных. И вместе с тем не на чем особенно

задержать взгляд — только тапа на стенах (действительно очень красивая), коралловая ветвь, розовые и коричневые занавеси на окнах из самой грубой набойки, ветхая розовая скатерть в чернильных пятнах, несколько подушек в ситцевых наволочках да циновки из пандануса на полу. Очень украшают комнату шесть полок с книгами Льюиса в синих, красных и зеленых переплетах, да еще с золотыми надписями на корешках, и две чаши для кавы, над окраской которых я трудилась не меньше, чем юноша над своей пенковой трубкой, пока мне не удалось добиться красивого опалового оттенка.

Я с удовольствием пью каву собственного приготовления, но, когда я угостила настоящего знатока, он был к ней менее благосклонен. Опять неудача, но скорее по линии искусства, тогда меня упрекать не в чем.

Льюис. 7 ноября

Я очень устал, отдыхаю сегодня от всего, кроме писем. Фэнни тоже совсем без сил; не спала всю ночь. Похоже на приступ астмы, но надеюсь, что нет...

Фэнни. 15 ноября

Мы не смогли поехать на бал к английскому консулу, чье приглашение так опрометчиво принял Льюис. Шел проливной дождь. На субботу были намечены игры и состязания, но из-за плохой погоды отложили все праздничные увеселения, кроме бала. Генри в субботу утром отправился в Апию верхом на лошади, вернее, на молодом пони, похожем на крысу. Уздечку он взял взаймы у меня и потерял нижний ремешок. Зато седло у него собственное, если можно назвать седлом это соединение обломков дерева, тряпок и запаха старой кожи.

Из Окленда прибыли наши упряжные лошади — пара крупных, смирных коней, с добрыми глазами, серой в яблоках масти. Они так набросились на траву после изнурительного морского путешествия, что глядеть было приятно. Очень забавно их принял Джек *note 40*. Сначала он с изумлением уставился на них, явно потрясенный ростом австралийских «вождей» (несомненно, он причислил их к этому рангу). Затем Джек начал выставляться: скакал вокруг них галопом, пританцовывая и поднимаясь на дыбы. «Вожди» взглянули на него с ласковым любопытством, и один из них сказал другому: «Должно быть, это так называемый канака. Странное создание». После чего они вернулись к своему завтраку и больше не обращали никакого внимания на бедного Джека и его заигрывания.

Мы собирались ложиться спать, как вдруг из конюшни донесся тревожный шум. Весь день шел сильный дождь, и еще продолжало моросить. Бурьян по дороге к конюшне мне по пояс и весь пропитан водой. Перспектива была не из приятных, но мы доблестно отправились в поход, вооружась фонарем и зонтиком. За оградой, где находится конюшня, вернее, где она находилась, смутно белели во тьме две крупные фигуры. Еще несколько шагов — и мы очутились носом к носу с нашими лошадьми. Они съели заднюю и обе боковые стенки своего жилища, должно быть сильно удивляясь его съедобности. Лошади встретили нас всеми признаками радости, зато нам было не до веселья. Оказалось, что от перегородки уцелела лишь подпорка Лафаэле и коновязи перепутались между собой. Льюис прополз между большими мохнатыми лошадиными ногами и ценой долгих и терпеливых усилий распустил мокрый узел на одной из веревок. Лошади тем временем обнюхивали его и дышали ему в макушку. По словам Льюиса, он каждую минуту ожидал, что ему откусят голову. Обнаружив в этих заморских краях съедобную конюшню, рассуждал он, лошади легко могли заинтересоваться и вкусом конюха.

По совету мистера Мурса мы вчера отправили обоих «вождей» в Апию за повозкой.

Note40

Конь писателя.

Нанятый нами кучер явился пьяным, а когда протрезвел, оказался совершенно непригодным для этой должности. Ему тут же отказали, а Генри, который не только никогда в жизни не правил упряжкой, но, я думаю, даже и не ездил ни на чем, имеющем колеса, должен был доставить лошадей с повозкой в Ваилиму. Из Апии они отъехали на такой скорости, что встревоженный мистер Мурс сломя голову поскакал следом. Однако Генри был здесь ровно за двадцать одну минуту до мистера Мурса, который явился взмокший от пота, словно вылез из реки. В хорошеньком положении он нас застал! По-видимому, Генри проделал этот ужасный, почти непроходимый путь с тысячью тремястами фунтами груза за каких-нибудь двадцать минут или того меньше. Один из наших бедных «вождей» выглядел так, будто сейчас умрет, и я боялась, что это в самом деле случится. Он стоял, тяжело вздымая бока и повесив голову, а пот лил с него ручьями, и, что самое ужасное, у него из ноздрей текла кровь. Я велела Паулю принести с моей постели одеяла, но он принес собственные, и мы набросили их на лошадей. Не найдя под рукой ничего подходящего, я схватила пару своих сорочек, и Льюис и Пауль стали растирать ими замученную лошадь, а потом занялись освобождением лошадей от сбруи. Никто из нас не имел понятия, как это делается, поэтому мы просто расслабляли все встречавшиеся узлы, и в конце концов оба «вождя» были избавлены от пут.

Льюис послал жалких от тревоги и отчаяния Генри и Лафаэлю поводить лошадей по дорожке, идущей к лесу. Оставить их в таком состоянии на месте казалось опасным. Они ушли дальше, чем предполагал Льюис, и скрылись за деревьями; в результате он побежал за ними и застал всю группу недвижно стоящей под сквозным ветром в сыром, холодном лесу. Ребята решили, что их отправили туда, где попрохладнее.

В этот момент и явился мистер Мурс. Он тут же обнаружил, что повозка сильно пострадала. Одно из передних колес едва держалось под весьма предательским углом. Непостижимо, как Генри не вылетел и как она вообще не перевернулась. Нам нужна была повозка американского производства, так называемый американский грузовой фургон, а присланная известна в Новой Англии *note 41* как возок и обычно используется для переброски небольших грузов, но главным образом для загородных прогулок. Нам она вовсе ни к чему, а между тем стоит сто двадцать пять долларов. Я уверена, что агенту был послан неверный заказ, потому что помню, как все время твердила Льюису: «Ты заказываешь прогулочный возок, а не грузовой фургон». Но меня не пожелали слушать. Хотя, казалось бы, можно положиться на крестьянку, когда речь идет о телегах. От этой трагической первой поездки из Апии в Ваилиму Генри осунулся и постарел. Мне очень жаль его. Но никто не упрекнул его ни единым словом. Ясно, что он не виноват.

Фэнни. 20 ноября

Вчера вечером Льюис отправился в Апию повидать плотника и заночевал там, чтобы остаться на праздник, устраиваемый Сеуманутафой по случаю дня рождения его дочери *note 42*. Приемная дочь Сеуманутафы недавно избрана «девой деревни» *note 43*. Торжество

Note41

Новая Англия — шесть северо-восточных штатов США, расположенных у побережья Атлантического океана.

Note42

Сеуманутафа — вождь Апии. Его приемная дочь Фануа вскоре вышла замуж за англичанина Э. Гэрра, совладельца банковской конторы в Апии.

Note43

Священная «дева деревни» (таупо са) выбиралась деревенским советом из девушек знатного происхождения, чаще всего дочерей вождя (родных или приемных). Она руководила приемом гостей, устройством общественных пиров, танцев и т. д., в торжественных случаях приготавливала каву (см. прим. 23). Во время войны вела воинов в битву, воодушевляла их песнями и плясками. Нередко она оказывалась в гуще

обещает быть пышным, и, поскольку каждый гость должен принести подарок, это, без сомнения, уже отразилось на многих курятниках и свинарниках. Во время последнего большого праздника у одного человека утащили десять свиней. Утром Джека, на котором уехал Льюис, прислали назад, но у меня болела голова, и вообще я была слишком утомлена, чтобы пускаться в путь.

В самом начале вечера, когда я сидела в одиночестве (Пауль ушел к Шмидтам), меня встревожил странный, неестественный звук — нечто среднее между кашлем и стоном. Я знала, что свиньи все в загоне. Луна хорошо освещала окрестности, и нигде не было видно ничего подозрительного. Вспомнился рассказ Лафаэле о злом духе, которого он видел и слышал. Я послала Лафаэле в лес неподалеку за оставленными там срезанными гроздьями бананов и с возмущением увидела, что он возвращается оттуда со своим приятелем Маиа.

— Может быть, и мне еще пойти на помощь? — сказала я.

— Страшно, — ответил Лафаэле, — слишком много черти.

И принялся рассказывать, что он по правде видел одного злого духа в образе чернокожего и слышал ужасный шум, который подняли остальные. «Вот так» — и он издал в точности тот звук, который я услышала вчера вечером.

Обе туземные свиньи порядком отравляют нам существование. Ни одно приспособление, сделанное человеческими руками, не может удержать их за оградой. И сейчас они вырвались на волю и опустошают огород, пока Генри, Лафаэле и Маиа сажают таро. Позавчера Пауль, собрав всех, кого мог, ходил на немецкую плантацию; они принесли оттуда саженцы апельсинов, хлебных и манговых деревьев и новую порцию семян какао. В тот же день прибыл мой посадочный материал из Сиднея: японская хурма, гранатовое дерево, одиннадцать апельсиновых деревьев и множество кустов клубники; последняя большей частью, если не целиком, погибла. Мы с Паулем посадили то, что прибыло из Сиднея, а Генри с приятелем все остальное. Позже вечером разразилась ужасная буря, продолжавшаяся всю ночь.

Только что Генри прервал меня, чтобы задать несколько вопросов насчет посадки ананасов. Жаль, что я не могу его сфотографировать вот так — стоящим в дверях с серьезным видом делового человека, но в наряде гурии. Бедра его обмотаны куском белого холста. Широкая гирлянда из завядших папоротников осеняет лоб, скрещивается на затылке и вокруг шеи возвращается назад, образуя на груди зеленый узел. Генри вообще некрасив, но сейчас выглядит очень мило, а несоответствующее костюму выражение глаз еще усиливает эффект.

Для нас в нашем столь ненадежном убежище упомянутая буря была тревожным событием. Даже в хорошую погоду, когда быстро поднимаешься по лестнице, дом так трясется, что кажется вот-вот упадет. Легкая железная крыша нигде не прилегает к карнизам и открывает доступ всем ветрам. Лампу ежеминутно задувало, и, так как Пауль сломал фонарь, приспособенный для таких случаев, мы сидели в полутьме. К вечеру нас накрыла такая туча, что видимость была не лучше, чем в лондонском тумане. С этого момента ветер все усиливался, яростно схлестывая ветки и то и дело пригибая деревья к земле. Через окна было видно, как он гонит пласты дождя, укладывая их друг на друга. Внезапно что-то зловеще застучало по железной крыше. Похоже было, что высокое крепкое дерево, стоящее бок о бок с домом, замышляет против нас недоброе. Я присмотрелась и убедилась, что стучало именно это дерево — настоящий великан, футов шести в обхвате на уровне второго этажа. Вода проникала в дом из-под плохо пригнанных дверей, отсыревшие спички не загорались, и общее ощущение неудобства и мокроты напоминало состояние на борту корабля. Мне захотелось приспустить немного наши «зеленые паруса», и припомнился А Фу *note 44* с его

сражения, но, по обычаю, была неприкосновенной. Таупо са сохраняла свой пост до замужества или «увольнения в отставку» из-за плохого поведения и денно и ночью находилась под наблюдением. Выбирался также «юноша деревни» (манай), но его роль была менее значительной.

страхом перед сушей и стремлением быть в непогоду в открытом море.

Льюис. Вторник, 25 ноября

Жизнь Фэнни в последнее время была почти поглощена публичными состязаниями с дикой свиньей. Есть у нас такая черная чушка, по кличке Джек Шеппард *note 45*, которую так же невозможно лишить свободы, как для нее — освободиться от бремени. Готов поспорить, что она находится в интересном положении дольше, чем любая другая свинья на свете. Не будь этого, ее бы давно закололи. Пусть только опоросится, и дни ее сочтены. Я думаю, что по расходу времени эта свинья уже обошла нас от тридцати до пятидесяти долларов, потому что не меньше восьми человек, получающих по доллару в день, гонялись за ней в течение двенадцати часов. Сейчас как будто Фэнни перехитрила ее, и она скалит зубы за широкими планками загородки в помещении бывшей кухни. На вид эта дикая свинья много красивее любой домашней. Когда она обнаружила, что к кухонному домику неприменима ее техника побега, она улеглась на пол и в течение всего воскресенья отказывалась от питья и пищи. В понедельник утром она сдалась и теперь ест и пьет как вол. Вспомнил еще происшествие. Недели две назад кто-то принес печальное известие, что свинья опять убежала; на этот раз она прихватила с собой вторую. Мы с Мурсом и Фэнни обрыскали весь сад и наконец на берегу ручья обнаружили черную свинью, которая выглядела слегка сконфуженной. Казалось бы, что тут скажешь? Но крик души, вырвавшийся у Фэнни, был поистине неподражаем. «У-у-у! — набросилась она на свинью. — Бессовестная, никто тебя не любит!»

Фэнни. 2 декабря

Льюис отправился в Апию в надежде получить почту с катера, который ходит на остров Тутуила и встречается там почтовое судно, следующее в Сан-Франциско. Мы с Генри делаем записи в своих дневниках за единственным в доме столом. На долю бедняги Генри в последнее время выпало много испытаний. Во-первых, он едва не стал жертвой обмана. Один из подчиненных принес ему письмо якобы от человека, которому он должен, кажется, шесть долларов. Генри получил от Льюиса чек на соответствующую сумму и, заклеив его в конверт, отдал посланному. Случайно вскоре после этого он оказался на дороге именно в тот момент, когда посланец преспокойно разорвал конверт и вытащил чек. Генри набросился на негодея и отобрал чек. Тут же на дороге того поджидал сообщник, который скрылся во время атаки Генри и с тех пор не показывается. Позже выяснилось, что и само письмо было подложное. Генри тут же доставил своего подчиненного в тюрьму, и сегодня утром их судил местный судья. В судебной практике Его Чести такое преступление было внове, и он не знал, как отнестись к делу. С огорчением должна сказать, что мерзавец отделался штрафом в десять долларов.

Мне вспомнился счет, полученный на днях консулами. Похоже, что им вменяется в обязанность содержать Малиетоа, ибо там значит: «Столько-то и столько-то в неделю на пропитание 1 короля».

Генри рассказал новую историю о своей встрече со злым духом на обратном пути из Апии, но я не все поняла: «Две молодые леди, очень красивые молодые леди, очень красивые молодые леди» как будто прогуливались по дороге. Они были «очень красиво наряжены» — в красивых лавалава из очень красивых листьев ти и с гирляндами из душистых ягод и листьев вокруг шеи. Дальше в рассказе следовало что-то насчет вождя, с которым они,

Повар-китаец, которого Стивенсоны подобрали на Маркизских островах. Он прожил с ними около двух лет.

Note45

Джон Шеппард, по прозвищу Джек, — знаменитый английский разбойник (1702 — 1724).

очевидно, собирались пообедать, а потом отказались, потому что одна из них произнесла скрипучим дискантом (старательно воспроизведенным Генри), что слышит запах вареной рыбы, но предпочитает это лакомство в сыром виде. Затем, хотя я опять не вижу связи, поздней ночью слышался мужской голос, который в полном отчаянии (судя по передаче Генри) восклицал: «О господи! Спаси меня! Спаси меня!» и «потом они увидели, как из воды родился дух».

Но я отвлеклась от несчастий Генри. Сегодня, когда он ездил к судье с жалобой на вымогателя, он оставил лошадь на привязи у дерева, получив на то разрешение, но почему-то лошадь оказалась отвязанной, и ему пришлось гнаться за ней четверть мили. Как я предполагаю, он вернулся к тому же дереву и обвинил в случившемся бывшую там женщину, потому что она хлестнула его по лицу кнутом. Он тут же не по-рыцарски возвратил удар, и, как он рассказывает, «каждый раз, как она била меня, я давал ей сдачи». Этой несчастной, должно быть, пришлось жарко, потому что плетка (моя плетка) поломана и вся растрепалась. «Да будет тебе известно, Генри, — заметил ему Льюис, — что у нас не принято бить женщин. У нас, если женщина ударит мужчину, тот должен стерпеть». Генри недоуменно выслушал это откровение, но потом просиял и ответил, что, когда какой-то белый подбежал и вступился за женщину, он его не тронул.

Я недавно узнала кое-что новое о самоанских обычаях. Не полагается прямо спрашивать об имени человека. Боюсь, что я часто обижала этим людей, потому что у тех, кто мне нравится, я обычно прошу разрешения взглянуть на руку, чтобы прочесть имя: оно бывает вытатуировано между кистью и локтем.

Вчера один из «вождей» упал в упряжке, и некоторое время мистер Хэй *note 46* удерживал лошадь на весу, иначе она погибла бы ужасной смертью, напоровшись на остатки деревьев, торчавшие из земли. Он кликнул на помощь Генри с его бригадой, и те прибежали из лесу, где жгли валежник. Когда повозка проехала, мы с Льюисом показали рабочим, как расчистить путь от пеньков и кольев. Нас очень насмешил вид рабочих, которые были не только в гирляндах из папоротников и цветов, как обычно, но каждый с парой гигантских черных усов, нарисованных под носом.

Однажды мне попался Лафаэле с белой, как у отца Уильямса, головой, посыпанной известкой, с бачками и наведенными черным аккуратными маленькими усиками. Мне пришлось спросить, кто он, что доставило ему огромное удовольствие. Сейчас Лафаэле и Монга в страшной тревоге. До них дошел слух, что я недовольна ими обоими. Монга ограничивается угадыванием моих желаний и томными взглядами красивых глаз. Я в жизни не слышала более кокетливой интонации, чем та, с которой он сегодня произнес: «Вот маленький-маленький Монга». Он умен и не очень перебарщивает. Однако сегодня, хотя и в первый раз, я действительно поймала его на увиливании от работы. Он удрал из сада, предоставив Лафаэле в одиночку справляться со злыми духами, и болтался возле повара, наблюдая за приготовлением обеда. При виде меня он смутился лишь на долю секунды, затем выхватил из печи головешку и с подчеркнутой поспешностью бросился по тропинке туда, где работал Лафаэле, притворившись, будто бегал за огнем, чтобы поджечь срубленные деревья. Но поскольку там уже больше часа полыхал колоссальный костер, я посоветовала ему прекратить комедию.

Лафаэле действует гораздо примитивнее. Когда его прямо требуешь к ответу, он кроток, как овечка, и каждое второе слово у него «папа», если он говорит с Льюисом, или «мама», если со мной. «Папа, Лафаэле работай как дьявол» — обычное его утверждение. Но, как правило, на каждое его слово в собственную защиту приходится два против Монги. «Он не работай, этот парень», «Этот парень плохой» или «Этот парень говори плохой слово».

Note46

Белый служащий ваилымской усадьбы. Вначале Стивенсоны нанимали белую прислугу. Но она капризничала и обходилась дорого. Поэтому постепенно ее заменили слуги-островитяне, с которыми у Стивенсонов установились наилучшие отношения.

Но когда можно сделать что-то напоказ, красавец Монга впереди всех. Несколько дней назад я услышала, что он зачем-то колотит ложкой по оловянной кружке.

— Что ты делаешь? — спросила я удивленно.

— Зову эти люди домой, — ответил он гордо.

Тут я заметила пчелиный рой, сидящий на ветке папайи. Монга взял ящик и, бесстрашно подойдя к жужжащей массе, стряхнул насекомых в импровизированный улей и с торжествующим видом прижал ящик к стволу дерева, в то время как его голое тело казалось черным от облепивших его пчел. Но ни одна из них его не ужалила. Все зрители были восхищены или напуганы, потому что мало кто из них, не исключая Генри, видел до этого пчел. Правда, позже Монга имел довольно глупый вид, когда обнаружилось, что он пытается кормить своих новоявленных питомцев холодной рисовой кашей.

Я была по-настоящему больна и до сих пор еще чувствую слабость. Когда Льюис ездил в Апию прошлый раз, он принял приглашение на обед к американскому консулу мистеру Сьюэлу. Я получила письмецо с просьбой присоединиться к компании и сдуру отправилась, не подумав о том, что реку сейчас вброд не перейдешь. Однако это было так. Я прошла долгий утомительный путь пешком и явилась туда полумертвой. Идти обратно у меня уже не было сил, так что мистер Сьюэл отправил нас на лодке к мистеру Мурсу. Ночью город и гавань неопишимо красивы. На следующий день мы вернулись в Ваилиму, и, как всегда, от переутомления я расхворалась и всю ночь мешала спать бедному Льюису, который давал мне опий. Но впервые в жизни это не сняло боль.

Я только что вернулась с огорода, где ползала по свежевскопанной земле, сажая петрушку. Во время этого занятия я сильно поранила себе руку лопаткой. Лафаэле не упустил случая: он мигом кинулся к какому-то ближнему растению, одновременно подозвал одного из подручных Генри и оторвал полоску от его лавалава в качестве бинта. Растерев листок пальцами, он согрел его над костром и наложил на место пореза. Жгучая боль исчезла как по волшебству и больше не возвращалась. Это уже второй раз я обязана медицинскому искусству Лафаэле. Я собиралась сегодня уволить и его и Монгу, но после лечения у меня не хватило на это духу.

Боюсь, что дела Шмидтов идут под гору. Вначале по приезде мы часто обменивались маленькими подарками. Я им — отборных яиц для наседки, немного сахару и т. п., они нам — то бананов из своего сада, то зеленых апельсинов и незрелой папайи, которые я принимала только из вежливости. И вдруг сегодня получаю счет за небольшую работу, проделанную для меня мистером Шмидтом, с включением стоимости их подарков.

Генри, по-видимому, обнаружил плантацию пуа *note 47*. Он притащил сюда столько деревьев, сколько смогла унести его бригада, и они посадили их у реки. При этом шел настоящий благодатный дождь, легкий и теплый, а не такой, как обычно, который налетает, точно северный шквал. Мы все ему очень рады из-за посадок и потому, что в цистерне кончилась вода. Пришел Пауль, у него разболелась нога от mosquito укусов. Придется бросить записи и дать ему лекарства.

Фэнни. Пятница, *note 48* декабря

Нога Пауля почти зажила: помогла борная кислота, посыпанная прямо на болячки. Борная кислота — незаменимое средство в тропических условиях. Вернулся из Апии Льюис с неприятным сообщением, что женщина, на которой Генри испробовал свою плетку, — белая, некая миссис Белл. Весь город полон толков на этот счет и пророчит нам всяческие

Note47

Пуа (*Plumeria alba*) — маленькое дерево с ароматными цветами, отчасти напоминающими жасмин.

Note48

?

беды от Генри. Один твердит: «Он темного происхождения», другой: «Мне не нравится его лицо». Мистер Карразерс возмущен низостью Генри, проявившейся в том, что он ударил женщину. Но ведь нельзя забывать о различии обычаев у нас и у самоанцев. Здесь, если женщина нападает, она получает ответный удар, как и мужчина, и никто не видит в этом ничего позорного. Я рада, что это именно миссис Белл, потому что не думаю, чтобы среди белого населения Апии нашлась вторая женщина, способная предпринять такую атаку. Уверена, что нет.

Недавно миссис Белл ни с того ни с сего появилась в нашей единственной общей комнате, которая в течение дня считается неприкосновенной, так как там работает Льюис. Он очень холодно объяснил это леди, но она, нисколько не смущаясь, уселась со своей дочерью на веранде, заметив: «Не беспокойтесь, мне совершенно все равно, где быть». По-видимому, соскучившись от долгого сидения, они пошли за мной — я была в лесу на банановом участке, — благо дорога туда приятная. Там они удобно устроились на бревнышке, поджидая моего возвращения. Я распознала их еще издали, но, чтобы не ошибиться, спросила у юной леди, двинувшейся мне навстречу, ее имя.

— Мисс Белл, — ответила она, сияя, — разрешите представить вам маму.

Я резко остановилась и поглядела на женщину, все еще сидевшую на бревне, стальным взглядом.

— Боюсь, что я вторгаюсь, — заметила она, по-видимому слегка смутившись.

Я несколько секунд продолжала смотреть на нее и потом сказала: «Да, я очень занята».

Я не уверена, что этот разговор не послужил одной из причин столь энергичного нападения на Генри. Ей, верно, очень хотелось хлестнуть той плеткой по моему лицу. Что ж, я не желаю зла этой несчастной, а дочь ее мне даже искренне жалко, но я не хочу, чтобы такая особа, как миссис Белл, постоянно надоедала мне. Вчера Генри предстал перед туземным судьей и был приговорен к пяти долларам штрафа. Но сумму снизили до четырех, так как один доллар взыскивается с миссис Белл за то, что она в пылу боя разорвала пиджак Генри.

Только что прибыл почтовый катер и привез письмо от миссис Стивенсон, в котором она вскользь упоминает о Ллойде. Это первое известие о нем, дошедшее сюда. Но что стало с его собственными письмами к нам, хотелось бы знать? С колониальной почтой что-то ужасно неладно. Никто не получает писем кроме как через Сан-Франциско. Пришло также письмо от Нелли *note 49* с сообщением, что мой дом, который предполагалось снести, сгорел; сгорела даже изгородь, находившаяся от него на порядочном расстоянии. У меня там оставались два сундука с вещами, не представляющими никакой ценности. Но мне они очень дороги. Боюсь, что все это пропало, включая портрет прадедушки *note 50*.

Я уволила Монгу, к неопишуемой радости Лафаэле. Утро провела на огороде, прореживая и пересаживая репу. Пробный рядок петрушки, которую я посеяла, в хорошем состоянии. Взошли разные сорта фасоли, но горох погиб во время последнего ливня. Семена какао, высеянные в корзинки с землей, дали всходы, и многие другие семена тоже пустили зеленые ростки.

Фэнни. 13 декабря

В воскресенье наши лошади показали, на что они способны, но с той поры ведут себя прилично. Накануне миссис Шмидт сказала мне, что видела, как «вожди» перескакивали

Note49

Сестра Фэнни, миссис Нелли Ван де Грифт Санчес, жительница города Монтерее в Калифорнии.

Note50

У Фэнни был коттедж в Окленде (недалеко от Сан-Франциско), подаренный ей ее первым мужем Сэмом Осборном.

через ворота. Казалось невероятным, что крупные ломовые лошади способны на такой прыжок, но рассказ миссис Шмидт подтвердил и Лафаэле, который тоже видел, как «конь-девочка иди сверху». Мы с Паулем поспешили прибить над обоими воротами по доске в надежде, что «вожди» не сообразят и сочтут это непреодолимым препятствием. Льюис отправился в Апию (он и сейчас там), а я осталась дома. Примерно в одиннадцать пришли пешком земельный комиссар мистер Мэйбен и американский вице-консул мистер Блэклок. Мы сидели на веранде, и я как раз передавала им печальную повесть о лошадях. «А вы взгляните на обоих серых, — сказал мистер Блэклок, — готов спорить, что они замышляют недоброе».

Я обернулась, но увидела только, что оба «вождя» мирно стоят под деревом.

— Уверяю вас: они готовят какую-то каверзу, — настаивал Блэклок, — поглядите только, с каким заговорщическим видом они сдвинули головы. Вместо того чтобы пастись, они устроили тайное совещание.

Не успели мы отвернуться от лошадей, как нас всполошило пронзительное ржание, полное боли и ярости.

— Скорее, Пауль, бегом! — закричала я, хотя неясно, что мог сделать бедный Пауль, даже поспев туда вовремя, разве только добровольно принести себя в жертву. Но все кончилось задолго до того, как он добежал до места. Первое, что я увидела, был конь мистера Мурса в углу загона, где живая изгородь смыкается с загородкой из колючей проволоки. Он отбивался копытами от обоих серых, которые методично и неторопливо все теснее зажимали его в угол. Когда он был совсем лишен возможности повернуться, нападающие изменили позицию и бросились на него. Быстрее, чем я пишу эти слова, они ударами копыт загнали несчастное животное на ту сторону колючей проволоки, которая, по счастью, была натянута не очень крепко и поддалась под этим натиском. Три столбика были вывернуты из земли, и проволока оборвана. Трепеща от волнения, я осмотрела колючки и с ужасом обнаружила кое-где кровь. Конь Мурса позже нашелся в собственном загоне не столь уж пострадавший от схватки. У него выдраны сзади клочья шерсти и на боку две длинные царапины от проволоки. Кажется, с лошадьми не меньше хлопот, чем со свиньями.

Что касается этих последних, то сиднейская «леди» наконец произвела потомство. Сначала было семь поросят, один погиб. Она вела себя по-светски и приветствовала нас самым восторженным хрюканьем. Ей кинули немного соломы и сухих кокосовых листьев, и она соорудила из них круглое ложе вроде гнезда гигантской птицы. На другой день был сильный дождь. Вспомнив, что гнездо не под крышей, я была настолько любопытна, что вышла взглянуть на действия «ее светлости». Эгоистичное существо забралось на помост, сколоченный Паулем, предоставив своему потомству погибнуть под холодным дождем. В этот момент мимо пробежал Генри в одной подоткнутой лавалава. Он перемахнул через ограду, с возмущением выдернул помост из-под аристократической особы и задвинул гнездо с поросятами в сухой угол.

Дикая черная свинья очень красивое животное. У нее блестящие умные глаза, большие и светло-карие, длинное, совершенно прямое рыльце, а ноги как у оленя. Нельзя сказать, что это подходящий тип для бекона, но на нее приятно смотреть, когда она надежно заперта. Она не прекращает попыток к бегству. Просыпаясь ночью, я всякий раз слышу ее возню. Я могла бы к ней привязаться, но, как справедливо заметил Льюис, «дружить со свиньей и в то же время есть свинину — совсем в духе каннибализма».

Прибыл и отбыл «Арчер». Он доставил нам письма, промокшие во время застигнувшей его бури. Кусок бордюра, который я выписала, почти совсем погиб. Капитан Генри и мистер Херд приходили навестить нас *note 51*. И тот и другой выглядят прекрасно. Оба смутились, когда я помянула свинью с острова Севидж, и притворились, что ничего не знают о ее

Note51

О. Генри был штурманом, а Б. Херд — суперкарго на шхуне «Дженет Никол» во время плавания на ней Стивенсонов.

судьбе. В конце концов капитан признался. «Говоря по правде, я напрасно потратил целый день, чтобы добыть эту свинью с борта „Дженет“, но в последний раз, как я ее видел, она была прикована там на палубе, а больше мне о ней ничего не известно». Впрочем, я думаю без сожаления об этой уроженке острова Севидж.

Они привезли грустную весть о Пенрине *note 52*. Проказа, первые признаки которой появились еще при нас, разразилась с такой большой силой, что местное население встревожилось и отселило зараженных. Говорят, что в Апии одна гавайка больна проказой в далеко зашедшей форме. Сегодня приходил Сеуманутафа повидать нас или, вернее, занять немного денег. «По этой причине я и пришел» — это его собственные слова. Льюис имел с ним очень серьезную беседу о проказе и страшной опасности, которой она грозит Самоа. У Сеуманутафы красивое интеллигентное лицо, а улыбка напомнила мне нашего дорогого Тембиноку *note 53*. Жена Сеуманутафы, принадлежащая к высокому роду, — тетка Генри.

Последнее сообщение из жизни духов, принесенное Генри, чуть-чуть вразумительнее предыдущих. Есть будто бы злой женский дух, по имени «Придите ко мне, тысячи». Иногда эта дьяволица в обличье сердитой старой бабки является к женщинам, когда они одни, и требует от них разных мелких услуг. Она может, например, попросить напиться, но в очень грубой форме. Если ей ответят любезно и вежливо принесут воду, то никакой беды не последует. Если же нет, она выжидает, когда жертва уснет, забирается в ее тело и ночи напролет носится по горам или пьянствует. Таким образом, бедная жертва никогда не имеет отдыха и, не подозревая о причине, постепенно чахнет и умирает. В других случаях она принимает вид мужчины. Тогда она выбирает себе девушку, и несчастная обречена на смерть, чтобы демон мог забрать ее душу. Бывает и так, что ей приглянется красивый юноша. Для него это верная гибель. В соседней деревне жил молодой человек. Генри хорошо знал его. Он был очень красивый, очень умный и хороший и поэтому занимал в деревне место, подобное месту «девы деревни». Я впервые услышала о «юноше деревни», но Генри говорит, что это распространенный обычай. На аиту фафине (женский злой дух или дьявол) этот хороший, умный и красивый юноша произвел такое неотразимое впечатление, что она сначала взяла себе его жизнь, а потом и душу. Ее действия или, вернее, их видимые признаки широко известны. Все тело человека сначала принимает красивый пунцовый оттенок, а в голове ощущается странная легкость. Затем кровь начинает просвечивать сквозь кожу и тело делается прозрачным. «Вот так», — сказал Генри и подержал руку со сдвинутыми пальцами перед лампой. Вскоре после этого наступает конец, и аиту фафине улетает прочь со своим новым женихом. У знакомого Генри все эти признаки были очень ясно выражены, так что сомнений тут быть не может.

Льюиса не удивляет, что самоанцы боятся быть в лесу после наступления темноты. Прошлый раз он возвращался из Апии безлунной ночью. Было очень темно, но дорога и весь лес вокруг фосфорически светились от лежащего всюду на земле гниющего дерева. По его словам, ощущение было такое, словно он пробирается сквозь преддверие ада.

Приезд главного судьи ожидается теперь менее чем через две недели. Невзирая на протесты, король пригласил всех вождей для торжественной встречи. Это будет вроде налета саранчи на хлебное поле. Вопрос в том, как они все будут кормиться. Боюсь, что в значительной степени за счет чужих свиней и кур. Не думаю, чтобы миссионеры одобрили мои оборонительные меры, но я не смогла изобрести ничего более надежного. Я взяла днище небольшого бочонка из-под мяса и изобразила на нем устрашающую рожу с вытарашенными

Note52

Пенрин (Тонгарева) — один из атоллов Северной группы островов Кука в центральной Полинезии.

Note53

Тембинока — верховный вождь («король») атолла Апемама (Абемама) в архипелаге Гилберта, который Стивенсоны посетили дважды — в 1889 г. на «Экваторе» и в 1890 г. на «Дженет Никол». Тембинока умер в 1891 г. от заражения крови. Вскоре после его смерти, в 1892 г., Англия аннексировала весь архипелаг Гилберта. Льюис рассказал о Тембиноке в своей книге «В Южных морях».

глазами и широко разинутым ртом, в котором видны два ряда острых зубов. Вместо волос на голове языки пламени. Пламя, зрачки и зубы я нарисовала светящейся краской. Мне даже самой страшно глядеть на это изображение. Должна прибавить, что, по поверью, у аиту фафине красные волосы, стоящие дыбом, и красивая фигура. Грудь у нее прекрасной формы. Вообще же это слабая сторона сложения самоанских женщин.

Фэнни. 15 декабря

Генри сделал открытие, что у нас есть собственная аиту фафине. Она живет в ключе, от которого начинается наш главный ручей. Передвигаясь, она поднимает порывистый ветер. Ее-то и боится Лафаэле. Он рассказывал Генри, как один раз, работая в саду, услышал в зарослях позади себя странный звук и, обернувшись, увидел, что ветер рвется сквозь деревья, которые шумят и тревожно раскачиваются.

Плотник всю работу над конюшней и уже подвел ее под крышу. Генри со своей бригадой строит, вернее, роет убежище на случай урагана. Вчера я ходила поглядеть на их работу: большая яма, наполненная грязью, среди которой торчат гигантские камни вулканического происхождения. Я сказала им, чтобы они сейчас же вырыли канаву для стока, если не собираются использовать свое сооружение под бассейн для купания, но боюсь, что они так и не приступили к канаве. Сегодня яма, должно быть, порядком наполнилась, так как прошлой ночью дождь лил как из ведра.

В последние два дня очень странное и тревожное освещение. В небе какие-то беловатые отблески. Стволы деревьев и голая почва красны, как жженая охра, где посветлее, где потемнее; растительность интенсивного резко зеленого цвета, на фоне которого выделяется нежное белое цветение. Дождь продолжает лить, и весь мир сейчас промокший и неуютный.

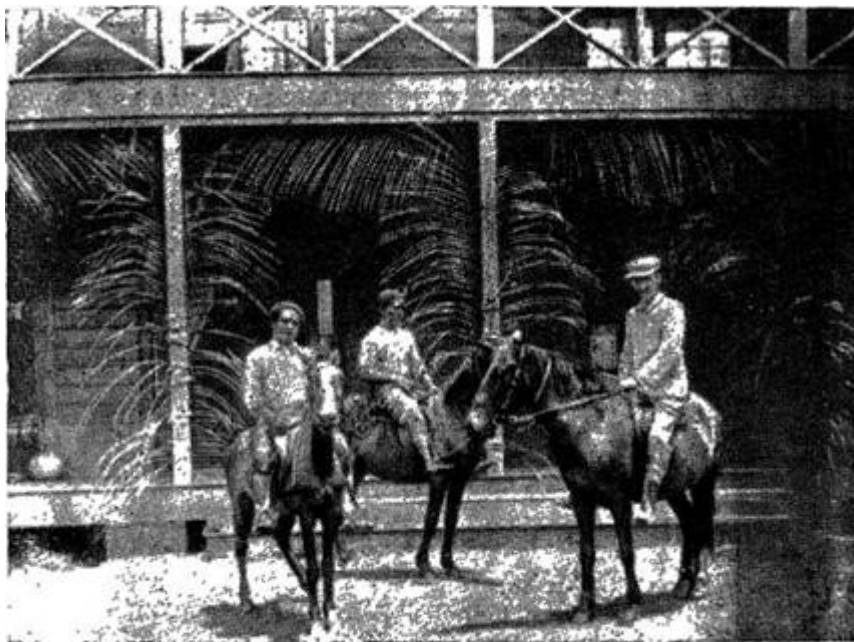
Генри хочет прибавки жалованья до ста двадцати долларов, чтобы пополам с двоюродным братом купить земельный участок. Пока проект только обсуждается. Пауль, встревоженный мыслью о предстоящих переменах, попросил заключить с ним договор. Он также допытывается с пристрастием, каковы будут его обязанности. Лафаэле, от которого недавно сбежала жена, снова женится или уже женился, на сей раз в присутствии консула. Он сказал мне, что больше никак не может оставаться в Апии и должен перейти к нам на постоянное жительство; что они с женой согласны спать где придется и будут «работать как черти». Если же новая жена чем-нибудь не угодит мне, я могу хоть убить ее, а Лафаэле не обидится и все равно будет работать как черт.

Вчера после полудня у самого входа в гавань Апии стал на якорь какой-то большой незнакомый корабль. Оттуда переговаривались сигналами со «Шпербером». Мы так и не определили, что это за корабль и о чем он сигнализировал.

Льюис. Понедельник, двадцать какого-то декабря

Я не могу сказать, что мой Джек нечто выдающееся; это рядовая островная лошадка. Человек непонимающий назвал бы его коротышкой, да и мордой он похож на осла. До меня у него был местный хозяин, и, следовательно, он не обучен слушаться узды и вдобавок имеет манеру шарахаться от страха. Но и достоинства его не менее поразительны. Вероятно, я никогда бы их не обнаружил, если бы мне не пришлось ездить на нем глухой безлунной ночью. Джек кокетлив; любит вдруг выкинуть коленце, особенно на улице в Апии, так что, когда я останавливаюсь поболтать со знакомыми, они говорят (например, доктор Штюбель, немецкий консул, сказал дня три назад): «Какая дикая лошадь! На ней небезопасно ездить». Подобное замечание — лучшая награда для Джека, другой славы ему не надо. Однако поглядел бы ты, как меняется мой конь, когда я выезжаю из Апии темной ночью, — на его быструю твердую поступь, на то, как он карабкается по долгому подъему и пробирается сквозь черную чащу леса, низко опустив голову, порой чуть не касаясь носом земли, —

невозможно передать, каким легким, вежливым и выразительным движением головы он просит разрешения на это.

Стивенсон верхом на Джеке

Первый раз я возвращался в ясную ночь. Это было исключительное зрелище: звездный свет по каплям тонул в мрачном склепе леса, зато открытая часть дороги была освещена так ярко, как бывает при луне у нас на родине. Но этот склеп был настоящим испытанием. Там жила сама чернота. В следующий раз шел дождь. Мы покинули огни Апии и нырнули в преддверие ада. Джек вообще сам находит дорогу, но он не учитывает, на сколько я возвышаюсь над седлом; вот я и сижу, наклоняясь вперед, готовый припасть к его спине, и держу перед собой хлыст. В высшей степени интересно. В лесу светятся гнилушки. Бывают ночи, когда вся почва усеяна ими, — похоже на решетку над бледным пеклом. Несомненно, это один из источников, питающих ночные страхи туземцев. Должен сознаться, что в беспросветно темную ночь, когда кругом не видно ни зги, эти мертвенно-бледные *ignes suppositi* [note 54](#) действительно имеют фантастический, даже призрачный вид. В одну из таких ночей сосед повесил у дороги маленький фонарик, чтобы обозначить въезд на свой участок. Заметив огонек, как мне показалось, далеко впереди, я предположил, что кто-то пешком вышел встречать меня, и был ошеломлен, когда свет неожиданно ударил в лицо и остался позади. Джек тоже видел это и был напуган, но, ты думаешь, он шарахнулся в сторону? Нет, сэр, только не ночью. В темноте Джек выполняет свой долг. Он миновал этот фонарь быстрым и ровным шагом, только шумно вздохнул и содрогнулся. На протяжении примерно двух тысяч пятисот шагов Джека нам встречается только один дом — тот, где вывесили фонарь, и две трети пути мы проделываем в крошечной тьме, как в преисподней. Но сейчас луна опять к нашим услугам, и дороги освещены...

Фэнни совсем погибает от ушной боли. Ехать она отказывается, так как не выносит моря в это бурное время года; мне не хочется оставлять ее; и вот эта волынка тянется и тянется от парохода к пароходу, и, думаю, кончится тем, что вообще никто не поедет [note 55](#). Сейчас на нее обрушились все беды. В кухне взорвался бидон с керосином; незадолго перед тем лошадь плотника наступила на гнездо с четырнадцатью яйцами и сделала омлет из

Note54

огни, скрытые под пеплом (латин.) — Прим. пер.

Note55

Льюис намеревался посетить Сидней.

наших надежд. Фермерскую долю не назовешь счастливой. И похоже, что плохая погода тоже установилась прочно. Хоть бы ухо у Фэнни не болело! Только представь себе пирушки в «Моньюментс»! Представь меня в Скерриворе *note 56* и то, что здесь теперь! Словно другой мир! Работу отложил совершенно; совсем выдохся.

Льюис. Сочельник

Кто смог бы писать вчера? Жена доведена почти до безумия болью в ухе. Дождь падает белыми хрустальными прутьями и дьявольски барабанит, словно собирается протаранить нашу тонкую железную крышу. Ветер проносится в вышине со странным глухим ворчанием либо обрушивается на нас со всей силой, так что огромные деревья в загоне громко стонут и, ломая пальцы, простирают свои длинные руки. Лошади стоят в своем сарае как неживые. Океан и флагманский корабль *note 57*, лежащий на якоре у входа в залив, скрыты отвесной стеной дождя. Так продолжалось весь день; я запер рукописи в железный ящик на случай урагана и разрушения дома. Спать мы легли, чувствуя себя весьма неуверенно, более неуверенно, чем на корабле, где грозит только одна опасность — утонуть. Здесь же того и гляди на голову обрушатся балки и поток кровельного железа, и придется сквозь бурю и мрак вслепую бежать под прикрытие недостроенной конюшни. Вдобавок у жены болит ухо!

Ну, ну, все не так плохо. Утром до нас дошло известие из Апии, что ожидается ураган, судам было предписано покинуть гавань в десять утра. Но сейчас уже половина четвертого, а флагман на том же месте, и ветер повернул к благословенному востоку, так что, я полагаю, опасность миновала. Но небо все еще обложено; день пасмурный; то и дело разражаются быстрые короткие ливни; и как раз только что высоко, едва затронув нас, промчался шквал с тем характерным мрачно-торжественным звуком, которого я не выношу. Я всегда боялся голоса ветра больше всего на свете. В аду надо мной вечно будет выть буря.

Льюис. Суббота, 27 декабря

После обеда внезапно прояснилось; мы с женой оседлали лошадей и ускакали в Апию, где и пробыли до вчерашнего утра. Жаль, что ты не мог видеть нашу компанию за рождественским столом. На одном конце мистер Мурс с моей женой, на другом — я с миссис Мурс, по бокам — две местные женщины, судья Карразерс, двое приказчиков из магазина Мурса — Уолтерс и квартерон А. М., затем гости — Шэрли Бэйкер *note 58* с островов Тонга, ославленный и навлекший на себя много жалоб, и его сын с протезом вместо одной кисти, которую ему прострелили, когда покушались на его отца. Внешностью Бэйкер напоминает карикатуру на Джона Буля. Разговаривать с ним очень занятно, как я и ожидал. У нас с ним нашлись общие интересы, и оба мы ломаем себе голову над теми же

Note56

«Моньюментс» («Памятники») — так Стивенсон называл дом своего друга Сиднея Колвина в Лондоне, близ Британского музея. «Скерривор» — название дома Стивенсонов в Борнемуте, по имени маяка, построенного дядей писателя на скале Скерривор.

Note57

Англия, Германия и США все время держали в самоанских водах свои военные суда для вооруженного вмешательства в дела островитян и обеспечения интересов соответствующих держав. Здесь, по-видимому, речь идет о флагманском корабле немецкой эскадры.

Note58

Шарли Бэйкер — английский миссионер, ставший «премьер-министром» западнополинезийского архипелага Тонга. Своим самоуправством, бесчинствами и злоупотреблениями этот авантюрист восстановил против себя не только тонганскую знать и рядовых островитян, но даже английского верховного комиссара в западной части Тихого океана, «советами» которого он пренебрегал. За несколько месяцев до встречи со Стивенсоном Бэйкер был отстранен от власти и выслан с Тонга.

трудностями. После обеда на наше праздничное общество любо было взглянуть, все так легко радовались, и так мило себя вели...

Ах этот свирепый Джек! В сочельник, когда я снимал седельную сумку, он лягнулся и таки угодил мне по голени. В пятницу, раздосадованный тем, что конь плотника бежит более быстрой рысью, он пронзительно заржал и попытался укусить его! Увы, увы, это напоминает мне былые дни; мой милый Джек — второй Бука *note 59*, но Джека я не могу заставить покориться.

Льюис. 29 декабря *note 60*

У нас разгар дождливого сезона, и мы живем под постоянной угрозой ураганов в весьма ненадежной маленькой двухэтажной коробке в шестистах пятидесяти футах над уровнем океана и примерно в трех милях от него. Позади, вплоть до противоположного склона острова, пустынный лес, горные пики и шумные потоки; впереди зеленый спуск к морю, которое видно нам миль на пятьдесят. Мы наблюдаем движение судов вокруг опасного арийского рейда и, если они останавливаются вдали, все время, пока они стоят на якоре, различаем верхушки мачт. Из звуков человеческой жизни, кроме голосов наших работников, сюда изредка доносятся залпы военных кораблей в гавани, звон колокола кафедральной церкви и рев гигантской раковины, созывающий рабочих на немецких плантациях *note 61*. Вчера — это было воскресенье, вполне вероятно, что я поставил не ту дату и теперь ее можно поправить, — у нас был гость — Бэйкер с Тонга. Слышал о таком? Здесь это знаменитость: его обвиняют в краже, изнасиловании, узаконенном убийстве, отравительстве, в совершении аборта, в присвоении казенных денег — и, как ни странно, не обвиняют лишь в подделке документов и в поджоге; если бы ты знал, как щедры на всякие обвинения здесь, в Южных морях! Не сомневаюсь, что у меня тоже достаточно богатая репутация, а если нет, то все еще впереди.

До последнего времени наши развлечения были не в тихоокеанском духе. Мы наслаждались просвещенным обществом: художник Лафарг и ваш Генри Адамс *note 62*. Это большое удовольствие, если бы только оно могло продолжаться. Я бывал бы у них чаще, но верхом сейчас трудно добираться. Прошлый раз, когда я ездил туда на обед, пришлось пустить лошадь вплавь, и, поскольку я до сих пор не вернул одежду, которой меня ссудили, я не рискую являться в таком же положении. Тут что-то роковое: как только у нас стирка, я обязательно ныряю в рубашку либо в брюки американского консула! Они же, вероятно, чаще навещали бы нас, если бы не ужасные сомнения, которые внушают людям наши продовольственные дела. По слухам, нам иногда совсем нечего есть и гость может вызвать полный крах; говорят, будто мы с женой как-то вдвоем пообедали одной грушей авокадо, а частенько мой обед состоит только из черствого хлеба с луком. Что же прикажете делать с гостем в такое трудное время? Съесть его? Или угостить его фрикасе из какого-нибудь работника?

Note59

Скайтерьер — собака писателя в период его жизни в Борнемуте (1884 — 1887). Прославлен в очерке Стивенсона «Собачий характер».

Note60

Письмо американскому писателю Генри Джеймсу (1843 — 1916), другу Стивенсона.

Note61

По всей Океании были широко распространены в прошлом сигнальные роги и трубы, сделанные из раковин.

Note62

Генри Адамс (1838 — 1918) — американский историк, правнук президента США Генри Куинси Адамса. Джон Лафарг (1835 — 1910) — американский художник французского происхождения, путешествовавший вместе с Адамсом.

Киплинг — самый талантливый из молодых, появившихся после того, как — гм — появился я. Он поражает ранней зрелостью и разнообразием дарований. Но меня тревожат его плодовитость и спешка. Он должен был бы заслонить свой огонь обеими руками «и собрать всю свою силу и нежность в один комок» (кажется, так? Я не помню точно слов Марвелла *note 63*). Бывало, критики твердили это мне; но я никогда не был способен к такому разгулу творчества и, несомненно, не был в нем повинен.

При таких условиях его произведения скоро заполнят весь обитаемый мир. Несомненно, он вооружен для более серьезных выступлений, чем сжатые очерки и летучие листки стихов. Я гляжу, восхищаюсь, наслаждаюсь; но в какой-то степени всем нам присущее ревнивое чувство к родному языку и литературе у меня задето. Если бы я обладал плодовитостью и решимостью этого человека, мне кажется, я бы смог соорудить пирамиду.

Что ж, мы начинаем превращаться в старых чудаков, и теперь самое время кому-то подняться и занять наши места. Киплинг, несомненно, талантлив; должно быть, добрые феи гуляли на его крестинах. Но на что он употребил их дары?

1891 год

Фэнни. 12 января

Давно я ничего не записывала в дневник. Сначала мешал мучительный нарыв в ухе, потом Льюис уезжал в Сидней, и мне было некогда. Сочельник провели у мистера Мурса. Мы были предупреждены, что барометр упал и ожидается ураган. Перед нашим отъездом ветер переменялся и небо очистилось, но я этого не заметила, а Льюис, которому хотелось в Апию, не стал привлекать внимание к тому, что опасность бури миновала. Впрочем, я была рада, что поехала. Мы остались там и на рождество, так как мистер Мурс экспромтом собрал небольшую компанию, центром которой был пресловутый мистер Бэйкер. Вместе с отцом приехал и Бэйкер-младший. Он тоже перенес нарыв в ухе, что и вообще не редкость. Мистер Бэйкер не внушает мне симпатии, но я не могу удержаться от любопытства по отношению к человеку, прошедшему такой необычный и богатый событиями жизненный путь. Он весьма представительен и подтянут, с медово-сладким голосом и медово-сладкой улыбкой. Я там была единственной белой женщиной, кроме того, присутствовали две самоанские дамы и очаровательная метиска. Последняя уселась за фортепьяно и, как маленькая, битый час подряд барабанила легкие упражнения и «Янки Дудль».

Как-то на прошлой неделе мне привели с немецкой плантации корову. Издали (вблизи я ее не видала) мне почудилось зловещее сходство с буллимакау. Чтобы заставить избранницу идти куда надо, вместе с ней пригнали целое стадо коров.

— Не лучше ли привязать ее для начала? — спросила я у хозяина, подъехавшего на лошади к дому.

— Ни в коем случае, — ответил он с горячностью, — главное — никаких веревок!

— Боюсь, что это не слишком смиренная скотина, — сказала я.

— Как же не смиренная, — возразил он. — Это моя собственная домашняя корова, любимая корова моей семьи, и мне очень жалко с ней расставаться. Смирнее корова и быть не может.

— А сколько молока она дает? — спросила я.

— Бутылки три будет, я думаю.

— Три бутылки? — воскликнула я. — Так это же всего шесть в день.

— Ну нет, — отвечивал хозяин коровы, — три бутылки — это и значит три бутылки в день.

Note63

Эндрю Марвелл (1621 — 1678) -английский поэт и сатирик.

— Так мало? Стоит ли возиться — доить из-за трех бутылок.

— Видите ли, — неуверенно сказал продавец, — она, может быть, даст и больше. Дело в том, что эта корова у меня только два дня и я не знаю, какой будет удой, когда она привыкнет к месту.

Я не стала выяснять, на чем основывались ее претензии на звание домашней коровы и тем более любимой коровы его семьи. Каким-то путем удалось заманить животное в загон, и теперь корова носилась по нему бешеным галопом, так что хвост торчал у нее за спиной прямо, как палка. С прощальным указанием надеть на скотину ярмо и замкнуть его, прежде чем доить, человек ускакал, оставив меня с глазу на глаз (правда, на некотором расстоянии) с этой коровой. Я пошла к плотнику насчет ярма. Тот сказал, что ярмо-то сделать можно, но пока что он думает привязать корову, невзирая ни на какие инструкции.

— Если ее не привязать, — сказал он, — она через пять минут будет за забором.

Так и вышло: через пять минут или раньше она перемахнула через забор.

На заре следующего дня мистера Хэя, который ночует в только что достроенной конюшне, разбудил страшный скандал между собаками и свиньями. Три собаки мистера Труда, натасканные на диких свиней, набросились на трех моих несчастных поросят. Прежде чем успели отогнать собак, один поросенок был уже тяжело ранен. Истекая кровью, он уполз в лес, и его так и не нашли. Главным преступником оказалась отлично известная мне большая коричневая собака. Немного позже, когда я сидела за завтраком, до меня донеслось снизу жалобное повизгиванье. Это был мистер Коричневый пес, который лежал там с попарно связанными передними и задними лапами. Его поймали и принесли сюда, подвесив к палке; теперь он ждал приговора. Разумеется, наказывать надо было немедленно, но у меня не хватило на это духу, и я отослала его назад к хозяину с предупреждением, чтобы он больше не натаскивал своих собак таким образом.

Злополучная корова отыскалась вчера на участке мистера Труда, где она загубила много бананов. От него пришел человек и потребовал возмещения убытков.

— Они возмещены авансом, — сказала я, — в форме свиньи.

Пауль, мистер Хэй и Лафаэле отправились за коровой. Им пришлось еще нанять человека себе в помощь, и тем не менее мистер Хэй не надеялся доставить это существо домой живьем — так свирепо оно оборонялось. Под словом «домой» я подразумеваю ее «собственную семью», потому что мысль сделать ее моей «домашней коровой» мне как-то не улыбалась.

Сегодня я собиралась писать рассказ, начатый когда-то, но вместо этого почти все время провела в наблюдениях над пчелами. Они так зловеще жужжали и шипели внутри ящика, что я обратилась за советом к плотнику, который сказал, что они определенно сейчас начнут роиться. Но получилось одно расстройство. Внезапно раздавалось нечто вроде «Ура!» и выкриков «Она идет!». Пчелы принимались метаться в безумном возбуждении, и каждый раз тревога оказывалась ложной. Мне припомнилось, что почти то же самое происходило однажды, когда ждали приезда королевы Виктории. У людей и пчел, как видно, много общего. Наши пчелы совсем ручные. Плотник уверял меня, что я сразу узнаю матку по комплекции, и вот я сидела, чуть ли не касаясь носом их порога, боясь прозевать «ее величество», и ни одна пчела меня не ужалила. По словам мистера Хэя, это доказывает, что я принадлежу к числу людей, на которых пчелы не нападают. Я же думаю, что скорее эти пчелы не имеют обыкновения нападать.

Как ни странно, каждую ночь нас мучат разные виды насекомых, разумеется не считая москитов: эти никогда нас не покидают. То воздух полон мотыльков, которые попадают в рот при каждом вдохе и вообще всячески докучают, то это мириады маленьких черных жучков; в другой раз преобладают крупные жуки типа майских или какие-то отвратительные твари с квадратными хвостами, они особенно невыносимы. Нынче вечером впервые за все время у меня сразу два рода мучителей. Первый — блестящие маленькие жуки самых необыкновенных расцветок. Вот сейчас, когда я пишу это, один из них, розовый с бронзовым отливом, лежит на бумаге, вернее, его труп; жучок все становился на голову и наконец умер

в конвульсиях. Сегодня какая-то удивительно красочная ночь, потому что теперь возле меня кружатся небольшие серебристые мотыльки, все одинакового размера, но с разным красивым рисунком крыльев.

В прошлый четверг вечером я была приглашена на обед к американскому консулу для встречи с главным судьей. Я была сильно утомлена и не совсем здорова, но, поскольку и мистер Сьюэл и мистер Кларк (последний прислал записку, предлагая мне ночлег в помещении миссии) жалобно ссылались на то, что из дам будут только миссис Кьюсэк-Смит, миссис Кларк и миссис Клэкстон, я сочла своим долгом поехать. Столько мужчин и всего три дамы, не считая меня, — мое присутствие и в самом деле должно было отвечать насущной, если и не «давно испытываемой» необходимости. И затем помимо всего прочего следовало оказать почтение главному судье, не говоря уж о моем собственном консуле.

Моя старая кобыла шла не слишком резво. По дороге к Кларкам мне еще надо было заехать по делу к мистеру Мурсу. Несомненно также, что часы у Кларков убежали вперед. Миссис Клэкстон говорит, что они очень спешат. Как бы то ни было, Кларки ушли, не дождавись меня. Красивая девушка-метиска с любезными манерами позвала человека перевести мою лошадь через реку. Мы с девушкой уже были на мосту, но, увы, река оказалась слишком глубокой для лошади! Я разыскала Генри, и он тщетно пытался достать для меня лодку. Кончилось тем, что я пошла к мистеру Мурсу, взяла немного провизии и вернулась к Кларкам.

В первый приход меня провели в спальню; теперь в этой комнате горела лампа, но никого не было. Беспokoясь о том, что лошадь моя не напоена, я в конце концов отправилась искать помощи и набрела на комнату, полную женщин, но никаким способом не могла с ними договориться. Пришлось бросить эти попытки, так как одна из девушек по всем признакам уже собралась готовить еду для меня. После этого единственно разумным казалось лечь спать, и я почти уснула, когда внезапная мысль отогнала всякий сон: что, если меня проводили в эту комнату только для того, чтобы я могла раздеться? что, если это спальня мистера и миссис Кларк и лампа была оставлена, чтобы они видели, как ложиться? Я же погасила ее и теперь не знала, где взять спички.

Фэнни. 13 января

Сегодня после обеда явственно различила два толчка землетрясения. Как мне почудилось, первый сопровождался рокочущим звуком вроде грома. Во время второго, более сильного толчка, почти сразу последовавшего за первым, это, несомненно, было так. Мистер Хэй, набиравший из цистерны воду для лошадей, не чувствовал землетрясения, но слышал гул.

— Я слышал гром, — сказал он.

— Да взгляните на небо, — возразила я. Вид неба никак не мог служить объяснением грому.

Пчелы до сих пор не роятся, поэтому мы с мистером Бэйкером *note 64* и Лафаэле, находившимся в полной панике, перевернули ящик и заглянули внутрь. Там было колоссальное количество пчел, прилепившихся к стенкам и к кускам сот, что выглядело очень красиво, но роиться они и не думали. Мистер Бэйкер сделал для них настоящий улей, и завтра вечером я переведу их на новое место.

Пауль видел поросенка, которого мы считали убитым, — хромого и вообще в жалком состоянии. Он показался из лесу и тут же уполз обратно. Конечно, Пауль вместо того, чтобы поймать его, вернулся поскорее сообщить новость, а потом мы уже не могли его отыскать. Льюис прозвал Пауля Энди — Золотые Руки *note 65*.

Note64

По-видимому, один из служащих в Ваилиме. Не путать с Шарли Бейкером.

Note65

Недавно я сделала небольшой переносной домик для наседки с цыплятами и, посадив туда курицу, поместила сооружение на сухом месте, потому что в это время года трава очень мокрая. Еще две наседки вывели цыплят, и Пауль вызвался сделать для них такие же домики. Окончив работу, он принес мне показать. Курятники вышли отличные — точные копии моего. Я выразила одобрение и сказала:

— Теперь несите их вместе с курами наружу, только смотрите, чтобы домики стояли на сухом месте.

Очень скоро я убедилась, что обе курицы и цыплята бегают в сырой траве. Я позвала Пауля.

— Конечно, мадам, — подтвердил он, — это те самые куры. Я вынес их наружу, как вы сказали.

— Но почему они не в домиках? — спросила я.

— Вы велели мне вынести кур с цыплятами наружу, но вы не говорили, чтобы я посадил их в домики, — отвечал этот несносный человек.

И в самом деле, оба куриных домика были заботливо помещены на сухие участки, внутри приготовлены корм и вода, точь-в-точь как я устроила в своем, птица же, ради которой были все эти старания, бегала вокруг, готовая подцепить дифтерию, типун, зевоту и все прочие хвори, какие бывают у цыплят от сырости. Прошлым вечером Пауль с большим трудом переселил кур в новый курятник, запер дверь и торжественно принес мне ключ, но он не упомянул при этом, что оставил открытыми два окна, через которые все птицы улизнули с первыми проблесками зари.

Фэнни. Январь

Вот уже примерно две недели, как Льюис для перемены климата уехал в колонии *note 66*. Он очень неохотно оставлял меня, беспокоясь, что я заболела в его отсутствие. И действительно, я была очень больна. На этот раз приступ длился дольше обычного. Я даже перепугалась прошлой ночью, почувствовав, что от боли у меня мутится в голове. А в доме никого не было, кроме Пауля, спавшего внизу.

Пауль и Лафаэле высадили всю рассаду какао, но, к сожалению, Пауль посадил большую часть своих кустиков на гребнях мусорных куч, которые Лафаэле никак не соберется вывезти, оставляя это до лучших времен. Кусты, посаженные правильно, имеют отличный вид.

Все фруктовые деревья растут, и кокосы поднялись прекрасно. Постройка нового дома быстро продвигается, вероятно, завтра будет закончен каркас. Паулю кто-то дал котенка-заморыша, который сейчас ползает по мне. Вчера ночью на наших котов напала собака, но старый Патч отразил атаку, как тигр: пес убрался с душераздирающим визгом. Генри, подбежавший к двери, успел увидеть, как тот удирал, а за ним по пятам галопом неслись обе кошки.

До нас дошел слух, что Бен тяжело болен. Я послала Генри проведать его и передать, чтобы он вернулся — не работать, а отдохнуть и кай-кай *note 67*. Впрочем, ведь он подобно Льюису ушел переменить обстановку.

Энди — Золотые Руки (Handy Andy) — герой одноименного романа ирландского писателя Сэмюэла Ловера (1797 — 1868) — слуга, отличающийся редкой неловкостью.

Note66

Имеются в виду английские колонии на Австралийском континенте (Новый Южный Уэльс, Тасмания, Западная Австралия, Южная Австралия, Виктория, Квинсленд). В 1900 г. эти колонии объединились в Австралийский Союз со статутом британского доминиона.

Note67

подкормиться (самоанск.) — Прим. пер.

Пациенты — белые, коричневые и черные — постоянно являются ко мне, видимо в полной уверенности, что я могу вылечить любую рану или болезнь. До меня вдруг донесся громкий крик, словно от сильной боли. Не успела я дойти до двери, как примчался плотник за лекарством для человека, которому только что раздавило два пальца. Я абсолютно не знала, чем тут помочь, кроме как обратиться к доктору; но, так как рана сильно кровоточила, я растворила в воде несколько кристаллов железа, и мы промыли ему руку. К моему удивлению, он сразу же перестал кричать и заявил, что боль прошла. Можно приписать это только действию его воображения; насколько мне известно, железо оказывает только кровоостанавливающее действие. Я всегда предпочитаю дать хоть что-нибудь. Пауля и плотника я вылечила от острого радикулита. Но в этом случае я основывалась на кое-каких знаниях. Сегодня ко мне пришел человек с сильным воспалением на подошве ноги. За два дня до этого он напоролся на гвоздь. Я привязала к больному месту кусок жирного бекона, это старое негритянское средство — единственное, что пришло мне в голову.

Кажется, я в свое время не написала об одном моем довольно сумасбродном поступке. Как-то я принесла из леса охапку разных папоротников с неразвернувшимися листьями. Я сварила их, как спаржу, и подала к обеду с маслом и лимонным соком. Льюис принял было за них, но остановился и спросил, откуда моя уверенность, что растения съедобны, а не ядовиты. Я не то слыхала, не то где-то прочла, что из них получается превосходное блюдо. Но Льюис продолжал настаивать: почему я знаю, какой сорт собирать? Я и в самом деле не знала и поэтому рвала все подряд. Льюис больше есть не стал, я же, для того чтобы выяснить, ядовитые они или нет, заставила себя съесть всю порцию. Среди ночи я проснулась с болью в желудке и вообще с таким чувством, что умираю. Сперва я подумала, что вопрос решен; вдобавок мне вспомнилось, как химик в Йере рассказывал о смерти человека от повышенной дозы экстракта спор папоротника. Мне подумалось, что в сердцевине растения, которую я ела, должна заключаться добрая доля веществ, содержащихся в любой его части. Тем не менее, прежде чем подымать на ноги весь дом, я решила попробовать, не поможет ли мне капля виски, и вскоре уснула, а на следующее утро проснулась, не ощущая никаких последствий глупого эксперимента.

Лафаэле поссорился с женой и ее родителями. Он вошел ко мне с весьма грозным видом: сразу было ясно, что с этим человеком шутки плохи. Он наново побелил себе волосы известью, надушился и натерся маслом, на шее у него была гирлянда, а за ухом торчал цветок. Встав на колени, с необычайным достоинством, он выложил все свои печали. Лафаэле — чужой на этом острове, сказал он. Еще когда он был «маленький-малый», его украл китолов и долгое время держал как раба на борту своего судна, а в конце концов, когда мальчик надоел ему, бросил его в Апии.

— Три раза, — сказал он, — Лафаэле женись самоанская девушка. Самоанская девушка — плохо.

Дважды он женился фаасамое, причем обе жены ушли от него к другим мужьям. В этот третий и последний раз он для верности женился в консульстве «тожесамое, как белый человек».

И он объявил о своем намерении остаться жить у меня.

«Я не имей отец, — сказал он, — не имей мать, не имей брат, не имей сестра, не имей друг — никто. Жена — она не любит Лафаэле, она любит самоанский муж. Я тожесамое, как один».

Он сказал, что я ему «тожесамое, как мать». И хотя я пыталась отрицать это, отмел все возражения, заявив, что, если он мне не нравится, я могу убить его, но с этого момента должна считать его членом моей семьи.

Тут вошел Генри. Выслушав историю, он напустил на себя мудрый вид, а действовал еще мудрее. Жена Лафаэле, ее отец и мать были приглашены и дали Генри свидетельские показания. При помощи нескольких пронизательных вопросов он заставил каждого из участников ссоры правдиво рассказать о своем неправильном поведении, причем, как выяснилось, Лафаэле был виноват больше других. Были принесены взаимные извинения, и,

после того как юный Соломон произнес лекцию о долге мужа и жены, тестя, тещи и зятя, состоялось всеобщее примирение. И так, я пока что не стала «тоже сама, как мать Лафаэля», но чувствую, что этот день не за горами.

Погода была исключительно хорошая, несмотря на то что стоит сезон ураганов. «Ураганное убежище» Генри превратилось в большую грязную яму и богатый рассадник москитов, так как работа не удалась и была прекращена. Когда рыли погреб под новым домом, то на глубине семи футов там все еще была хорошая жирная глина. Ананасное деревцо какого-то оригинального сорта, принесенное мистером Карразерсом, начало плодоносить. Оно гнется до земли под тяжестью огромного ярко-красного ананаса, выглядывающего из щетины молодых ростков. Генри уверяет, что плод будет несъедобен, но вид у него восхитительный. Я уже получила с огорода порядочно спелых помидоров и немного фасоли. Лучше всех чувствует себя сорт с длинными стручками. Сегодня я со всеми предосторожностями высадила в грунт один из моих драгоценных корешков ревеня; артишоки, которые вначале хорошо принялись, вдруг все разом засохли и погибли. На лук я не могу рассчитывать. Он роскошно всходит, а потом совершенно исчезает в течение одной ночи. Мне кажется, его поедает какое-то насекомое. Как только появится выводок цыплят, попробую поместить домик наседки на огороде и погляжу, что получится. Работники принесли сегодня две большие железные бочки для дождевой воды. Высокое дерево, нависшее над нашим теперешним домом, роняет листья на крышу и этим портит воду. Пауль изобрел действительно вкусное блюдо: нечто вроде торта из ямса, приправленного мускатным орехом.

Моя спальня представляет довольно странное зрелище. Когда я дважды застаю какой-нибудь предмет валяющимся в нижней комнате, я велю принести его сюда, так что его уже нельзя взять без моего ведома. Поэтому среди платьев висят уздечки, ремни, коновязи. На сундуке из камфарного дерева, который служит мне туалетным столиком, рядом с расческой и зубной щеткой расположился набор инструментов — стамески, клещи и т. д. Кожаные ремни и детали сбруи висят на гвоздиках на стене. Есть тут и совсем несообразные вещи, например черпак с островов Кингсвилл, длинное резное копьё, пистолет и коробки с патронами, нанизанные на нитки зубы (рыбьи, человеческие и звериные), ожерелья из ракушек, множество шляп, вееров, красивых циновок и кусков тапы, которые громоздятся кучами. Моя маленькая походная койка кажется попавшей сюда по ошибке.

Всюду, где только можно, в моей комнате висят ярусы бутылок с красным и белым вином, а также большое количество жестянок с курительным табаком. В любом другом месте эти запасы были бы под угрозой. Наконец, помимо всего этого в одном из углов помещаются мольберт и два фотоаппарата. В самом деле, труднее было бы сказать, чего нет в этом маленьком переполненном помещении. В прошлый приезд к нам мистера Мурса дверь в комнату была открыта, и я заметила, что он в изумлении уставился на странное смешение предметов, выставленных таким образом на обозрение. На лице его было написано «И это называется спальней дамы!»

Фэнни. 15 февраля

Дней десять назад совершенно неожиданно появился Ллойд с мистером Кингом *note 68*. По пути в Сидней «Любек» получил повреждение и встал на ремонт, а вместо него сюда послали другое судно. Они привезли с собой тонны всякого добра, но большей частью не то, что нужно. В моем списке значилось: две черные свиньи, одну из них для мистера Мурса. И вот я получаю две поперечные пилы, ни одной из которых мистер Мурс, разумеется, не принимает. *note 69* Множество вещей они сочли за благо продублировать. Так, среди прочего

Note68

Острова Кингсвилл — южная группа атоллов в архипелаге Гилберта.

Note69

у меня теперь два приспособления для натяжки колючей проволоки. Такая штука живет вечно, а пользоваться двумя сразу невозможно. Мистера Кинга я тут же поставила делать ограду вокруг свиного загона. Он сокрушался, что не имеет инструментального ящика, и я пообещала ему этот ящик в награду после окончания работы. Вблизи сада я иногда слышу странный подземный рокот. Это могут быть признаки вулканической деятельности. Не так давно как раз в полночь я почувствовала очень сильный подземный толчок, и еще раньше как-то днем был толчок, сопровождавшийся долгим рокочущим звуком вроде продолжительного раската грома. Много раз в саду, хотя костров не жгли, я чувствовала запах дыма и серных испарений — какой-то химический запах.

Генри принес старую фотографию своего отца, чтобы посоветоваться, можно ли сделать с нее увеличенную копию. У отца некрасивое, но умное лицо, похожее на лицо Генри, и очень смешной наряд. На нем, по видимому, белая лавалава и старомодный женский лиф на бретельках, надетый поверх шемизетки, воротник которой заколот золотой брошью. Комично выглядят вытачки, рассчитанные на бюст. Венок на его голове раскрашен фотографом, а брошь тщательно позолочена.

Пришлось учинить суд над женой Лафаэле. Проку от нее не было ни малейшего, а тут Генри заподозрил, что она таскает сахар и сухари.

Приходила очень симпатичная старушка от Лишера и просилась на должность прислуги. Я ухватилась за это предложение, но Лишер не может отпустить ее. У нее манеры театральной графини и необыкновенно живое и выразительное лицо. Она жаловалась на голод и прижимала руки к желудку, показывая, что там всегда пусто. На их участке нет ничего, кроме травы, сказала она, ее оставили там одну без всяких продуктов; обо всем этом я слышала и раньше.

«Погляди! — восклицала она. — Живот совсем нет, тожесамо, как буллимакау!» Жаль, что я не могла сфотографировать ее в этот момент. Она широко раскинула руки с растопыренными пальцами, выпучила глаза и расслабила челюсти, так что рот раскрылся и нижняя губа отвисла, как у покойника. Она присидела так несколько мгновений, не шевелясь, точно окаменев от ужаса собственного положения.

Позавчера она пришла ко мне в сопровождении своей сестры, когда я занималась прополкой. Обе сразу включились в работу, и старушка не разгибалась до самого обеда. Часом раньше сестра сбежала под каким-то незначительным предлогом, а до этого, едва она останавливалась передохнуть, как старушка заставляла ее опять браться за дело.

Мистер Хэй, несмотря на торжественное обещание Льюису не использовать лошадей для перевозки собственных грузов, делает это всякий раз, когда прибывает пароход. Мне известно также, что в Апии он целый день развозил на них товары с парохода по немецким лавкам, солгав мне, что подковывал лошадей. Перед прибытием парохода он объезжает все места, где сделал закупки, и, собрав товар, заставляет наших бедных «вождей» тащить груз в Апию. Однажды я видела, как он тайком переправлял от Шмидта ящики примерно с тысячью апельсинов. Думаю подождать еще несколько дней и отказаться от услуг этого «честного» фермера. В субботу прибывает «Уэрриор», следовательно, в пятницу «джентльмен» начнет стаскивать сюда продукты, закупкой которых он сейчас занят. В четверг вечером я хочу объявить ему расчет, так что он останется при всех своих товарах, не имея возможности их вывезти.

Ллойд захватил из Сиднея от Стронгов нескольких представителей их кошачьего семейства. В пути погиб один котенок, раздавленный во время бури, а кошечка, по имени Мод, удрала, но капитан думает, что она все еще на корабле. Он попытается поймать ее и пришлет со следующим рейсом «Любека». Итак, прибыли только двое: Матушка и Генри. Наш собственный кот Патч вырос здесь один без всякого кошачьего общества. Я считала, что он обрадуется компании, но он крайне негостеприимен и держит Матушку и Генри в постоянном страхе.

Пришел Лафаэле и рассказал о серьезном оскорблении, нанесенном ему американским матросом. Мистер Уиллис, наш консультант по плотницкой части, и Ллойд пошли с ним подать жалобу американскому консулу.

Мистер Кинг, питающий явное пристрастие к спиртному, испробовал все способы добиться желаемого. Так, прошлой ночью у него вдруг сделался приступ острых болей в желудке. Но получил он, к своему разочарованию, только несколько капель опия. Не знаю, где тут правда, во всяком случае сегодня он решительно отказался ограничиться небольшой порцией зеленых бобов и прямо с ужасом отшатнулся от предложенной ему дозы слабительного. Он никак не расстанется с необоснованной уверенностью, что бутылка бренди всегда должна стоять наготове для каждого, кто захочет к ней приложиться. Но, как выражается Генри, это благородный дом, а не портовая лавка. Видно, наш юный друг еще требует хорошей школы. Пока что все его хлопоты только о том, чтобы как следует подготовиться к работе. Он с большой охотой заказывает для этой цели все виды дорогостоящих инструментов. Боюсь, что, наняв его, мы совершили ошибку. Но поскольку прежде мы так дружно были разочарованы столь милым нам теперь Генри, я пока воздержусь от окончательного суждения. Кинг предлагает, чтобы я послала деньги его кухне на «обмундирование» и дорогу. И, когда та приедет, они поженятся. По его заверениям, она будет очень полезна здесь в качестве компаньонки миссис Стивенсон, само собой разумеется при условии, что ей не придется выполнять лакейских обязанностей.

Я рассчитываю, что сама заменю миссис Стивенсон компаньонку в той мере, в какой ей это понадобится. Не знаю также, о каких лакейских обязанностях может идти речь в таком доме, как наш. Я сама почистила сегодня свои ботинки, поскольку прекрасно справляюсь с этой задачей и рада убавить Паулю хоть немного работы. Я готова чистить обувь для любого человека в этом доме, если сам он не имеет на это времени, а ботинки необходимо почистить. Тропический лес не место для аристократических компаньенок. По крайней мере я не представляю себе, что у меня нашлись бы средства на то, чтобы выписать такую особу. Ну, а мистер Кинг может доставить сюда хоть целый придворный штат — на собственные деньги.

В Сиднее Льюис слег с лихорадкой, и за ним ухаживала его мать. Когда он немного оправился, они приплыли на «Любеке» на Самоа. Старшая миссис Стивенсон впервые увидела Уполу, Апию и Ваилиму в самом начале марта. Она застала Фэнни в прекрасном виде и, как всегда, занятой садово-огородными работами. Распорядок дня в Ваилиме поразил ее своей примитивностью: завтрак в 6 часов утра, второй завтрак — в 11, обед — в 5.30 дня. Около 9 часов вечера Льюис съедл сухарик и, выпив немного разбавленного водой виски, ложился спать. Она чувствовала себя в Ваилиме неуютно во многих отношениях, поэтому было решено, что она вернется в Сидней и переждет, пока условия существования в Ваилиме улучшатся. Тем временем Льюис быстро поправился.

Льюис. 19 марта

Еще до восхода солнца, в 5.45 или 5.50, Пауль приносит мне чай, хлеб и пару яиц и примерно в 6 я уже за работой. Пишу в постели. Постель состоит из одних циновок, никаких матрацев, простынь и прочей мерзости — только циновки, подушка, одеяло, так я работаю часа три. Нынче утром на часах было 9.05, когда я отправился на берег ручья продолжать расчистку и трудился, умащая землю лучшим из удобрений — человеческим потом, — до 10.30, пока с веранды не прогудела раковина. Следующая еда у нас в одиннадцать. Около половины двенадцатого я попытался (в виде исключения) снова писать, но ничего не вышло, так что в час я опять был на пути к своему участку и проработал там без отдыха до трех. Наша следующая еда в половине шестого, и в промежутке я читал «Письма» Флобера. Поел, и мы с Фэнни — она из-за насморка, а я по причине усталости — забрались в мою берлогу в недостроенном доме, где я сейчас пишу тебе под аккомпанемент плотничьих голосов и при

свете — прошу прощения, в сумраке трех дрянных свечей, пробивающемся сквозь мою москитную сетку. А так как в деле участвуют еще плохие чернила, я пишу совсем вслепую и могу только надеяться, что тебе будет дано прочесть то, что я пишу, но чего сам не вижу.

Выше я говорил об усталости. Это слишком мягкое выражение. Спина ноет хуже большого зуба. А когда лягу спать, я знаю — для нас с Фэнни это уже привычно, — что, закрыв глаза, увижу бесконечное живое море трав и сорняков, причем каждое растение четко и во всех подробностях. Так что, хотя тело мое находится в бездействии, я буду еще часами продолжать умственную часть работы, отделяя ядовитые растения от полезных. И во сне я буду тащить из земли упрямцев, терпеть ожоги крапивы, уколы шипов на цитронах *note 70*, яростные укусы муравьев и несносное, раздражающее противодействие тины и ила, увертки скользких корней, мертвую тяжесть зноя, внезапные порывы ветра, невольный испуг от птичьих криков в соседнем лесу, напоминающих зов или смех или сигнальные свистки, — и буду заново переживать все дела прошедшего дня.

Хотя пишу я мало, время прополки я провожу в постоянной мысленной беседе и переписке. Еще не успев выдернуть сорняк, я уже сочиняю фразу, сообщающую тебе об этом событии. Она не превращается в написанную (*autant en emportent les vents*) *note 71*, но намерение существует, а для меня в некотором роде — и общение. Сегодня, например, у нас с тобой произошел серьезный разговор. Я работал как вол, и от жары, наступившей после ливня, пот так и капал с кончика моего носа. Тут ты как будто спросил, счастлив ли я, по-честному? Счастлив? (Это уже я сказал.) Я чувствовал себя счастливым только однажды: это было в Йере *note 72* и кончилось от разных причин — упадка здоровья, перемены места, большего достатка, из-за возраста, крадущегося по пятам. С той поры, так же как и до нее, я не знал и не знаю, что это такое. Но мне по-прежнему знакома радость. Радость, имеющая тысячу лиц, из которых ни одно не совершенно, говорящая на тысяче языков, и каждый из них ломаный, протягивающая тысячу рук, но все с царапающими ногтями. На первое место я ставлю удовольствие расчищать лес в одиночестве над говорливой водой, среди высоких деревьев, молчание которых нарушают лишь бесцеремонные крики птиц. Перебирая события моей жизни, глядя вперед и назад, поворачивая все и так и эдак, я — хоть и очень был бы не прочь перемениться сам — не стал бы ничего менять в теперешних обстоятельствах, разве только если бы от этого зависело твое появление здесь.

Фэнни. 28 марта

Давно я ничего не записывала в дневник, а произошло за это время немало. Во-первых, у нас был, по выражению одних, крепкий ветер, по мнению других, ураган. Здесь, наверху, он дул с большой силой. В течение нескольких дней шквал следовал за шквалом без перерыва. Однажды после полудня барометр (я взяла его взаймы у мистера Мурса, чтобы было пострашнее) упал очень низко, а ветер все нарастал. Я решила, что благоразумнее приготовить к худшему: переправила в конюшню постельные принадлежности, свечи и т. д. и натянула там москитные сетки. К несчастью, в этих хлопотах я наступила босиком на гвоздь, который глубоко врезался в подошву. Я заковыляла к дому, чувствуя невыносимую

Note70

Цитрон (*Citrus medica*) — вид цитрусов с крупными плодами, по вкусу и запаху отчасти напоминающими лимон.

Note71

А уж их унесло ветром (франц.) — Прим. пер.

Note72

Йер — курортный городок на юге Франции. Льюис и Фэнни прожили тут полтора года (1883 — 1884). Двухэтажный дом, который они снимали, сохранился до наших дней. На нем укреплена мемориальная доска, воспроизводящая эти слова Льюиса.

боль. У Ллойда оказалось немного кокаина — крошечный пузырек. Приложила кокаин к ранке, боль стала немного глуше, но и только. Ветер усиливался с каждой минутой, дождь лил потоками. Жалкое состояние сидеть беспомощной, когда в любой момент может возникнуть необходимость спастись бегством. Дом раскачивался и скрипел самым угрожающим образом. При одном порыве ветра он накренился так сильно, что, казалось, ему пришел конец.

— Ллойд, я не могу больше! — закричала я. — Тебе придется отнести меня в конюшню.

Было уже темно, хотя и не очень поздно. Ллойд протащил меня половину пути и вынужден был передохнуть. Он опустил меня в лужу, и я стояла, как журавль, на одной ноге, пока Ллойд собирался с силами. До сих пор он нес меня на руках, как младенца, что было нелегкой задачей, учитывая темноту и ненадежность тропинки. Поэтому он предложил нести теперь на спине и наклонился, чтобы я могла забраться. Я старалась следовать его инструкциям и, как мне казалось, действовала толково, но он сразу завопил: «Господи, я не ожидал, что ты обрушишься на меня таким образом!» Несколько ужасных секунд мы шатались, стараясь сохранить равновесие, близкие к тому, чтобы кувырнуться в грязь.

Добравшись до конюшни, мы обнаружили, что дверь заперта, а ключ мистер Кинг унес с собой в беседку. И я осталась у порога, дрожа от холода и захлебываясь от дождя. Со всех сторон слышался скрип деревьев. Одно качнулось так близко надо мной, что я в страхе отползла на четвереньках по грязи к более защищенному входу. Казалось, прошло бесконечно долгое время, пока явился Ллойд с ключом и фонарем.

В первую ночь я спала в каморке, где хранится сбруя, но дождь заливал туда, так что скоро вся она была полна воды. В следующую ночь я перешла непосредственно в конюшню к Ллойд и мистеру Кингу и заняла одно стойло. Пауль наотрез отказался покинуть дом. «Если что-нибудь случится, — сказал он, — я должен быть на месте». И он до тех пор насмехался над несчастным, серым от страха Лафаэлем, пока тот тоже не согласился остаться на опасном посту. Однако нельзя сказать, что поведение его было особенно героическим: он беспрестанно распространялся о своих страхах.

«Очень много страшно, — жаловался он, — сон нет, ничего делать нет, очень много страшно. Всегда холод — вот так». И он содрогался, чтобы показать, насколько его нервы в плену этих страхов.

В течение нескольких дней мы жили в конюшне, непрерывно выметая оттуда воду, спали в сырых постелях, и, что было самое нестерпимое, нас поедом ели москиты. Когда после долгих дней этого жалкого существования буря наконец утихла и я кое-как доковыляла до дома, обнаружилось, что внутри все намокло и покрыто плесенью, а сам дом сильно накренился. Горестнее всего было, что ужасно поранился белый конь. Когда я видела лошадей в последний раз, они метались, словно безумные, скакали, брыкались и становились на дыбы. По-видимому, ветер сорвал тяжелую ветку, и, падая, она одновременно задела проволоку и нашего бедного «вождя». В панике конь запутался в проволоке и потом выдирался оттуда.

Прошли целые сутки, прежде чем явился мистер Хэй, а сами мы не знали, что делать. Пауль, полумертвый от усталости, отправился спать, но мысль о раненой лошади мешала ему уснуть. В конце концов он встал, оделся и пришел ко мне за советом. Я приготовила кровоостанавливающее, и Пауль сделал перевязку. К тому времени как пришел Хэй, рана уже сильно воспалилась.

Вскоре после бури прибыл «Любек» с Льюисом, который совсем разболелся, и его мать, приехавшая ухаживать за ним. Совершенно ясно, что он должен жить в Южных морях, никакой другой климат ему не подходит. Миссис Стивенсон привезла с собой собственную софу, что явно говорило о ее намерении остаться здесь. Однако теснота, постоянные дожди и отсутствие всяких удобств оказались для нее невыносимыми, так что она пробыла лишь до отплытия «Любека». Она так сосредоточилась на мысли об отъезде, что, когда я случайно разбудила ее как-то ночью, бедняжка села в постели и потребовала

свою лошадь. Мне очень обидно, что она познакомилась с усадьбой в таком «сыром» состоянии. Когда она приедет вторично, все будет по-другому, потому что дом почти готов и мебель уже в пути.

Фэнни. 2 апреля

Наша семья выросла на одного, а может быть, и на двух человек. Эмма — рослая самоанка угрюмого вида, рекомендованная Меланой, — помогает Паулю на кухне и, если все пойдет ладно, должна стать нашей прачкой. Второй — маленький седой малаец, которого я зову Мэтом. Он появился на днях у дверей кухни и, расплываясь в искательных улыбках, попросил работы любого сорта.

— Сколько же ты хочешь получать? — спросила я.

— Сколько дашь, — ответил он. — У меня нет папа, нет мама, ты тожесамо, как мама.

Кажется, я «тожесамо, как мама», довольно многим людям.

Эмма была одновременно смущена и шокирована, когда я затронула вопрос об оплате, но в то же время потихоньку справлялась у Пауля, сколько, по его мнению, она получит. Я посоветовалась в городе, и мне сказали: восемь долларов в месяц ей и столько же Мэту.

У одного из плотников позавчера был приступ фи фи *note 73*. Странно, что еще ни один врач не занялся болезнью, столь распространенной в Южных морях, и, как я думаю, в большинстве тропических областей. Много лет назад в Индиане *note 74* я знала одну старушку со слоновой болезнью ноги. Это явно связано с малярией, и в то же время я не встречала случая, который не начинался бы с ранки на ноге или ступне. Плотник принял дозу ипсомовой соли вчера вечером и сейчас сказал мне, что благодаря этому чувствует себя значительно лучше. У заболевших обычно раз в несколько месяцев повторяются приступы лихорадки, во время которых пораженное место распухает. Опухоль уже не спадает, а только увеличивается с каждым новым приступом. Я, кажется, напишу об этом в «Ланцет» *note 75*.

Миссис Стивенсон прислала мне с последним пароходом американских орехов и сухих фиников. Я хочу попытаться вырастить из них деревья. В соответствии с инструкцией Кью Гарденс *note 76* я разбила скорлупу и достала зерно целиком. Эмма делает из листьев кокосовой пальмы корзиночки, куда мы посадим зерна, как это практикуется с семенами какао. Потом их высаживают в землю вместе с корзиночкой, чтобы не повредить корней.

Огород мой в плачевном состоянии из-за сорняков, но в некоторых местах мне удалось поддержать порядок. Там сидят большие зеленые перцы все в плодах, немного длиннотручковой фасоли, несколько кустиков помидоров, растут баклажаны, а также два корешка сельдерея (достаточно на заправку супа), да еще спаржа, которая, по-видимому,

Note73

Фи фи, филяриозы (филяридозы) — глистные заболевания человека, вызываемые филяриями — нитевидными червями, паразитирующими в лимфатических сосудах и узлах, подкожной клетчатке, полостях тела. Филяриозы часто осложняются слоновой болезнью (элефантиазом), проявляющейся в стойком обезображивающем увеличении частей тела, преимущественно нижних конечностей.

Note74

Индиана — штат США. В столице этого штата городе Индианаполисе Фэнни родилась, провела детство и юность и вышла замуж за Сэма Осборна.

Note75

«Ланцет» — ведущий английский медицинский журнал, выходящий с 1823 г. Любовь к медицине, к «медицинской самодеятельности» была одной из слабостей Фэнни. Она выписывала «Ланцет» и охотно лечила окружающих, включая Льюиса, иногда вопреки указаниям врачей.

Note76

Королевский ботанический сад в графстве Кью в Англии (в шести милях от Лондона), имеющий филиалы в Гонолулу, Брисбене, Флориде и т. д., с которыми Фэнни вела переписку.

чувствует себя прекрасно. Посаженные некоторое время назад груши авокадо процветают, так же, как и все кокосовые пальмы.

Лафаэле сообщил нам интересные сведения об управлении его родным островом Фатуна *note 77*. (Я забыла название и только что спросила его у Лафаэля. Туземная вежливость не позволила ему прямо ответить: «Фатуна». А вдруг я считаю иначе? «Остров зови Фатуна, я думай», — сказал он.) На этом хорошо управляемом острове каждый под страхом наказания обязан иметь пятьдесят свиней, определенное число птицы и собрать за сезон установленное количество таро, бананов на корм свиньям и кокосовых орехов. В сезон посадок каждый должен посадить то, что установлено законом, и в определенном количестве. Посягательство на чужие поля наказывается очень строго, так же как воровство и — что особенно мудро — нарушение договора. В Фатуне за нарушение договора человек платит пять долларов, а в случае неуплаты виновный обязан отработать на короля.

Наше здешнее правительство очень неповоротливо; вожди Маноно *note 78* ведут себя вызывающе. Они явились вручать подарки главному судье все тщательно разубранные в сопровождении не менее трех тысяч человек. Говорят, на Самоа никогда еще не видели такой красивой процессии. Но их ораторы держали обидные речи и называли королем Матаафу. Главный судья попытался пресечь эти бунтарские выступления, но не мог заставить их замолчать, и дело кончилось тем, что Малиетоа и главный судья удалились, а ораторы продолжали говорить. Мне кажется, следовало действовать более решительно.

Ллойд и Льюис вместе с мистером Сьюэлом отправились на остров Тутуила и собираются совершить мелангу по острову. До этой минуты мне не приходило в голову, что они должны были бы захватить подарки.

С последним рейсом «Уэрриора» я отправила в Новую Зеландию заказ на джерсейскую корову. Шмидты собираются вот-вот продать свой участок, так что мы останемся без молока, если не заведем собственную корову.

Фэнни. 8 апреля

Вчера был день рождения Ллойда. Получила письмо, что они с Льюисом будут отсутствовать еще три недели. Большую часть дня потратила на поездку в Апию, чтобы испытать новую лошадь. Оказалось, что ей лет четырнадцать и у нее не в порядке коленные суставы; словом, лошадь того сорта, который считается подходящим для женской езды. Я отослала ее сегодня назад. Наняла плотника, по фамилии Скелтон, на поденную работу — перенести маленький дом, расширить его и вообще сделать более пригодным для жилья. Кроме того, я хочу, чтобы он построил кухню с помещением для Пауля. Мистер Кинг, который в данный момент занят покраской павильона, и Лафаэле будут помогать ему. Новый дом почти готов. Один из тюремных надзирателей-немцев приходил ко мне проситься на работу на плантации. Он предлагал сажать несимпатичный мне хлопок. Но в мои планы, в которые я его не посвятила, это не входит. Я задумала делать духи из муссаои и иланг-иланга *note 79*. Мистер Скелтон рассказывает, что в лесу есть дерево, из которого сочится душистая

Note77

Фатуна (правильнее — Фугуна) — полинезийский остров, расположенный к западу от Самоа. В середине XIX в. жители Фугуны были обращены в христианство французскими католическими миссионерами. В 1888 г. остров был аннексирован Францией и его фактическим правителем стал французский резидент. Он диктовал законы и смещал местных верховных вождей, неправильно называемых королями. Порядки, о которых рассказал Лафаэле, отражают эти перемены.

Note78

Небольшой остров Маноно расположен между Уполу и Савайи — двумя основными островами самоанского архипелага. Вожди Маноно пользовались значительным влиянием на всем архипелаге.

Note79

Иланг-иланг (*Cananga odorata*) — то же, что муссаои (правильнее — моссоои). Из белых цветов этого

смола. Хочу поглядеть, может быть, и с этим удастся что-то предпринять.

Спаржа отлично растет. Хочу сделать еще грядку, потому что рассады у меня много. Мы с мистером Кингом попробовали верхушки так называемой дикой кокосовой пальмы. Вкус приятный, из нее должен получиться неплохой салат. Генри сажает ямс, или джямс, как его называет Пауль, зато джем он зовет йемом.

Когда Ллойд приехал, вначале его очень смешил вид Пауля, прислуживающего за столом. Маленький толстый немец, лысоватый, босой, в расстегнутой на груди фланелевой рубашке и обтрепанных, совсем просиженных на заду брюках, поддерживаемых кожаным ремешком, за который заткнут нож в футляре. От него то и дело можно услышать самым любезным тоном: «Ей-богу, мясо жесткое». Уверена, что он понимает «ей-богу» как французское «мондье», *note 80* так же как это было с Валентиной *note 81*, моей бывшей служанкой-французенкой, в первое время по приезде в Англию.

Я только что начала книгу Стэнли *note 82* и поражена многими сходными чертами у описываемых им народностей с жителями тихоокеанских островов. Одна из них, о которой я сейчас вспомнила, — это манера украшать себя рубцами *note 83*. Он пишет также об употреблении в пищу гусениц и жуков. Однажды Генри принес мне огромную, отвратительного вида гусеницу, которая, по его словам, очень ценится самоанцами. Как-то вечером на книгу, которую я читала, внезапно упал жук длиной не меньше двух дюймов. Лафаэле вскочил и схватил его с криком: «Кусайся! Он кусайся!» У этого существа была пара грозных клешней, которыми он вцепился в скатерть, почувствовав руку Лафаэле, и отодрать его было не так-то просто. Я понимала, что такое насекомое лучше уничтожить, но меня смущала мысль о способе казни — уж слишком большой был жук. Лафаэле предложил отрезать ему голову и привел это в исполнение столовым ножом.

— Самоанцы это кушай очень много, — сказал он.

— А ты?

— Нет, нет, — ответил Лафаэле, сообразуя ответ с гримасой отвращения на моем лице.

Я все же заметила, что, прежде чем вынести жука, он тщательно отделил конечности и крылья при свете лампы и потом задержался на веранде как раз столько времени, сколько требовалось, чтобы съесть жука.

В Ваилиме распространилась паника по поводу злых духов, или чертей, как их зовут самоанцы. По-видимому, их главное обиталище — конюшня. В самом деле, ночью во время бури я слышала оттуда очень странные звуки, а утром еще до рассвета меня разбудил запах супа из консервированной лососины. Был и сильный шум, раздававшийся как будто у нас под ногами, вроде лошадиного топота и перекачивания больших камней. Сначала я думала,

тропического дерева перегонкой извлекают эфирные масла, используемые в парфюмерии.

Note80

«Mon Dieu» соответствует восклицанию «ах, боже мой», тогда как английское «by God» — грубая божба. — Прим. пер.

Note81

Валентина Рош прожила в семье Стивенсонов около шести лет (1883 — 1889). Фэнни и Льюис ее очень любили и считали как бы членом семьи.

Note82

Генри Мортон Стэнли (настоящее имя и фамилия — Джон Роулэндс, 1841 — 1904) — известный путешественник по Тропической Африке, активно способствовавший ее захвату европейскими державами. Фэнни имеет в виду книгу: Н. М. Stanley . In darkest Africa . New York, 1890 (в русском переводе — Г. М. Стэнли. В джунглях Африки. М., 1948).

Note83

Надрезы на коже — один из наиболее распространенных видов физических испытаний, входящих в посвятительные обряды (инициации). Этими обрядами у первобытных народов сопровождался переход юноши в возрастную группу взрослых мужчин.

что это шум подземного потока, но лосось направил мои мысли в другую сторону: шум могли производить чернокожие, прятавшиеся в пещере как раз под конюшной. Еще давно мистер Карразерс говорил мне, что подозревает существование пещеры вблизи конюшни. Кинг и Лафаэле спали там некоторое время, но потом Лафаэле со страху сбежал, а Кинг тоже стал слегка нервничать. Прошлой ночью Скелтон разделил с Кингом его квартиру. Теперь Пауль пришел с рассказом, будто они оба слышали ночью ужасные звуки: разговоры, смех и женский визг. Эмма жалуется, что кухня не лучше конюшни, даже хуже, потому что черти являются к ней открыто. Каждую ночь примерно в четыре часа к ней приходит женщина с двумя детьми, требует папиросу и потом трое непрошенных гостей укладываются рядом с Эммой и, очевидно, засыпают. Она говорит, что слишком много людей было убито в этом месте, слишком много голов отрезано и поэтому черти здесь кишмя кишат.

Фэнни. 12 апреля

Мистер Скелтон, который прожил здесь тридцать лет, рассказывает, что некогда на этой земле были два вождя. От сына одного из них он и узнал следующую историю. Оба вождя были людоедами и при каждом удобном случае ловили людей друг у друга, чтобы убить их и съесть *note 84*. Вождь, который жил на горе Ваа (отец рассказчика), имел обыкновение протягивать веревку поперек тропинки, ведущей на гору, и всякого, кто подходил к этой веревке, требовал себе на стол. Однако в старости его охватило раскаяние, и он поклялся больше не убивать людей, а вместо этого заставлял их делать дорогу, которая должна была пересечь весь остров. Это и есть дорога, проходящая близ нашего дома. Раскаявшийся вождь умер, прежде чем она была закончена, и дорога так и осталась в том же виде, как при нем. А души его жертв, не похороненных как следует, бродят вокруг и по сей день. Эмма утверждает, что мужчина и женщина были убиты по приказанию вождя на том самом месте, где стоит малый дом, и как раз эта женщина и ее дети, вероятно, и являются по ночам в виде духов.

Я дочитала книгу Стэнли. Он описывает те же деревья, какие растут у нас здесь. Одно из них с очень твердой желтой древесиной лежит сейчас срубленное перед домом. Мне было искренне жаль расставаться с этим деревом, обладавшим таким величественным ростом и симметричной кроной, но все говорили, что оно ненадежно. Муравьи, белые и черные, обитают и здесь, но я нахожу, что слабый раствор карболки излечивает от их укусов, даже от укусов огненных муравьев.

У меня было пять таких неприятных язв, о которых пишет Стэнли. И вот я думаю, не пригодилось ли бы Стэнли мое средство? Болячки были очень мучительные и распространялись с большой быстротой. Я попробовала карболовую примочку, потом карболовое масло и карболовое мыло, но язвы становились все хуже и хуже. Тут я вспомнила, что вылечила лошадь от очень упорных болячек при помощи каломели *note 85*. Но если лошади помогло, почему не испробовать на человеке? Я втирала каломель в язвы дважды, и уже с первого раза они начали заживать, а после второго я больше не нуждалась ни в каком лечении.

К счастью, здесь, кажется, совсем нет мух, так что с этим злом нам не приходится бороться, но москиты — форменный бич. Писать удастся, только пока жжешь буак. Я пользуюсь для этого хорошенькой маленькой курильницей, купленной в китайской лавке.

Note84

В прошлом на Самоа и некоторых других архипелагах Океании (например, на Фиджи и Маркизских островах) встречалось людоедство. В XIX в. каннибализм у самоанцев уже ушел в прошлое.

Note85

Каломель — хлористая ртуть, белый порошок, часто применявшийся в прошлом столетии в качестве мочегонного, желчегонного, слабительного и дезинфицирующего средства, а наружно — как присыпка при кожных заболеваниях.

При этом способе даже малые дозы порошка имеют эффект. Когда у меня не было курильницы, я обычно наполняла тарелку песком, делала в нем пальцем борозду в виде спирали, насыпала туда порошок и поджигала с одного конца. По сравнению с курильницей это было весьма неудобно и неэкономно.

Только что приехали мистер Карразерс и мистер Мурс. По их мнению, я плохо выгляжу, и они советуют мне съездить в Сидней переменить обстановку. Я уже давно чувствую себя нездоровой, но не думаю, чтобы перемена места могла мне помочь.

Льюис. Суббота, 18 апреля

Вернулся в понедельник ночью, проведя двадцать три часа в лодке под открытым небом. Ключи от кладовой консула, обещавшего нам бутылку бургундского, потерялись, но хозяин благородно взломал дверь. Спать улеглись около полуночи. Тот же благословенный консул посулил нам на завтра с рассветом лошадей, но забыл об этом, добрая душа. В конце концов он отправил нас днем в самую жару и кратчайшим путем, который доставил нам нескончаемые мучения. Домой попали только к обеду. Я был изнурен до последней степени, и с тех пор у меня сильный жар, иначе я написал бы раньше. Сегодня вот отважился в первый раз. Во вторник я был совсем плох, в среду у меня был такой жар, что, наверное, убил бы лошадь, в четверг полегчало, но я еще ничего не мог делать и вынужден был читать кошмарную ерунду. Вот в таких случаях ощущаешь оторванность от цивилизации. Очень хочется послать за парочкой детективов. Что-нибудь вроде Монтепена *note 86* как раз подошло бы моим замерзшим мозгам. Страшно утомляет, когда все мысли так или иначе вертятся вокруг работы. Вчера я был не в состоянии даже думать и для развлечения сочинял рецепты новых блюд.

Фэнни. 23 апреля

Вернулись Льюис с Ллойдом, один толстый и коричневый, другой (Льюис, разумеется) с сильнейшей лихорадкой. Они плыли в открытой лодке; это большой риск во всех отношениях. Я очень боялась за Льюиса, и, так как он заявил, что слишком плохо себя чувствует, чтобы вынести доктора (громогласного военного врача, по фамилии Функ), я послала вместо этого в миссию за мистером Кларком, одно присутствие которого уже благотворно. Это было несколько дней назад, а теперь ему гораздо лучше, но к вечеру по-прежнему поднимается температура. По-моему, он питает неприязнь к Функу со дня похорон капитана Хэмилтона. Там было какое-то сомнение, действительно ли Хэмилтон скончался, поэтому, прежде чем закрыть гроб, позвали врача для окончательного освидетельствования тела. Льюис уже некоторое время находился там и беседовал вполголоса с вдовой и друзьями покойного, как вдруг раздался веселый громкий голос доктора Функа. Этот джентльмен с зажженной сигарой во рту с грохотом вошел в комнату и заполнил ее своим резким голосом.

Льюис и Ллойд во время поездки останавливались на островке поблизости отсюда, который Льюис думает приобрести вместо того, что был у нас на примете. Скоро мы с ним предпримем туда мелангу. Я чувствую себя опять гораздо лучше и почти решила не ездить в Сидней.

Всплыло нечто весьма похожее на явную попытку жульничества со стороны Хэя. Ллойд пошел к Карразерсу посоветоваться на этот счет. Он, кажется, делал покупки, записывая их на мой счет, а затем продавал мне те же вещи как свои собственные. Из Сан-Франциско прибыла новая плита.

Note86

Ксавье де Монтепен (1823 — 1902) — французский писатель, автор многочисленных бульварных романов и душещипательных мелодрам.

Льюис. 29 апреля

Новость: наш старый дом уже наполовину разобран; его поставят заново на другом месте. А пока, глядя на похожий на птичью клетку оголенный каркас, мы видим сквозь него лес, стоящий позади. Мой бедный Пауло потерял отца и унаследовал кажется до тридцати тысяч талеров. Вчера ему понадобилось сходить в консульство, чтобы переслать официальные документы. Он, конечно, напился и сегодня утром все еще пребывает в столь смутном состоянии, что все наши завтраки не удались. Лафаэле отсутствует, находясь у смертного одра своей прекрасной супруги. Она была прекрасна, но не делами — потаскушка, известная среди рабочих, занятых разборкой потерпевших крушение судов *note 87*. Этому обществу она, возможно, и обязана своей кончиной: не то упала со скалы, не то была сброшена оттуда. Генри все тот же — наша опора. На этой переходной стадии нашего быта он жил в Апии, но вчера вечером остался здесь и сидел в моей комнате у камина. Впервые в жизни он видел огонь в очаге. Он не мог смотреть на него без улыбки и каждый раз рвался сам подбросить поленце. Мы занимали его сказками цивилизации — театры, Лондон, мощные улицы, университеты, метро, газеты и т. д. — и снова планировали его поездку в Сидней. Если удастся, это будет на следующее рождество.

15 мая в Ваилиму прибыла мать Льюиса, и Фэнни сбилась с ног, готовясь к ее приезду. По мнению «тетушки Мэгги», дом действительно выглядел очень мило. Снаружи он был выкрашен зеленовато-синей краской, а крыша и веранды — красной. Внутри стены были завешаны тапой. В доме были большие раздвижные двери, более чем наполовину из стекла, ведущие на веранду, откуда открывался вид на гавань. Были и американская печка, и вполне приемлемые продукты. «Тетушка Мэгги» осталась довольна и своей комнатой с видом на море, с полом, устланным мягкими и толстыми самоанскими циновками, со стенами, выкрашенными в светло-серый цвет и увешанными тапой и флагами с «Каско».

В конце мая приехали погостить дочь Фэнни с мужем и ребенком; им устроили торжественную встречу в гавани. Фэнни тем временем была занята посадкой апельсиновых деревьев, доставленных «Любеком». Когда Лафаэле пожаловался, что боится злых духов, Фэнни прибрала его к рукам при помощи ловкого фокуса. Заверив его, что ее черти сильнее всех самоанских, она приложила к закрытым глазам Лафаэле по пальцу каждой руки, затем хитро передвинула пальцы так, чтобы придерживать оба глаза пальцами только одной руки, и закончила операцию, быстро ударив его по щеке свободной рукой. Это убедило Лафаэле, и с тех пор он соглашался работать в отдаленных участках сада.

В июне Фэнни занималась изготовлением духов из цветов очень ароматного растения, называемого муссаои. Затем прибыл фарфор, и все разволновались при виде «домашних вещей» так далеко от дома. Взяли нового повара-немца, по фамилии Ратке, и Льюис, которому доставили завтрак в 4.30, запросил пощады.

Льюис. 21 июня

Я не могу завтракать в половине пятого. Я превращаюсь в лихорадящую развалину. Сейчас половина девятого, и я уже умираю с голоду, а от второго завтрака меня отделяют еще 4 часа. Черт бы побрал этого человека! Вчера завтрак появился примерно в 5.30, это приемлемо; за день до того — в 5, что уже хуже, но сегодня я просто отдаю концы. Переменчивость вроде лондонского лета, и, поскольку днем я не сплю, а если и прилягу раз в месяц, то на каких-нибудь пять минут, я вымотан до мозга костей и выгляжу старым и

Note87

В гавани Апии было несколько полузатопленных немецких и американских военных судов — жертв урагана 1889 г.

озабоченным.

Фэнни. 30 июня

После предыдущей записи дневник потерялся. За это время много всего случилось. Умер отец Пауля и оставил ему чистыми деньгами лишь небольшую сумму. Всем остальным имуществом пожизненно распоряжается мать. Пройдет еще месяца три, пока Пауль получит свое наследство, до тех пор он остается у нас, но с неопределенным заработком. Мы боимся давать ему слишком много денег, ограничивая его лишь самым необходимым, и он этим вполне доволен и работает больше, чем кто-либо другой в усадьбе. Когда он прожил все свои деньги, как раз перед смертью отца, его дружки-приятели тут же с ним рассорились, показав свое истинное лицо. Это было очень полезно для бедняги Пауля. С тех пор я больше не видела его пьяным.

Красотка — жена Лафаэле, доставлявшая ему столько забот и неприятностей, скончалась. Бедняжка. Когда она заболела, Лафаэле отправился навестить ее. По его просьбе она торжественно поклялась на Библии, что всегда была ему верной и преданной женой, призвав бога поразить ее смертельной болезнью, если она лжет. По рассказам туземцев, язык ее тут же раздулся до громадных размеров, так что перестал помещаться во рту, и она больше не произнесла ни одного осмысленного слова. Когда стало известно, что она совсем умирает, я пошла сказать Лафаэле, чтобы он поторопился, и застала его с черной накидкой от фотоаппарата в руках, которую он попросил у меня в качестве траурного облачения. Едва прошли похороны, Лафаэле объявил, что эта глава его жизни окончена и он собирается начать следующую с новой женой, которая в этот момент пряталась где-то в окрестностях. Я очень неохотно согласилась поддержать ее недельку на испытании, но за это время все мы так привязались к юному милovidному созданию, что теперь ни в коем случае не хотели бы с ней расстаться.

Сейчас здесь собралась вся наша семья. Стронги *note 88* живут в коттедже, который стал просторнее и удобнее после перестройки, едят же и проводят вечера с нами в большом доме. Джо поручен птичник, и он занимается им с большим интересом. В кухне у нас теперь новый повар-немец, некто Роберт Ратке. Пауль стал плантатором и возится с кофейными деревьями. Затем мистер Кинг (с ним сейчас все в порядке); Генри, также проводящий вечера с нами; Эмма и ее помощница Ява, приятная молодая женщина, запекала во время домашних молебнов; Гарри — выходец с коралловых островов, прежний помощник мистера Хэя; Лафаэле и его жена Фааума и, наконец, частый гость, который почти совсем прижился, но известен пока только как «ямсовый человек». По утрам мы с Льюисом теперь переживаем несколько веселых минут, когда Эмма или Ява заходят в наши комнаты, чтобы пополнить запас свежей воды и т. п. Эмма шествует с твердой осанкой человека, выполняющего свой долг, но Ява делает из этого настоящий спектакль: она высоко поднимает длинную стройную коричневую ногу и, отыскав взглядом подходящее место, легко как перышко опускает ее на пальчики, тем же медленным и изящным взмахом поднимая вторую ногу. Таким способом она передвигается в течение всей работы. При этом она почтительно сгибает спину и помогает своей кошачьей походке такими же движениями рук. На лице у нее широкая застывшая улыбка, как у акробатки. Льюиса больше всего удивляет, что, несмотря на напряжение, которого требует эта показная осторожность, она действительно двигается бесшумно.

Фэнни. 1 июля

Дом теперь полностью обставлен. Последняя деталь мебелировки — фортепьяно

Note88

Бэлла (дочь Фэнни), ее муж Джо Стронг и их сын Остин.

прибывает сегодня. Стены столовой мы завесили терракотовой с желтым тапой, оконные рамы и двери — яркие, цвета павлиньих перьев, а потолок — кремовый. Все эти краски самым приятным образом гармонируют со стульями и картинами. На двойное окно я повесила занавес из индийского газа, кремово-белый с серебром, на подкладке из мягкого оранжевого шелка и отороченный кружевом. Моя собственная комната начинает приобретать скромно-нарядный вид, который я так люблю. У Льюиса все пока еще в состоянии брожения, лишь два дня назад прибыли последние книги. Здесь задача, на мой взгляд, гораздо труднее; комната выдержана в двух оттенках голубого, с обоими у меня нет ни малейшего контакта. Я ощущаю их холодными и отталкивающими. Черный, белый и голубой всегда ставят меня в тупик; не знаю, что с ними делать. В моей комнате потолок и стены из натурального калифорнийского красного дерева, покрытого лаком. Полировка была бы красивее, но этого я не могла себе позволить. Не закрытая ковром часть пола покрашена местной краской и навощена. Мебель старинная красного дерева, кое-где отделанная медью. У меня был турецкий ковер довольно дешевый, но с длинным ворсом, по которому очень приятно ходить босиком. Постеленный на полу в окаймлении туземных циновок (прощальный подарок Тембиноки), он не нарушает общей гармонии. Оконные и дверные рамы у меня очень темного зелено-синего цвета.

У нас уже был один званый завтрак, на котором Льюис уверял, что лопается от гордости. Мэри, служанка миссис Стивенсон, приехавшая с ней из Австралии, обучила Фаауму очень мило прислуживать за столом. Для этого случая ей было выдано несколько ярдов ярко-красного ситца в качестве юбки и пара синих с красным платков вместо лифа. Платки она связала друг с другом углами, так что узелки лежали у нее на плечах, и один платок прикрывал грудь, а другой спину.

Уже несколько раз мы были на волосок от войны, но теперь она, по-видимому, идет полным ходом. Это напомнило мне, что, как только кончу писать, надо проверить наш запас патронов. Много было слухов насчет того, что всех белых перережут, и, хотя ничего подобного в действительности не ожидается, все-таки лучше подготовиться. Матаафа объявил себя королем при поддержке многих приверженцев. В последние две ночи Генри пришлось участвовать в охране Малиетоа, который боится убийства. Охрана проводит ночи в пении и танцах. Когда пришла весть о начале войны, Лафаэле немедленно разрисовал себе черной краской лицо, как воин.

— Зачем это? — спросила я. — Ведь ты не собираешься идти воевать?

Но по его заверениям, этими черными полосами на лице он вовсе не собирался заявить о каких-то политических симпатиях, а хотел лишь выразить готовность защищать «участок» и нас. Случилось так, что в тот же день пришел доктор к Льюису, и я позвала Лафаэле, у которого болел большой палец на ноге. Доктор сказал, что надо снять ноготь. И беднягу Лафаэле с грозно размалеванным лицом воина пришлось держать, пока доктор производил операцию.

Мы арендовали у Шмидтов участок на восемь лет и купили у них телку. Недавно я послала в Сидней заказ на корову с гарантированно кротким нравом — предпочтительно джерсейской породы, известной своим добродушием. Корова уже здесь. Это милое маленькое животное дает отличное молоко, но в глазах у нее адский блеск и характер, как у дьявола. У нас гостит музыкант — учитель Льюиса на флажолете, некто Уоттс. На днях эта ужасная корова преградила ему путь, и мне пришлось под страхом собственной гибели отвлекать ее внимание, пока мистер Уоттс благополучно проскочил мимо.

Фэнни. 10 июля

Военные вести продолжают приносить беспокойство. Эмма уволена за попытку взять с собой Фаауму 4 июля в Апию вопреки желанию Лафаэле и без моего разрешения. Перед ее уходом у нас была долгая беседа. Как она говорит, туземцы «больше не друг для белые люди», они собираются сжечь Апию, начиная с немецкого конца, и убить всех белых.

Решительно говорят о высылке Матаафы, что было бы ужасной ошибкой, потому что Матаафа ведет себя исключительно корректно. Помощники стараются подбить его на насилие, но он сопротивляется сколько может. Вчера в Малие был совет (фоно). Матаафа, сам заплативший налоги, просил своих людей разойтись по домам, внести налоги и жить в мире. Он почти добился успеха, и люди дали такое обещание, но изменили своему слову и остались в Малие. Когда вожди заявили, что отказываются вернуться домой, Матаафа тут же при всем народе разразился слезами. Три консула издали совместное заявление, что они, как представители трех держав, будут противостоять всяким попыткам водворить на трон Матаафу. Капитан «Шпербера» готов в случае надобности оказать помощь, и все королевское вооружение перенесено в помещение склада Макартура, деревянное строение, которое ничего не стоит пробить пулей. Льюис пожаловался мистеру Карразерсу, который считает положение белых весьма серьезным:

— Нам придется туго, если в Апии начнется восстание.

— Гораздо хуже будет нам, — возразил тот. — Вспомните о настроениях в городе.

— Но вы по крайней мере можете защищаться, — сказал Льюис, — людей у вас достаточно.

Однако мистер Карразерс отверг эту мысль. По его словам, в городе не больше десятка людей, на которых можно рассчитывать. Он уверял Льюиса, что однажды, когда было тревожное положение, но без реальной опасности, люди так торопились занять места в лодках, чтобы добраться до военного корабля, что сталкивали друг друга с пирса в море.

Стивенсон и самоанский вождь

У Лафаэле очень плохо с пальцем. Теперь он решил, что палец заколдован или что в него вселился дьявол. Сегодня он послал Фаауму за самоанским врачом, то есть, как я подозреваю, знахарем чтобы снять заклятие. Вместо Эммы Генри привел двух почтенного вида женщин из семьи священника, но они не способны стирать так, как Эмма. Они были приглашены, с тем чтобы постирать и потом вернуться домой в Апию, но одна из них, по-видимому, не прочь остаться. Что ж, пускай.

Пауль провел весь день у капитана Хуфнагеля *note 89*, добывая кофейные деревья. Среди тех, что он принес, есть очень хорошие. Капитан прислал цветы миссис Стивенсон и массу деревьев и роз для меня. Я сразу же все посадила в грунт. Он прислал также немного индийских бобов, в которых я очень нуждалась.

У кур большие выводки, хотя много цыплят погибло. Джо сразу начинает давать им известь, и это, я думаю, их убивает. Он где-то прочел, что птице необходима известь, и сделал скоропалительный вывод, что у едва вылупившихся цыплят те же вкусы и потребности, что и у старших представителей рода.

У Остина было очень скверно с ногой, но сейчас рана заживает. Увидев рану, я сперва хотела послать за доктором, но она так быстро пошла на поправку от моего лечения, что мы решили обождать. Целый день Бэлла капала на ранку, как я ей велела, теплый и очень крепкий раствор марганцовки; после чего рану посыпали сухой каломелью. Одновременно он принимал внутрь сульфид кальция.

Фэнни. 12 июля

Лафаэле послал за самоанцем, искусно лечащим раны, чтобы тот осмотрел его ногу. Я сказала, что должна присутствовать при этом, так что, когда он явился, меня позвали. Я застала «врача», важного человека средних лет, сидящим на циновке на полу прачечной, где родственницы священника занимались глажкой. Физиономия Лафаэле становилась все более и более удрученной по мере того, как его забрасывали вопросами. Я могла различить, что оба собеседника часто упоминали мое имя. Воспользовавшись паузой, я попросила Лафаэле перевести мне мнение знахаря по поводу его ноги.

— Миссис Стивенсон, мадам, — начал Лафаэле, — я говори правда.

Дело обстояло так, что, по-видимому, дьявол, подстрекаемый каким-то из самоанских недругов Лафаэле, вселился в его большой палец и теперь собирался отправиться по ноге вверх и, если его вовремя не остановить, завладеет всем телом Лафаэле.

— Какая чепуха, — сказала я, — ты ведь знаешь, Лафаэле, что ни один самоанский дьявол не может причинить вреда человеку, находящемуся под моей защитой.

Лафаэле признал справедливость моих слов и тут же обсудил их со знахарем, который сказал, что действительно в этом нет никакого сомнения, но год назад Лафаэле даже не знал о моем существовании, так же как и я о нем, и как раз в это время дьявол вошел в палец через нижний внутренний угол ногтя. Теперь отвратительное существо переменило свою позицию, переместившись в противоположный угол ногтя, и явно намерено двигаться дальше. Мне больше нечего было сказать; я только выразила надежду, что внутри Лафаэле не скрывается больше никаких чертей, а от этого одного он тоже скоро избавится. Он хотел «мак сиккар» (немецкое «зихер махен» — действовать наверняка) и предложил применить сразу оба лекарства — мое и знахаря, но я сказала, что если он верит самоанскому «врачу», пусть целиком на него и полагается. Лафаэле с большой серьезностью заверил меня, что с тех пор, как я обещала защищать его, он не боится чертей, и это совершенная правда: он не обнаруживает никаких признаков страха, кроме того, что очень громко поет, когда остается один.

Мистер Гэрт с женой и только что приехавшей к ним его сестрой приходили в гости. Скоро они станут ближайшими нашими соседями на бывшем участке Лишера. Нас это очень радует.

Сегодня пасмурно и темно, поэтому у миссис Стивенсон нет желания ехать в церковь. Ратке отпросился на вечер домой; у него предчувствие, что там что-то случилось. Отправляясь, он был бледен и весь дрожал. Только что мне пришлось еще услышать о знахаре. Бэлла вздумала посоветоваться с ним насчет ранки Остина, которая уже

Note89

Управляющий немецкой плантацией Ваилеле.

поправлялась. Теперь стало значительно хуже.

Нога Лафаэле заживает, но я приписываю это действие каломели, которую я приложила. Хуже всего, что знахарь объявил, будто весь наш участок заселен худшей разновидностью чертей, которые питают особое предубеждение против Лафаэле. Со всей расчищенной земли вокруг обоих домов они изгнаны, но Лафаэле получил предостережение не заходить в одиночку за определенные границы, иначе его ждет ужасная участь. Мне необходимо как-то показать, что я сильнее знахаря, а то мне не будет никакой пользы от Лафаэле. Жалко, что я не знаю никаких колдовских приемов. Нечего и пытаться освободить его от суеверий, подсмеиваясь над ними. С этой стороны островитяне мне слишком хорошо известны.

Сию минуту вернулся из Апии мистер Кинг. По его словам, самоанцы упорно закупают боеприпасы и группами уходят из Апии.

Фэнни. 12 августа

Эту запись я делаю в Суве, на Фиджи *note 90*. Я долго была нездорова, и, когда выяснилось, что «Уэрриор» отплывает на Фиджи, у меня не хватило энергии воспротивиться, и меня услали сюда, хотя уезжала я с тяжелым сердцем, так как Льюис, по-моему, плохо выглядит. Я здесь несколько дней и уже чувствую пользу от перемены. Я остановилась в гостинице как будто под названием «Клуб», которую содержит чета Стэрт. Нынче очень холодно, по крайней мере мне так кажется. Среди постояльцев, кроме меня, только одна особа женского пола — миссис Филлипи, приятная простая молодая женщина с крашеными волосами. Она здесь для поправки здоровья. Рядом со мной за столом сидит довольно красивый молодой брюнет, похоже, что в его жилах есть несколько капель индийской крови, но, может быть, я ошибаюсь. Он собирается подыскать мне повара-индейца, готового поехать на Самоа. Я предлагаю доллар в неделю, что, по его словам, для индейца баснословное богатство. Но хоть я и думала об этом, платить меньше нельзя, учитывая остальные оклады в Ваилиме. Это было бы недипломатично и несправедливо. Я побывала в опытных садах, но меня там мало что заинтересовало. Собираюсь пойти туда еще раз с мистером Муром, занимающим какой-то пост в Сельскохозяйственном обществе, и поглядеть, что можно почерпнуть для Ваилимы по части информации, а также рассады. Молодой брюнет рассказал мне о многих индийских растениях, которые должны прижиться на Самоа, и обещал адрес, по которому их можно выписать.

Вчера мне страшно захотелось кавы. В одной лавке я купила пакетик молотой кавы, а в другой — небольшую деревянную чашу. По поводу последней лавочница уверяла, что это настоящая мозговая чаша, которой фиджийцы пользовались, поедая мозги своих врагов. Кроме этого в лавке продается как называемая каннибальская вилка. И чаша и вилка, по-видимому, только что изготовлены. От каннибальской вилки я отказалась (когда сама соберусь есть людоедов, то как-нибудь изготовлю себе такую, если без нее никак нельзя), а мозговую чашу купила, чтобы приготовить в ней каву. В этой же лавке я нашла сито для процеживания кавы. Все мое «оборудование» обошлось в целых четыре шиллинга.

Меня забавляют безапелляционные рассуждения нашей хозяйки насчет островитян. «И наши хороши, — говорит она, — но ваши самоанцы побивают все рекорды. Нечего сказать, они, кажется, желают приравнять себя к белым! Просто тошно глядеть, как они расхаживают по улицам, нахально задрав нос!» И начинает рассказывать («Я знаю, вы не поверите», — говорит она), как на каком-то публичном собрании, на скачках или что-то в этом роде,

Note90

Сува — административный центр меланезийского архипелага Фиджи, аннексированного в 1874 г. Англией. На захваченных у аборигенов землях были созданы крупные плантации сахарного тростника. Для обработки этих плантаций колонизаторы начали в 1879 г. ввозить на Фиджи рабочих-кули из Индии.

присутствовавшие там самоанцы позанимали чуть ли не все места. «Я не сомневаюсь, что, если бы их допустили, они не постеснялись бы усесты и впереди. Ну что вы скажете насчет такого нахальства?» Я не спросила ее — с людьми такого сорта это бесполезно, — монополизировали скромные белые также все места в задних рядах или нет.

Женщина, у которой я купила мозговую чашу, успела за то время, что я провела в ее лавке, выложить мне всю свою историю. Она была замужем за плохим человеком, который бросил ее без гроша. Позже ей попало несколько адресованных ему писем, по-видимому от прежней жены и ее родичей. Они собирались приехать к нему на Фиджи. А теперь вот он выписывает к себе в Африку ее с двумя детьми (восьмерых она, слава богу, похоронила).

— Но вы, конечно, не поедете, — сказала я.

— Нет, думаю ехать, — ответила женщина. — Я слыхала от надежных людей, что он там сильно разбогател, — и добавила задумчиво, — он уже совсем старик.

Тут как раз вошел ее младший — несчастный дурачок.

Фэнни. 22 августа

Я переехала из Сувы в Левуку, гораздо более приятный и живописный город. Вслед за мной на другой день явилась и миссис Филлипи. Мы обе не могли вынести шума, который царил по ночам в гостинице в Суве. Во время пребывания там я познакомилась с мистером Муром, исключительно красивым человеком сорока девяти лет, с белой как снег бородой. Одна из его дочерей актриса. Вообще это, по-видимому, талантливая семья. Мистер Мур немного агроном и водил меня в ботанический сад, которым сейчас заведует симпатичный скромный молодой человек из Кью. Я все там осмотрела, и мне было предложено заметить те растения и деревья, которые я хотела бы повезти с собой. Я назвала множество фруктовых, ореховых и декоративных деревьев и кустарников, и, к моей радости, все это у меня будет.

Это был очень интересный день. Молодой человек из Кью посвятил меня в профессиональные тайны: если цветную капусту время от времени поливать морской водой, она способна переносить любой климат. Он рассказал мне о сорте редиски, которая в поздней стадии используется как репа. Может быть, он даст мне немного семян. В лавке один индеец поделился со мной семечками индийской дыни и объяснил, как их сажать.

Моим соседом по столу был некий Дэвидсон, молодой человек очень приятной наружности и с явной примесью индийской крови. Он пытается найти для меня индийского повара. Одного он приводил перед самым моим отъездом. Повар принес превосходную рекомендацию от прежнего хозяина, у которого прослужил шесть лет, но с последнего места в Суве он был уволен, и, прежде чем договориться с ним окончательно, я хочу узнать почему. Сандерс, капитан парохода, доставившего меня сюда (он же вез Льюиса из Нумеи *note 91* в Сидней), знает повара и хорошего мнения о нем. Он предложил повидать его последнего хозяина и написать мне сюда со всеми подробностями.

Напротив меня за столом в Суве сидел пожилой господин, по фамилии Харви, назвавшийся ученым, в чем у меня не было оснований сомневаться. Он рассказал мне, что приехал на Фатуну и провел там восемь месяцев в одиночестве, собирая материал для книги по истории острова, в особенности о китайцах, которые когда-то там поселились. Переписав рукопись, он передал ее на корабль и уничтожил черновики. Ответственным за судьбу рукописи был мистер Джордж Смит, кузен миссис Стивенсон, и с тех пор о его работе ни слуху ни духу, хотя прошло уже пять месяцев.

Не успел он рассказать мне эту историю, как в гостиницу вошло четверо или пятеро «белых» молодых людей простонародного вида и с грубыми манерами. На мою беду двое из

Note91

Нумеа — административный центр меланезийского острова Новая Каледония, захваченного в 1853 г. Францией.

них поселились в соседней с моей комнате. Ни одна из перегородок в спальнях не доходит до верху. Слышно, как человек сбрасывает с себя или натягивает простыню. В течение трех суток эти молодые люди являлись в свою комнату в полночь мертвецки пьяными. Ни бедная миссис Филлипи, моя соседка с другой стороны, ни я сама не знали покоя. На третью ночь их поведение было совсем отвратительным. Весь дом не спал из-за их рева и гогота. Я серьезно встревожилась за целостность собственной головы, когда предметы, которыми они швыряли друг в друга, начали взлетать над перегородкой. Посреди этого гама я различила, что какой-то человек пытается говорить, но ему зажимают рот. Каково же было мое изумление, когда внезапно раздался его выкрик: «Ты дождешься, Харви, я назову твое настоящее имя». Наутро мы с миссис Филлипи решили уехать. Мистер Харви приходил к ней извиняться, а передо мной не извинился. Я сделала вид, что не замечаю его. Перед отъездом миссис Филлипи другой буян — жалкий, узкогрудый, чахоточного вида паренек — тоже приходил к ней с извинениями. Посреди ночного шума мне было слышно, как его приятный мелодичный смех прервался отчаянным приступом кашля. Бедняга торопит собственную беду.

Здесьняя гостиница такая же, как в Суве, только устроена более по-домашнему, а еда хуже. Хозяин гостиницы — Робби, бывший капитан, — второй муж хозяйки, она же — простая, невежественная и добрая коротышка, обожающая цветы. Я забыла записать, что за столом в Суве напротив меня, рядом с Харви, сидел человек, по фамилии Коатс. У него неприятное выражение лица и язвительная усмешка. О чем бы ни шла речь, он ни с кем не соглашался. Однажды мистер Мур рассказал, как только что был свидетелем несчастного случая с каретой, и привел некоторые подробности.

— Это случилось на другом мосту, — заявил Коатс.

— Вы что, были там? — спросил мистер Мур.

— Нет, не был, но случилось это на другом мосту.

— Но я-то был там и знаю, где это случилось.

— Все равно на другом, — упорствовал Коатс, с обычной своей усмешкой, уставившись в тарелку глазами, похожими на вареный крыжовник.

В другой раз я рискнула поправить его насчет Абаианга, который он отнес к группе Каролинских островов. Он усмехнулся в тарелку и сказал, что ошибаюсь именно я. Тогда я, как мистер Мур, спросила: «Вы когда-нибудь останавливались на Абаианге?» Нет, он не останавливался, но все равно знает, где это находится, и опять лупоглазая ухмылка в тарелку.

— А я жила там, — сказала я, — и тогда это был один из островов Гилберта.

— Ну что ж, хоть я там и не бывал, но, между прочим, знаю, что он входит в состав Каролинского архипелага.

Пренеприятный, несноснейший человек с противным маленьким чубчиком на лбу, разделенным на два аккуратных завитка, и плешью во всю голову.

На второй день моего пребывания здесь ко мне на веранде подошел какой-то человек и сказал: «Рад познакомиться с вами, миссис Стивенсон, добро пожаловать в Левуку».

Я ответила какими-то нечленораздельными «э-э-э» и «м-м-м», как обычно в такой ситуации.

— Я счастлив, — продолжал джентльмен, гнусаво растягивая слова с ужасающим американским акцентом, — я счастлив познакомиться с женой моего знаменитого соотечественника.

— Тогда вы принимаете меня за кого-то другого, — возразила я, — разве только вы шотландец, но что-то не похоже.

О нет, он имел в виду именно этого знаменитого автора, но был удивлен известием о его шотландском происхождении.

— По-видимому, вы не читали его книг, — продолжала я, — иначе вы знали бы это.

— Не могу сказать, что читал, — сказал он весело, — думаю, что скорей всего даже не видал их. Но я тот, кто вам нужен. Я старейший житель Фиджи и могу снабдить вас любой информацией об этих островах. Я могу сообщить вам всю закулисную историю здешней

администрации.

Тщетно я силилась объяснить, что не нуждаюсь ни в каких сведениях. Стоит ему увидеть меня на балконе, как он летит ко мне с быстротой молнии и обрушивает на меня поток информации.

— Скажите вашему мужу, что этот остров просто позорное пятно на цивилизации.

— Я никак не могу этого сказать.

— Да вы только передайте от моего имени, от имени человека, прожившего на этих островах сорок лет, что администрация вся прогнила, прогнила, говорю я, — и т. д.

Справедливости ради должна отметить, что такое отношение к правительству кажется всеобщим. Я никогда не слыхала более дружного взрыва хохота, чем в ответ на мои слова, что наш главный судья, возможно, приехал сюда изучать систему правления.

— Сэр Джон Терстон *note 92* типичный выскочка, — поведал мне сегодня некий мистер Скетчли. — Мы с ним теперь в плохих отношениях, потому что я ему прямо в глаза высказал, что он невежественный, самонадеянный, лживый хвастун.

Нетрудно поверить, что отношения у них неважные. Когда вернусь в Суву, побываю в Доме правительства и попробую составить собственное мнение. Должна быть и обратная сторона медали.

Этот мистер Скетчли экспериментирует с табаком. Он собирается засадить несколько тысяч акров и, по-видимому, уверен в успехе. Оказывается, это он ввез страусов в Калифорнию. Мистер Скетчли сообщил мне массу ценных сведений насчет разведения какао и индийского каучука и рассказал также кое-что об изготовлении духов. Он производит впечатление способного, умного, очень энергичного человека, джентльмен и, я сказала бы, из того теста, из которого делались раньше рыцари удачи. Я возблагодарила судьбу, когда за ленчем обнаружилось, что он вытеснил несносного старого американца, который, сидя у меня под боком, так и норовил утопить меня в различных исторических подробностях. Бедный старик горящим взором следил за мной поверх вклинившихся между нами голов, по-видимому мучимый страшными опасениями, что я проникаюсь недостоверной информацией из уст чужестранца.

Фэнни. 23 сентября

Снова дома. В последние дни на Фиджи я сильно болела — все горло было в нарывах. Привезла с собой четыре ящика рассады — кое-что из ботанического сада, остальное собрала для меня миссис Робби из Левуки. Кроме того, я привезла повара-индийца, по имени Абдул Раззук. Тем временем Ллойд и Стронги научили готовить слугу-туземца Талоло, так что мой изысканный повар — пятое колесо у телеги. Мистер Хаггард *note 93* согласен взять его, но бедняга Абдул не хочет покидать Ваилиму, где, по его словам, совершенно счастлив, потому что остальные слуги добры к нему, а лучших хозяев нельзя и пожелать. Талоло — красивый, крепкий, всегда улыбающийся юноша, по типу напоминающий гавайца; он чуть не прыгает от радости, когда с ним заговариваешь. Приятно было увидеть, что Генри расстался с европейским костюмом и, как всякий самоанский джентльмен, носит теперь лавалава и пиджак, то есть обшитую ракушками куртку, которая надевается по вечерам.

В день моего отъезда из Сувы туда прибыл из Самоа главный судья. Я была очень огорчена этим; по-моему, как раз сейчас ему следовало бы оставаться дома. Но может быть,

Note92

Английский верховный комиссар в западной части Тихого океана, губернатор Фиджи.

Note93

Бэзетт М. Хаггард — английский представитель в земельной комиссии трех держав, созданной по решению Берлинской конференции 1889 г. Брат английского писателя Х. Райдера Хаггарда.

я не права. Он единственный человек на всем побережье *note 94*, отличающийся скрытностью, поэтому никто толком не знает, по каким делам он поехал на Фиджи. Некоторые уверяют, что он просто удрал со страху, другие — что он хочет попытаться занять у сэра Джона Терстона канонерку. Мне он сказал, что жил под постоянной угрозой убийства, но не предпринял никаких шагов для собственной охраны. Он рассказал также о том, как в Апию была вызвана на суд большая группа самоанцев по обвинению в мятежных действиях (я так предполагаю, сам-то он не назвал мотива). На первый взгляд они казались небооруженными, если не считать жезлов. Но потом обнаружилось, что у каждого под лавалава спрятан топорик. Тогда потребовали, чтобы они сдали оружие, и пятерых вождей высшего ранга подвергли суду.

Их приговорили к нескольким месяцам тюрьмы. Главный судья говорит, что это было очень драматическое зрелище, когда все пятеро разом подняли жезлы и метнули их в сторону дома. Затем они горько заплакали, жалуясь, что опозорены. Согласно приговору, с ними должны были обращаться «по-джентльменски». Им разрешалось ходить куда хотят, но в сопровождении охраны. Но президент барон фон Пильзах испугался, как видно, что им устроят побег. Передают, будто он грозился взорвать тюрьму вместе с узниками динамитом и даже нанял для этой цели одного из портовых бродяг. Тот, чтобы набраться решимости, много пил. Язык у него развязался, и он разболтал весь заговор. Люди, живущие поблизости от тюрьмы или владеющие по соседству каким-то имуществом, пришли в дикую ярость. Многие возмущены коварством и жестокостью президента. Говорят еще (но это, может быть, и неправда), что в Апию этих вождей завлекли обманом. Хотя в приговоре указано, что с ними должны обращаться «по-джентльменски», вождей сослали, кажется, на острова Токелау *note 95*. Этого в решении суда не было.

Вчера нам сказали, что «Эбон» совершил рейс к Матаафе и доставил туда сорок тысяч патронов, причем есть подозрение, что их послал мистер Мурс. Во время моего отсутствия Ллойд сопровождал миссис Мурс к Матаафе. Консулы изо всех сил старались удержать Ллойда от этого визита. Он же очарован Матаафой, как, по-видимому, и все, кроме политических врагов. Он видел, как один из постов Матаафы остановил ехавшего верхом немца. Тот поднял было кнут, но вовремя опустил его, так как в ответ взметнулись ружья.

Льюис направил президенту запрос по поводу динамита, собрав подписи уважаемых лиц. Если он откажется отвечать или признает, что это правда, я думаю, Льюису надо будет открыто заявить о своей позиции. Я думаю также, что, если решат добиваться смещения президента, необходимо предупредить об этом Матаафу и попросить его воздержаться от выступлений, так как, возможно, все уладится миром при помощи пера и бумаги.

Бедный конь, которого я получила от консула (в честь консула он зовется Гарольдом), весь изранен колючей проволокой. Оказывается, Гарри держал в загоне и жеребца, подаренного нам Генри. Я, как только вернулась, сразу же велела вывести его оттуда. Но это произошло слишком поздно для Гарольда, который, спасаясь от укусов бестии, разорвал себе бок проволочными коллочками. Вызвали некоего мистера Дэвиса, и он зашил рану. Надеюсь, что все обойдется.

Вчера вечером Бэлла и Ллойд побывали у Гэрров. Фануа была разговорчивее, чем обычно, и рассказывала интересные вещи, например, как она сопровождала отца в бою, чтобы заряжать ему ружье, и, подглядывая сквозь кусты, видела, как немцам отрезали головы *note 96*. Бледность лиц белых покойников, по ее мнению, делает их особенно

Note94

Собирательным термином «побережье» (the beach) Льюис и Фэнни называли богатых иностранцев, живущих в Апии, так как их дома вытянулись вдоль берега Апийской бухты.

Note95

Токелау — группа островов в западной части Полинезии, к северу от Самоа. В 1877 г. были захвачены Англией.

Note96

страшными, с чем нельзя не согласиться. На некоторых островах первых белых приняли за бродячих мертвецов; их вид приводил туземцев в ужас

За три дня до моего возвращения в Апию прибыл «Арчер». Мистер Херд и тин Джек *note 97* нанесли визит Ваилиме и преподнесли всем, по островному обычаю, подарки. Льюису — превосходную лондонскую шляпу из белого фетра с шелковой лентой вокруг тульи, Ллойдю — наковальню, а мне — сковороду и хорошего молодого хряка.

Все посадки чувствуют себя хорошо — апельсины, кокосы, какао и моя спаржа, превратившаяся в большие зеленые кусты, Ревень жив и в отличном виде, а на патиссонах полно плодов. К сожалению, коровы повредили наше лучшее хлебное дерево, но оно живо. По обе стороны дома я распорядилась сделать клумбы и посадила там декоративные растения.

Пауль побледнел и похудел, но говорит, что совсем оправился после своей серьезной болезни (когда я уезжала, у него было воспаление легких). Ему предложили место помощника надсмотрщика на одной из немецких плантаций: пятьдесят долларов в месяц, домик и черный слуга. Он хочет взять с собой Патча, так как Джо поклялся отомстить этому красавцу за то, что тот откусил палец у Генри (я имею в виду кота), и теперь, обнаружив слабое место противника, держит этого несчастного в состоянии непрерывной хромоты. Я видела беднягу Генри с тремя искусанными и распухшими лапами, так что он едва мог передвигаться.

Завтра заседание совета, на котором будет публично прочитано составленное Льюисом письмо к президенту и от последнего потребуют ответа. Боюсь, что Льюис слишком плохо себя чувствует, чтобы там присутствовать. Никто не решился посвятить в эту историю мать Льюиса. Она и так боится, что мы «уроним свой престиж», ссорясь по политическим вопросам с правительственными чиновниками. Я же, наоборот, считаю, что это их общественный престиж пострадает от нашего разрыва с ними. Все они, за исключением мистера Блэклока, получают приглашения к нам на ленч или на обед, а его я отказываюсь приглашать, пока не выяснится, какое участие он принимал в этой истории с динамитом. Я не хочу иметь ничего общего с людьми, способными на такие вещи.

В доме назревает серьезный скандал из-за... молитвы! Дело как будто обстояло так, что в урочный час Лафаэле находился при раненой лошади, а Джо, сильно обваривший правую руку, забрал Остина помогать на птичнике. Все это необходимо было сделать до того, как начнет палить солнце, и тут уж ничего нельзя было изменить. Но на беду, Бэлла, мурлыкающая песенку, тоже была застигнута за какой-то незначительной и, боюсь, даже вымышленной работой, тут-то и произошел взрыв. Миссис Стивенсон считает, что все они нанесли ей личное оскорбление, и, когда Остин, как обычно, пришел на урок, она прогнала его.

Стычка из-за молитвы — это действительно может вызвать ироническую улыбку даже у епископа. Миссис Стивенсон заявила, что не желает молиться с одними слугами. Сдается мне, что на небесах этого различия не делают. Я опять вижу, что ей не нравится здешняя жизнь, которую все мы находим такой привлекательной. Она разочарована и расстроена тем, что не в силах убедить нас бросить все и уехать в Австралию. Но мы достаточно испробовали жизнь в колониях; для Льюиса это верная гибель, тогда как пребывание здесь означает для него не только жизнь, но и сносное здоровье.

Думается, она была бы счастливее, если бы имела какое-нибудь занятие, но я ума не приложу, что пришлось бы ей по вкусу. У нас остальных всякая минута на счету, и каждый с энтузиазмом относится к своему делу. Мне очень трудно представить себе, что человек

Возможно, речь идет о столкновении возле деревни Фангалии (см. вступительную статью, стр. 11).

Note97

Тин Джек — Джек Бакленд, торговец с островов Гилберта, спутник Стивенсонов на шхуне «Дженет Никол». Тин — обращение, принятое на некоторых островах Океании.

может предпочесть существование, заполненное только церемонными визитами, да обязательными воскресными посещениями церкви, после которых съедают заказанный обед и ложатся вздремнуть, этой райской жизни на вольном воздухе, где чувствуешь себя настолько близко к небесам, что неверие почти невозможно.

Фэнни. 23 октября

С тех пор как я писала в последний раз, произошло много волнующих событий. Президент отказался было от своего поста в совете, но, обнаружив, что при этом также лишится жалования и положения королевского советника, ловко пошел на попятный, и теперь дело повисло в воздухе. На письмо Льюиса, мистера Гэрра и других по поводу динамита он ответил наглыми увертками и отослал их к консулам. Тогда они написали другое письмо и получили ответ, уже не наглый, а трусливый, лишь с жалкими попытками увильнуть. Льюис направил всю эту переписку в редакцию «Таймс» с пояснительным письмом *note 98*. Услыхав об отставке, авторы запроса отправились к королю поздравить его с этим событием, но были приняты очень холодно. Король сперва сказался больным, но они настояли, и его величество в конце концов появился. С точки зрения самоанского этикета прием можно считать почти оскорбительным: им не предложили кавы и не принесли извинений по этому поводу.

Льюис тщетно пытался заполучить письмо о динамите, посланное вождям. Один бешеный ирландец — великолепная личность — вызвался достать его, когда король объявил Матаафу и других высоких вождей мятежниками, а их земли конфискованными. Теперь письмо добыто и находится в сохранности. Динамит в нем не упоминается, но оно содержит угрозу, что при первой попытке освободить вождей их ждет смерть. Даудни — тот самый ирландец — получил от мистера Блэклока предупреждение вести себя поосторожнее, иначе его вышлют.

В прошлое воскресенье явился мистер Клэкстон прямиком от президента, который наконец осознал грозящую ему опасность. Мистер Клэкстон всеми способами пытался побудить Льюиса к согласию на встречу и объяснение с президентом. Слишком поздно! Потом мы узнали, что одновременно с этим мистер Роуз, секретарь президента, отвратительный, грубый и подлый человек, провел день с мистером Гэрром, пытаясь выполнить аналогичное поручение, и также не добился успеха. В обоих домах разыгралась одинаковая комедия. К нам заглянули офицеры с американского военного корабля, а за ними следом мистер Мурс и мистер Даудни. Незадачливый посол был вынужден добрых полдня провести в одиночку наверху, прячась от Даудни, с которым он на ножах. От нас вся компания поехала к Гэррам, и тогда уж в изгнание отправился бедняжка Роуз.

Миссис Стивенсон купила у цирка пегую лошадь *note 99*. На одном из представлений некий мистер Паркер ударил хлыстом свою жену при публике и в присутствии мистера Эггерта *note 100*, земельного комиссара, вместе с которым она каталась на ученых лошадаках. Мистер Эггерт, находившийся рядом с леди, и сопровождавший их капитан Рейд наблюдали эту грустную сцену, не вмешавшись ни словом, ни действием. Можно как-то простить это

Note98

Это письмо и приложенные к нему документы были опубликованы в лондонской газете «Таймс» 17 ноября 1891 г.

Note99

Этот конь был приобретен у заезжей цирковой труппы, которая, оказавшись в трудном финансовом положении, продала часть своих животных и реквизита, чтобы купить билеты на пароход. В Ваилиме коню дали кличку Джек-циркач или Джек-тифанга («тифанга» по-самоански означает «развлечение», «увеселение»).

Note100

Немецкий представитель в земельной комиссии трех держав.

Рейду, но Эггерт? По-моему, ему не к лицу роль веселого Лотарио *note 101*.

Сегодня утром Гэрр пришел к Льюису за подписью под новым письмом, содержащим просьбу к трем державам об отмене должности президента. Льюис отказался подписаться и разъяснил мистеру Гэрру всю глупость этого шага, так что, я полагаю, они оставили свою затею.

Фэнни. 28 октября

Пауль недавно расстался с нами, поступив помощником надсмотрщика на немецкую плантацию. Но он пробыл там всего несколько дней, так как, по собственным словам, не смог быть свидетелем и тем более участником варварского обращения с чернокожими рабочими. «Видите ли, миссис Стивенсон, — жаловался он, — весь мой надзор заключается в том, чтобы ходить за ними по пятам с плеткой. Это не работа для порядочного человека».

Затем мы слышали, что он устроился буфетчиком в Апии в одном из отелей, а еще позже — что он работает переписчиком у президента. Должна, к сожалению, сказать, что он до сих пор не вернул Мэри тридцать долларов, которые взял взаймы незадолго перед уходом. Но она сама виновата, ей следовало сперва посоветоваться с нами. Когда я вернулась с Фиджи, мне сразу не понравился вид Пауля, но я приписала это перенесенной болезни, а теперь думаю, что то были плоды необдуманных действий Мэри, ссудившей его деньгами для выпивки. Мэри говорит, что Кинг также снабжал беднягу Пауля спиртным.

Перед тем как уйти, стремясь сделать для меня как можно больше, он благодаря своей колоссальной, но ложно направленной энергии произвел форменное опустошение среди моих посадок. Он вырвал с корнем и загубил японскую хурму, которая как раз собиралась дать плоды. Нет больше красивых цветущих деревьев, окаймлявших сад со стороны ручья. Готовя землю под новые посадки, он перекопал и бесследно уничтожил хорошо принявшиеся кофейные деревца, посаженные им же в прошлом сезоне, а ваниль, которую он без конца пересаживал с места на место, исчезла вовсе. На прошлой неделе он приходил проведать нас, и, когда уже прощался, я спросила, куда он дел ванильные бобы. После минутного размышления он сказал, что должен прийти специально и выкопать их, потому что в настоящий момент они посажены среди скал, куда мне самой никак не добраться. Хорошо еще, что ваниль такое выносливое растение, хотя, вероятно, теперь и она совсем измучена этим бесконечным перетаскиванием. Мне было грустно расставаться с Паулем, потому что при всех недостатках у него доброе сердце и я очень к нему привязалась.

Но еще более огорчителен уход нашего милого Генри. Прощаясь с нами, он сильно плакал, приговаривая, что «бедная старая семья» на Саваии нуждается в его присутствии. После этого мы слышали от его родственника Джека, способного, но дерзкого, петушащегося паренька, что на самом деле Генри скрылся с какой-то девицей из своей родни. Боюсь, что так оно и есть. Впрочем, мы вполне можем обойтись без него, потому что сейчас у нас работает хороший народ и мы с Ллойдом управляемся сами.

Иосеппи теперь помогает Талоло на кухне, а Лафаэле смотрит за скотом. Среди садовых рабочих появился высокий мрачный одноглазый тонганец зверского вида, по прозвищу Тонганская Душа (оскорбительная кличка вроде нашей «черной души»), оказавшийся, однако, настоящим Пусси *note 102* Уилсоном. Он женился на самоанке и вчера за прополкой кофейного участка поведал мне, что мечтает привести жену в Ваилиму и поселиться у нас.

Note101

Веселый Лотарио — герой пьесы Николаса Роу «Кающийся грешник» (1703), послуживший прообразом Ричардсону для его Ловласа в романе «Кларисса Гарлоу». Оба имени стали нарицательными для соблазнителя женщин.

Note102

«Пусси» по-английски «киска». — Прим. пер.

Забавно наблюдать за тем, как домашние слуги охраняют свою исключительность, всегда стараясь держаться особняком. Правда, они могут вечером нанести визит в конюшню, где спят садовые рабочие, но не больше. Когда им однажды был выдан поросенок, прислуга пиновала отдельно, а остальным послали корзинку вареного мяса. Ллойд пообещал садовым рабочим свинью после окончания определенной части работы, и теперь Лафаэле держит ее взаперти, чтобы она набралась жиру.

На сегодня мы получили приглашение, как я понимаю, на ленч, на американский военный корабль и должны были встретиться там с капитаном немецкого «Шпербера» Фоссом. Капитан Фосс обаятельный человек, которого мы очень ценим, и поэтому с огорчением прочли посланное им вчера письмо, где он прощается с нами и объясняет, что больше не может поддерживать дружеские отношения после нашего нападения на президента. Кстати сказать, в январе президент как будто оставляет свой пост. Король объявил, что всякий желающий посетить его величество должен за два дня до этого обратиться за разрешением к консулам. Несомненно, это одна из последних детских попыток проявления власти со стороны президента. Мы, конечно, сочувствуем ему и его жене, но еще больше нам жаль Самоа.

Слева направо: Ллойд Осборн, Роберт Льюис Стивенсон,
Джо Стронг, Аувеа и Лафаэле

Лафаэле хочет съездить на Тонга повидаться с сыном. Я предложила, чтобы он, наоборот, вызвал сына сюда в гости, потому что боюсь отпускать его так далеко. Он определенно не вернется. Вообще я впервые слышу о существовании его сына, впрочем, это, может быть, и племянник. Лафаэле предложил оставить мне в залог своего возвращения Фаауму. «Какой же смысл, — сказала я. — У меня только прибавится забота искать Фаауме нового мужа». О таком варианте ревнивый Лафаэле и знать не хочет.

Я в кошмарном состоянии из-за лекарства, которое принимала по совету дяди Джорджа *note 103* от предполагаемого аневризма. Правда, шум в голове беспокоит меня меньше, но глаза и нос распухли, непрерывно болит лоб, и я почти не сплю. Дядя Джордж рекомендовал хлоридин. Позавчера вечером Льюис дал мне его принять, но либо угостил по ошибке чем-то другим вроде мази для растирания, либо лекарство испортилось и приобрело иной вкус и запах.

Фэнни. 29 октября

Note103

Джордж Бэлфур — дядя Льюиса с материнской стороны, известный врач.

Остаток вчерашнего дня после предыдущей записи я провела, наблюдая за работами на кофейной плантации. Люди жгли лес, вырубленный по *note 104*. Очень хорошо работал надменный молодой человек, по имени Талоло, зато другой, известный как Джонни, то и дело скрывался за большими деревьями. Я неожиданно подошла, когда он сидел в бездействии. Он тут же нагнулся вперед и стал рыть землю по-собачьи обеими руками, изображая крайнюю энергию и деловитость. Почти невозможно удержать рабочих от устройства костров у подножия больших деревьев, которые в конце концов от этого погибнут и рухнут на кофейные. Очень мило выглядит моя корица; возшло также много камедных деревьев.

Льюис воспользовался случаем и расспросил зашедшего к нам полицейского о деле Лафаэле. Оно заключается в том, что год назад у Лафаэле украли 70 долларов. Вора поймали, и было решено, что Лафаэле получит назад двенадцать долларов, а полицейский обеспечит их выплату. Получил же он всего три доллара, и ни копейки больше. Полицейский объяснил, что, когда он поймал того человека, денег у него уже не было. Вор стал просить у полицейского пощады, сказал, что у него нет ни отца, ни матери, и настаивал на том, чтобы полицейский усыновил его. Тот согласился, но через некоторое время у него возникла счастливая идея заставить вора отработать украденную сумму, и он послал его в Ваилиму, под начало к Генри. Три доллара были заработаны честь по чести и вручены Лафаэле, но работать дальше преступник отказался. Полицейский вторично заставил воришку возвратиться к принудительным работам, но на этот раз с него и половины дня оказалось достаточно, и он покинул не только Ваилиму, но и семью своего приемного отца. Интересно, что сказал бы лондонский полицейский, поймавший вора, если бы хитрец предложил покончить дело собственным усыновлением.

Талоло очень смешной. Бэлла спросила его: «Что делать, если начнется война и воины потребуют у нас свиней?» Он попросил повторить вопрос. «Если Малиетоа скажет: отдайте мне вашу свинью, что нам тогда делать? Отдать? А потом придет Матаафа и скажет то же самое?»

— Ну нет, — сказал Талоло, — Матаафа не делай так. Матаафа говори: «Пожалуйста, отдай свинья».

Бэлла рассказала ему про американских индейцев, о том, как они снимали скальпы со своих жертв. Это наполнило Талоло ужасом.

— Но ведь вы, самоанцы, отрезаете головы у раненых врагов *note 105*, — сказала Бэлла.

— О, это совсем другое дело, — ответил он. — Раненый человек, он чувствует плохо. Отрежь голова, он больше не плохо. Ты отрежь много голова, отнеси королева (королю), она говори: «Я очень, очень удивлен».

Он всегда говорит «удивлен» вместо «благодарен».

Наша повозка совсем развалилась, но обнаружилось, что Пусси Уилсон прекрасно умеет пользоваться вьючными седлами. Как-то мы дали ему большую белую лошадь и самое большое вьючное седло с сумками и послали его поискать по окрестным деревьям плодов хлебного дерева и таро. Он пропадал целый день и вернулся к вечеру совершенно разбитый, всего с тремя или четырьмя корешками таро. Подозреваю, что он останавливался у каждого домика, чтобы продемонстрировать лошадь и похвастаться своим высоким положением в Ваилиме.

Note104

Так на Самоа называют островитян-католиков (от англ. «Pope» — папа римский).

Note105

Сходные обычаи были довольно широко распространены у народов, находящихся на разных ступенях перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу (ср. охоту за головами у даяков Калимантана, снятие скальпов у американских индейцев и т. д.). В конце XIX в. этот обычай сохранился у самоанцев как пережиток прошлого.

Миссис и мисс Гэрт собираются взять Баллу с собой на бал-маскарад. Я сделала корону для миссис Гэрт, которая будет в костюме Зенобии. Она должна быть очень хороша в этом костюме.

Фэнни. 2 ноября

Мистер Хаггард приезжал повидаться и провел у нас вечер. По нашему приглашению была с визитом мать Талоло, действительно весьма почтенная женщина, вполне достойная восторженного обожания, с которым к ней относится Талоло. С ней была родственница, почти слепая из-за катаракты. Им показали дом, и все время слышались их восклицания по-самоански: «Замечательно красиво!» Даже нырнув во тьму погреба, они повторили то же самое. Я подарила матери маленький красный крестик из святой земли, который мне дал в Марселе один матрос. В центре крестика — снимок Иерусалима под увеличительным стеклом. Второй женщине я вручила небольшое серебряное украшение на шею и еще немного лент обеим. Забавно было глядеть на Фаауму, водившую их по дому с показным равнодушием. Ее поведение как бы говорило: «Несомненно, вас поражает все это великолепие, но для меня это будни».

Вчера был сильный дождь, и до сих пор еще пасмурно и сыро. В субботу приходил старик плотник Хендерсон узнать, нет ли видов на какую-нибудь работу. Он симпатичен мне и очень нуждается, поэтому я была рада, что для него нашлось кое-какое занятие. Заказала ему ставни для моего большого окна на случай урагана и разные мелкие поделки.

На побережье ходят невероятные сплетни насчет того, что происходит в Ваилиме. Предполагается, что мы близки с Матаафой и католическими священниками. Больше всего волнует, что здесь нет ни одного протестанта, кроме нас самих. Но ведь это из чистой корысти: все попы — способные, трудолюбивые, честные люди, то есть, я хочу сказать, соблюдающие честность здесь и по отношению к работе. За Пусси Уилсоном, кажется, есть какой-то грех, но тут он один из лучших работников. Нового помощника Талоло зовут Полу. Талоло по собственному желанию отправили за почтой на прибывший пароход.

В прошлую субботу, перед тем как отпустить людей на воскресенье домой, Льюис вызвал их к себе наверх и выдал каждому по синей пилюле. Один бедняга спрятал свою за щекой и попался. Пришлось ему глотать ее под всеобщий хохот. Я боялась, что они больше не придут, но они вернулись уже в воскресенье утром, заявив, что чувствуют себя гораздо лучше. Я вспомнила сейчас об этом потому, что Льюис как раз пришел сказать, что отправляет большую группу людей на болото — на прополку таро и бананов — и думает предварительно дать каждому дозу хинина.

Только что был чернокожий слуга мисс Гэрт с запиской, и мы невольно отметили разницу между его внешностью и видом рабочих плантации. Этот — веселый, улыбающийся, красивый, тогда как работники плантации унылые, безучастные, меланхоличные бедняги, едва отвечающие, если заговорить с ними.

Фэнни. 6 ноября

Вернулся Фуси (кажется, 4-го), уволившийся без малейшего урона для своей репутации. За бедным Талоло прислали из дому: его ребенок заболел инфлуэнцей. По слухам, инфлуэнца свирепствует в Апии. Сегодня приходил муж прачки сказать, что жена больна и нам придется обождать белья до следующей недели. Уже перед уходом я, к моему испугу, узнала, что и сам он заболевает.

Фэнни. 15 ноября

У нас сегодня обедали мистер Дэмт и мистер Хаггард. От обоих мы узнали массу интересных новостей. Главный судья и президент барон фон Пильзах, которые вначале

невзлюбили друг друга, потом заключили род союза и, чтобы собрать на своей стороне побольше сил, поддерживали один другого, рассчитывая добиться на островах абсолютной власти. Но когда положение стало неопределенным и в воздухе запахло неудачей, главный судья предпринял поездку на Фиджи и в колонии, предоставив президенту одному принять главный удар. Теперь он приехал назад и, выражая крайнее удивление по поводу положения дел, отвернулся от бедняги президента. Мистер Айд, американский земельный комиссар, подал в отставку, уехал домой и, как говорят, намерен предложить мистера Хаггарда на пост главного судьи *note 106*.

Несомненно, административный состав должен смениться. Мистер Хаггард очень мудро толковал о положении дел. Единственное, вернее, основное, чего я опасуюсь от него на посту главного судьи, — это его крайний английский патриотизм. Он, как и мы все, хочет установления английского протектората *note 107*. Но идти к этой цели надо с большим тактом и осторожностью. Англичане уже раз отказали в протекторате, и это может повториться. После английского лучше всего американский протекторат. Правда, англичане ввезли бы рабочую силу из Индии, а против Америки они так озлоблены, что, наверное, предпочли бы разрушить остров, чем увидеть его американским. Не странно ли, что большинство интеллигентных англичан смотрит на обычное чувство человека по отношению к родной стране как на глупость, но «таланту все дозволено». Мистер Карразерс — единственное исключение из этого правила среди известных мне английских подданных. Он говорит, что крикливое хвастовство его соотечественников провинциально и вульгарно, что оно наполняет его стыдом и унижением. Это единственная тема, на которую Льюис, обычно такой блестящий собеседник, может лишь твердить одно и то же как попугай.

Недавно Льюис, дурачась, подарил дочке мистера Айда свой день рождения, предложив ей назваться Луизой, так что два дня назад, в день рождения Льюиса, мы устраивали праздник в ее честь. После прочитанной перед ужином молитвы Льюис провозгласил тост таким тоном, точно сомневался, что его послушают. Мы думали, что будем пить за здоровье мисс Айд, но нет, оказалось, что «за ее благословенное величество королеву». Затем он с агрессивным видом повернулся к Ллойд и заявил: «Если хочешь, можешь выпить за президента, но потом» *note 108*. Я записываю это в надежде, что Льюис прочтет и увидит, как это было глупо, невоспитанно и по-детски. Нечего и говорить, что Ллойд в ответ только улыбнулся и не предлагал никаких тостов, кроме общепринятых застольных.

Сегодня Ллойд ездил повидать капитана Хуфнагеля. Дней десять назад мы послали ему и его жене приглашение отобедать с нами, отправив письмо через немецкую фирму. Месяцев восемь или около года назад Ллойд послал таким же путем письмо ветеринару, служащему одной из плантаций, относительно платы за лечение раненой лошади. Тот приходил только по воскресеньям, то есть в свое свободное время. Но письмо дошло до него вскрытым, и ему устроили хороший нагоняй. Не имея ни звука в ответ от капитана Хуфнагеля, мы опасались, что та же судьба постигла и наше приглашение. Как выяснилось, он получил его лишь вчера, спустя девять дней после отправки. Ллойд не спросил, было ли оно вскрыто. Хуфнагель сообщил, что, к его огорчению, ему приказано прекратить посадки какао, так что мы можем получить в Ваилеле столько семян, сколько потребуется. Он был очень любезен с Ллойдом, а

Note106

Генри К. Айд сам стал главным судьей после отставки К. Седеркранца.

Note107

В дальнейшем взгляды Стивенсона на самоанскую проблему существенно изменились (см. вступительную статью, стр. 16-17).

Note108

Льюис имел в виду президента Соединенных Штатов, поскольку Ллойд Осборн был американским подданным.

его объяснения о нашей политической позиции выслушал без всякого интереса. Ллойд счел необходимым поговорить с капитаном Хуфнагелем откровенно, чтобы не было никаких недоразумений. Все остальные немцы с неодобрением отнеслись к разоблачению истории с динамитом, усмотрев в этом прямой выпад против Германской империи. Странно, однако, что англичане замечают сучок в чужом глазу, а в своем и бревна не видят. Ведь немцы ведут себя в высшей степени по-английски.

— Вы попираете честь германского императора! — кричит немец.

— Вы хотите втоптать в грязь английский флаг! — надывается англичанин.

Ах, ах! Что за буря в стакане воды! Я так рада, что капитан Хуфнагель выше подобной глупости. Это было бы настоящим бедствием, если бы мы потеряли и его. Ллойд сказал ему, что некоторые наши работники-самоанцы заинтересовались какао и хотят сами разводить его на своих участках. Ему эта идея чрезвычайно понравилась. Когда рабочие обрабатывали у нас кофейные деревья, мы напоили их кофе, которого многие из них до тех пор не пробовали. Они стали работать в десять раз лучше, поняв, что с течением времени в результате их трудов появится нечто, доставляющее людям удовольствие. Раньше они сплошь и рядом ошибались, выдергивая то тут то там маленькое деревцо, но теперь зорко следят за тем, чтобы не повредить драгоценного растения, и дотрагиваются до него с большой деликатностью. Прежде чем они займутся посадкой какао в грунт, они получают по кружке шоколада.

Я объяснила мистеру Клэкстону, что мы уволили протестантов и набрали попи ради собственной выгоды. Меня очень раздосадовало, что эта супружеская чета приехала сюда, когда миссис Клэкстон еще не совсем поправилась после инфлуэнцы. Хотя мы с Льюисом отказались спуститься и объяснили причину, они все же остались пить чай. Клэкстоны надоели мне.

Льюис пишет по своим старым заметкам историю последней самоанской войны. Он предпочел бы написать книгу для мальчиков об истории Шотландии, но, так как у него множество материалов для самоанской книги и так как это должно послужить для понимания ситуации и может спасти Матаафу, я попросила его сделать сначала эту работу, хотя и денег за нее он получит гораздо меньше *note 109*.

Фэнни. 22 ноября

Инфлуэнца прошла по всем островам. Умерло несколько белых и множество коренных жителей. До нас дошел слух, что милый наш Генри умер на Савайи. Я не в силах поверить этому и не буду верить, пока не получу настоящего подтверждения. В Ваилиме до сих пор не было ни одного случая. Лафаэле панически боится болезни и умоляет не посылать его ни с какими поручениями в Апию. Решено, что он отправится в мелангу на Тонга после рождества. Мы все «заболели» посадками. Мне удалось-таки заразить всю семью. К счастью для нас, немецкие плантации получили распоряжение не сажать семена в этом сезоне, так что мы получим их сколько захотим. Мы посеяли больше шестисот, многие деревца уже высажены в грунт в лесу. Бедной миссис Стивенсон Ллойд навязал книгу, которая называется, если не ошибаюсь, «Тропические промыслы», и теперь зорко следит за тем, чтобы она ее читала. Ллойд решил, что ее энтузиазм не достиг необходимого накала. И она, кажется, мужественно изучает этот труд. Сегодня воскресенье, но все мы, и члены семьи, и домашняя прислуга, должны сажать семена, оставшиеся со вчерашнего дня. Вчера я показала Льюису, Ллойд и Джо, как обкатывать семена древесной золой и сажать их в корзиночки.

Все семьи в Апии и в окрестностях, где берут белье в стирку, больны, так что мы пытаемся обучить пару садовых работников стирать и гладить. Мы с Бэллой плохо

Note109

Имеется в виду книга Стивенсона «Примечание к истории: восемь лет волнений на Самоа», опубликованная в 1892 г.

разбираемся в прачечном деле, так что обучение протекает трудно. Но хотя Бэлла однажды даже расплакалась, выстиранное белье выглядит лучше, чем когда бы то ни было с тех пор, как мы переехали в Южные моря, что побуждает продолжать эти отчаянные попытки.

В последнее время мы все были очень огорчены неприятностями мистера Гэрра, который не так давно женился на Фануа — «деве Апии». Последние два-три месяца с молодой четой живет еще мисс Гэрр, или Этель, как она предпочитает, чтобы ее называли. Они составляют прелестную, нежную маленькую семью, и, так как это наши ближайшие соседи, мы часто с ними видимся. Фануа — кузина Генри. Мистер Гэрр служит управляющим в банке, где он также совладелец, хотя большая часть капитала принадлежит неким мистеру Эпинолу и мистеру Хэйхерсту. На удивление всем, они оба неожиданно появились в Апии. Мистер Гэрр должен был обедать у нас по случаю дня рождения Льюиса, которому исполнился сорок один год, но прислал сказать, что не может быть из-за приезда этих джентльменов, предложивших ему отобедать с ними. После этого он никак не мог выбраться в Ваилиму и наконец появился однажды вечером в сопровождении обоих. Мистер Хэйхерст больше беседовал с Льюисом и понравился ему. Мне — нет. Он показался мне невежественным, неотесанным человеком. Эпинол тоже грубиян, со смуглым лицом и длинными белыми хищными зубами. Как выяснилось позже, они заподозрили Гэрра в нечестных комбинациях и решили застать его врасплох, не дав ему подготовиться. Насколько нам удалось узнать, у них были некоторые основания для подозрений, но их собственное поведение беспримерно странное и жестокое.

У Льюиса и его матери небольшие вклады в банке, которые мистер Мурс и сам Гэрр посоветовали забрать. Конечно, совет мистера Гэрра может объясняться желанием досадить Эпинолу и Хэйхерсту. Льюис решил забрать деньги и послал с этой целью чек. Несмотря на то что банк был открыт и производил операцию, они наотрез отказались выдать деньги и вместо этого прислали письмо, чуть ли не приказывающее Льюису явиться в Апию для переговоров. Будь моя воля, я либо заставила бы их объявить себя неплатежеспособными и закрыть банк совсем, либо оплатить чек. Но Льюис пошел на поводу у обоих негодяев и отправился в Апию, несмотря на инфлуэнцу, которая для него смертельно опасна, лишь за тем, чтобы услышать, что они не собираются выдать ему его деньги. Он посоветовал им подумать, сказав, что еще раз предъявит свой чек утром. По-видимому, они образумились, так как на этот раз чек был оплачен без звука, хотя английскому консулу они заявили, что платить не будут.

— Здесь все наша собственность, — сказали они, — и мы можем поступать с ней как нам заблагорассудится. Мы можем рассматривать эти деньги как часть растраты Гэрра.

— А я вас знать не знаю, — был один из сверхостроумных сарказмов Эпинола, выпущенных в Льюиса.

Я и думать бы не стала о подобных людях, если бы не беспокоилась за Гэрров, особенно из-за обеих женщин — прекрасной, высококультурной самоанки Фануа и хорошенькой, невинной малютки Этель.

Гэрр ничего не объяснил Этель: у него не хватило духу. Она чувствовала, что происходит что-то страшное, но не задавала вопросов никому, кроме Бэллы; собственно, это были не прямые вопросы, а предположения.

— Я знаю, у брата большие неприятности, — сказала она, — и я не могу отделаться от мысли, что это как-то связано с теми двумя господами, которые обедали у нас. Они очень странно держали себя.

В самом деле, их поведение было весьма странным. Они сидели за столом у человека, которого собирались разорить, и еще привередничали, когда их потчевала напуганная малютка Этель.

— Отведайте помидоров, — предложила она и, когда гость потянулся к блюду, добавила, — они выращены здесь, на Самоа.

— Тогда не буду, — последовал ответ, — не желаю ничего самоанского.

Глядя на хозяйку, прекрасную Фануа, они говорили всевозможные гадости о

самоанских женщинах. Их поведение было просто невообразимо. Сам Гэрр — человек маленького роста, щуплый, только что перенесший очень мучительную операцию по поводу некроза кости. Галантные джентльмены могли совершенно безнаказанно есть хлеб-соль своей жертвы и при этом оскорблять его жену и сестру, не опасаясь избиения. Более «умный» из них отпускал пошлые шуточки, а второй оглушительно хохотал, и оба перемежали свое веселье тем, что тыкали Гэрра в бок со словами «Ишь, мошенник!» и вновь раздражались хохотом.

Маленький домик Гэрра обставлен мебелью, принадлежащей фирме. Ее сразу же потребовали назад в Апию. Тон писем был так оскорбителен, что бедняга Гэрр попросил нас приютить сестру, пока не исчезнет опасность ее встречи с этими людьми (хочется сказать — негодяями). Сейчас она здесь, болтает беззаботно и играет на своей флейте, но время от времени глаза ее вспыхивают тревогой. Мы предложили им жить у нас, но мистер Гэрр пока не знает, как ему лучше поступить. Хорошо, что у нас есть возможность удобно их устроить, и, если бы не скрывающаяся за этим причина, поселить их здесь было бы очень приятно. Не могу сказать, что в этом деле нам все ясно. Во всяком случае я на стороне битой собаки, даже если она утащит кость. Кроме того, нужны очень веские доказательства, чтобы заставить меня поверить в то, что Гэрр повинен в чем-нибудь, кроме неблагодарности.

Фэнни. 30 ноября

Мисс Гэрр уехала домой и повезла своей вдовой матери ужасную весть о разорении и бесчестии. В последний момент мистер Гэрр прислал сказать, что у него не хватает денег даже на билет сестре, и Льюис отправил ему семь фунтов. Мы страшно опечалены их судьбой. Зато меня порадовало, что мистер Карразерс очень благородно вел себя в этой истории.

Недавно, когда я работала в саду, я услышала оклик Бэллы. «Смотри-ка, — сказала она, — явился аиту!» Это был Генри собственной персоной, но очень изменившийся и несчастный. На затылке у него рана, нанесенная не то копьем, не то дубинкой, словно его пытались убить. Я заговорила о его женитьбе, но он поспешно и нервозно переменял тему. На другой день он пришел опять и попросил ссудить ему пятьдесят долларов и взять его снова на место старшего над работниками. Решено, что он придет завтра и тогда Льюис даст ему денег, если он скажет, для какой цели. Он, кажется, очень расстроен положением своей «бедной старой семьи». Как он объяснил, они впали в нищету и не умеют работать. «Они ничего не умеют, моя бедная старая семья» — таковы были его собственные слова.

Незадолго перед отъездом на Савайи он сказал Льюису: «Мне надоели белые на побережье». Савайи, говорит он, остается верным Малиетоа. Льюис послал письмо главному судье, сообщая, что пишет историю Самоа и собирается коснуться современного «кризиса». Я вспоминаю, как ребенком была напугана, прочитав в газете: «Тревога! Надвигается кризис!» Кризис представился мне в образе чудовищного дикого зверя.

Мы с Льюисом и Ллойдом побывали в Апии. Главный судья встретился нам как раз перед домом Уэббера, причем я заметила, что из окон за нами жадно наблюдали женщины. Мы довольно долго беседовали в самом дружеском тоне и затем поехали дальше навестить Лаулии. Но она переехала, так что свидание не состоялось. Мистера Хаггарда выселили из дома (принадлежащего немцу) по той причине, что мистер Даудни подстрелил хозяйского петуха, на которого у мистера Хаггарда, кстати, было разрешение. Он переселился в дом Руги. Даудни — это тот самый, которому принадлежит знаменитое изречение: «Самоа — замечательное место; здесь вы каждый день можете вступить в новый заговор!» Льюис ехал на коне, которого мне дал мистер Сьюэл (в его честь он зовется Гарольдом), и вполне его одобрил, хотя конь еще очень тощ после пережитого несчастного случая.

Сегодня у нас обедали мисс и миссис Мурс. Утром я сажала капусту и показывала Джо, какие работы я хочу сделать на огороде. Подошла Фааума с жалобой, что она не получила кики. Поскольку у Талоло был смущенный вид, я потребовала объяснения. Оказалось, что во

время ленча она поссорилась с мужем, назло ему отказалась есть, а теперь почувствовала голод. Я сказала ей, что она может взять себе кики теперь, но в будущем попросила ее не ссориться с Лафаэле перед едой. Миссис Стивенсон требует, чтобы работникам-католикам приказали являться на молитву под угрозой расчета. Но я пресекла это вмешательство в их дела. Ее также очень раздражает беспорядок, связанный с посадкой какао, что, конечно, не удивительно: пол веранды перед ее дверью весь затоптан и всюду навалены доски и корзинки.

Фэнни. 12 декабря

Так занята посадками какао, что не было ни минуты для дневника. Кроме того, дважды ездила в Апию, причем в последний приезд остановилась в новом жилище Хаггарда. Ему отказали в квартире из-за подстреленного петуха, и теперь он поселился в доме Руги. Во всяком случае Абдул и мебель там, а мистер Хаггард уехал в Австралию. Абдул вел себя как самый любезный хозяин и устроил нас со всяческим комфортом. Для Льюиса была даже приготовлена пижама. Дом Руги — прелестное здание в испанском стиле, с огромными комнатами, распланированными с большим вкусом. Мы почувствовали легкое сожаление, потому что в свое время подумывали купить его. Однако факт остается фактом: позади дома начинается болото и много людей умерло здесь от лихорадки.

Вечер провели у мистера Мурса. Кроме нас было только двое гостей: мистер Карразерс и офицер с американского военного корабля. Присутствовали также мать мистера Мурса, весьма полная и весьма властная старая дама, и мисс Мурс — весьма полная и весьма властная юная дама. У мисс Мурс мания менять людям имена. Племянница, которую она воспитывает, уже превращена из Миранды в Рамону, теперь она предлагает переменить имя маленькой Розы на Руг, а крошку Софию, названную так по острову, на котором она родилась, перекрестить в Руби. Ужасная нелепость.

Мы узнали новую версию о злоключениях Генри. По словам Талоло, он отправился на Савайи, чтобы занять место вождя, но «семья» *note 110* решила, что он слишком молод, и назначила кого-то еще, а это исключает кандидатуру Генри, покуда тот человек жив. Между обоими претендентами состоялась «личная встреча», во время которой Генри и получил рану в голову.

Полу взял отпуск на один день и долго не возвращался. Теперь он просится назад, но возмущенный Талоло не соглашается принять его. Пробуем использовать нашего мясника для комбинированной работы в кладовой и на кухне. Произошел разрыв с Мэри. Я видела, что она готова надерзить мне, и спросила миссис Стивенсон, как поступить в таком случае, поскольку я не могу сама ее уволить. Ответ был: «Придете ко мне и пожалуетесь». Я подумала, что это ставит меня в невозможное положение, но подчинилась. И лучше бы я этого не делала. Определенно не следовало этого делать, но, встав на тропу войны, я уже сочла необходимым идти по ней до конца и удалить эту занозу Мэри из пределов нашего дома. Теперь она только личная служанка миссис Стивенсон, а Фааума удостоилась чести занять ее пост. Фааума справляется прекрасно, но не знаю, надолго ли это. У Пегого повреждена нога. Мэри ездила на нем в город, и, так как она вернулась поздно вечером, никто до следующего утра не взглянул на лошадь. Похоже, что она была плохо привязана, и веревка так обмоталась вокруг ног, что лошадь упала. Вид у раны нехороший.

Впервые опробовала «консульскую лошадь», как называет этого коня Лафаэле. Он — прелесть, а ход такой, что лучше и желать нельзя. В первую из поездок в Апию меня сопровождала Бэлла. Перед поворотом дороги обе лошади прижали уши и стали как вкопанные. Впереди не было ничего страшного, только несколько мужчин и женщин вышли

Note110

Здесь и в других местах Фэнни называет семьей самоанскую большесемейную общину — аинга (см. вступительную статью, стр. 8-9).

на дорогу со стороны острова. Я с удивлением увидела, что Бэлла хлестнула свою лошадь как заправская наездница. Но еще более я была поражена в Апии. Мы остановились у лавки мисс Тэйлор купить ботинки, и коробка уже лежала на перилах балкона как раз над головой лошади Бэллы. Вдруг коробка упала, и лошадь шарахнулась назад. Мисс Тэйлор поймала конец уздечки и тянула ее к себе, а лошадь пятилась к парапету набережной, пока уздечка не лопнула. Я боялась, что Бэлла потеряет сознание и упадет под копыта лошади, но Бэлла глазом не моргнула, твердо сидела в седле и пыталась убедить мисс Тэйлор отпустить уздечку. Я хочу купить единственное имеющееся на Самоа седло и преподнести Бэлле лошадь с седлом и уздечкой в качестве рождественского подарка.

Уже готовы ставни для моего широкого окна на случай урагана. Такие же я заказала на большие стеклянные двери и на окна комнаты Льюиса. Вчера приезжал мистер Мэйбен, чтобы вместе с Ллойдом и Джо обойти и уточнить границы Ваилимы. Джо был разочарован: четыреста акров показались ему совсем маленьким участком. По мнению Ллойда, наоборот, имение очень обширно; он ужасно устал. Мистер Мэйбен интересовался нашими плантациями. Если опыт посадок в лесу окажется успешным, говорит он, это целый переворот для Самоа.

Фэнни. 14 декабря

Прекрасный солнечный день. От Штейблинга прибыли семена какао для новых посадок. Вчера я сильно переутомилась, поэтому сегодня мне не разрешается работать. У Талоло, который отказался принять обратно «этого нехорошего Полу», новый помощник. «Новая метла», как выражается сам Талоло, начала хорошо. Фааума отныне будет одна выполнять работу в кладовой, второй работник уволен. Она пришла к Бэлле и, обняв ее за шею, так умильно и ласково просила об этом, что невозможно было отказать. Она как раз кончила стелить мне постель, и глаза ее сверкали возбуждением и торжеством. Но тут пришла Балла совсем расстроенная: помощник Фааумы так трагически воспринял увольнение, что Бэлла не в силах это вынести. Он говорит, что ему не нужно денег, только бы разрешили остаться. «Разве я плохо работал?» — спрашивает он. Действительно, работал он хорошо. «Тогда разрешите мне остаться. Я буду хорошо работать без денег». Ну что поделаешь?

Талоло добавил новые подробности к истории Генри. По его словам, родичи отказали Генри в должности вождя из-за того, что он «не умеет говорить на языке вождей» и поэтому не может представлять их в фоно. Вот что имелось в виду, когда его называли слишком молодым. Но ведь всякий вождь имеет при себе оратора. Я думаю, они просто искали предлог, чтобы вытеснить Генри, который, без сомнения, был неумолим в своем рвении заставить «бедную старую семью» работать.

Ллойд объявил, что, как только наладится погода, он намерен поселиться в какой-нибудь деревне подальше и совершенствоваться в языке. В единственную деревню, куда я охотно бы его отпустила, он не может сейчас поехать, потому что там главный оплот Матаафы и это выглядело бы исключительно как политический шаг. У Льюиса была долгая беседа с мистером Кьюсэк-Смитом *note 111* относительно политического положения и наших теперешних правителей. Он горячо стоит за перемены. Вот рассказанная им сплетня о главном судье. Семья Кьюсэк-Смитов отправилась в мелангу, а главный судья непосредственно следовал за ними. Компания Кьюсэк-Смита ночевала в одной деревне и оставила там в качестве подарка такую роскошь, как целый бочонок солонины. С ними была Мэри Хэмилтон (самоанка). Она сказала мистеру Кьюсэк-Смиту, что люди в восторге от подарка: теперь у них есть что преподнести главному судье, когда он приедет. Они не сомневались, что он тут же устроит праздник для всей деревни и выставит им солонину.

Note111

Томас Кьюсэк-Смит — английский генеральный консул на Самоа.

Судья явился прежде, чем уехала компания Кьюсэк-Смита, и ему преподнесли этот бочонок. Каково же было удивление Кьюсэк-Смита и его друзей, когда они увидели, что нераспечатанный бочонок катят в лодку судьи.

— Мне сделали прекрасный подарок, — сообщил им судья, — бочку солонины. Хватит на прокорм гребцам на все время меланги.

Легко представить себе чувства жителей деревни. Как жаль, что главный судья так скуп. От человека, занимающего такой пост, туземцы ждали королевского жеста, а получили лишь пустые слова благодарности

На днях, когда мы были в Апии, Льюис носом к носу столкнулся с бароном и баронессой *note 112*. Он говорит, что, если бы взгляд мог убить, он должен был бы упасть мертвым к ногам баронессы. Мне очень жаль ее, но для пользы Самоа они должны уйти. Другая встреча у Льюиса была куда приятнее. Он вдруг заметил статного всадника, одетого более изысканно, чем принято на Самоа, — в желтых щегольских крагах и вообще в наряде, продуманном до мелочей. Когда джентльмен приблизился, Льюис сперва обнаружил, к своему удивлению, что это самоанец, а потом — что это не кто иной, как собственной персоной его благословенное величество Малиетоа Лаупепа, который до сих пор довольствовался лавалава и рубашкой или пиджаком. Мне кажется, это правильная мысль чем-то подчеркнуть его превосходство перед остальными вождями, а одежда здесь много значит.

У нас созревает прекрасный урожай ананасов и множество манго и апельсинов. Мой египетский лук дал крупные луковицы, но пока никаких признаков семян. Помидоры в цвету. Все остальное, включая подсолнухи и арбузы, буйно растет, в том числе, к сожалению, и сорняки. Недавно я делала желе из ягод с одного лесного кустарника. Получилось необыкновенно вкусно. Я расчистила все вокруг этого деревца, и оно снова полно созревающих ягод. Сделала на пробу немного духов из муссаои, цитрона, ванили и душистой смолы. Запах очень сладкий, сначала почти тяжелый, и очень стойкий.

Бедный мистер Гэрр опять болен — некроз челюсти. Боюсь, это серьезно. Вновь придется вскрыть щеку и удалить зуб и кусочек челюстной кости. Мы очень сокрушаемся из-за Гэрров.

На прошлой неделе дошел слух, что в лагерь Матаафы был послан вооруженный отряд за людьми, которых вызывают в Апию на суд. Это Гэрр передал Льюису.

— Какой же может быть результат, по-вашему? — спросил Льюис.

— Поглядите на веранду и узнаете, что я об этом думаю, — сказал Гэрр.

Льюис взглянул и увидел, что Фануа приводит в порядок винтовку. Пока еще нет никаких тревожных известий, хотя это был вернейший шаг к развязыванию враждебных действий.

Фэнни. 15 декабря

Приходили в гости католический епископ с Тонга и священник-метис. Епископ — приятный интеллигентный старик. Я в это время наблюдала за прополкой кофейной плантации. Думая, что дома их некому принять (Льюис уезжал кататься верхом, но вернулся как раз в момент их прихода), я кинулась в дом как была: босиком и с распутившимися волосами. Бэлла исподтишка обрезала мне волосы по шею, когда я пыталась разобраться в устройстве швейной машины. К счастью, вьющиеся волосы выглядят не так плохо, как было бы с гладкими и прямыми. Священник сказал нам, что Матаафа намерен созвать фоно и, если ему удастся собрать три четверти самоанцев под свои знамена, начнет войну. Если соберется лишь половина, решение его неопределенно, если меньше половины — войны не будет.

Notel12

Речь идет о президенте муниципального совета Апии бароне фон Пильзахе и его жене.

Фэнни. 16 декабря

Миссис Стивенсон на кобылке и я на «консульской лошади» отправились в Апию нанести визиты и сделать кое-какие рождественские покупки. Вернувшись, мы узнали, что сбежала Фааума. Она уже давно ссорится с Лафаэле и воспользовалась этим обычным на Самоа способом наказания. Лафаэле оседлал свою лошадь и в сильном волнении отправился ловить ее.

Фэнни. 17 декабря

В шесть часов Лафаэле прибыл с Фааумой как ни в чем не бывало, правда, Фааума казалась слегка смущенной. Бэлла оставила без внимания ее заискивания, и Фааума весь день безуспешно пыталась смягчить ее, дергая за рукав и с улыбкой ловя ее взгляд. Вчера мы послали за безутешным пареньком из кладовой, приглашая его вернуться. Он должен был прийти сегодня утром в десять, но не явился. Меня не оставляет подозрение, что его известили о возвращении Фааумы, сказав, что он больше не нужен. Но он нужен, потому что мы решили сместить очаровательную Фаауму. Завтра утром пошлю за ним Галоло.

Сегодня у меня в комнате появился Генри со связкой опухавших. По его смущению я заподозрила, что сейчас получу еще один прощальный подарок. В прошлый раз это был несчастный уродливый жеребец, от которого я не знаю как избавиться. Я предложила Генри высказать, что у него на душе. Немного поломавшись, он объявил, что должен опять ехать на Савайи, так как получил оттуда очень важное письмо. Ему обещана пара свиней для отправки его «бедной старой семье» с первым попутным рейсом. Я и сказала, чтобы он забрал их теперь с собой и впридачу больную, которую он надеется вылечить. Разговор о свиньях смутил Генри еще больше, хотя, как позже выяснилось, он даже привел с собой носильщиков. В конце концов договорились, что я получу часть приплода. Когда и это было решено, он все еще продолжал стоять передо мной, переминаясь с ноги на ногу. Внезапно у него вырвалось:

— Не знаю, что делать. Голова никуда не годится. Ничего не соображаю.

— Послушайте моего совета, Генри, — сказала я, — пойдите к мистеру Стивенсону и откройте ему все заботы.

Он пошел, но каждое слово пришлось вытягивать из него клещами. Оказывается, ближайший сосед пользовался дорогой, проходящей через землю Генри. Генри закрыл эту дорогу, засадив ее бананами. Сосед пришел со своими людьми, и они срубили деревья. Тогда Генри перегородил дорогу, и тут сосед и его приспешники примчались, вооружась палками и топорами.

— Значит, между вами произошла стычка? — спросил Льюис.

Генри пристально посмотрел на него и ответил медленно и бесстрастно: «Они пришли с палками и топорами».

Льюис предложил компромисс: пусть те пользуются дорогой, но отдадут ему часть своей земли. Генри согласился попробовать, а если ничего не выйдет, оставить их в покое, пока не появится возможность прибегнуть к помощи закона. В письме от родных сообщалось, что сосед совершил новую атаку и разрушил еще одну заставу. Возможно, что Генри рассказал не все; но, как бы то ни было, истории, которые мы слышали раньше, отпадают. Будь это в другое время года, Льюис поехал бы с ним на Савайи.

Поутру я, к моему удивлению, услышала звуки флейты. Я выбежала на веранду и поглядела вниз. Люди выпалывали сорняки вокруг ананасов — все в венках, как дети во время майской прогулки. Джо руководил работой и в то же время издавал трели на своей флейте. Он посылал одобрительные кивки в одну сторону и знаки недовольства в другую, не отнимая инструмента от губ.

Фэнни. 18 декабря

Вчера вечером мои записи были прерваны внезапной тревогой. Сначала раздался сильный взрыв, словно от оружейного снаряда, и тут же вслед за ним ружейный выстрел; и то и другое совсем близко. Мы все выбежали наружу, думая, что, может быть, начались бои. Лафаэле выскочил из постели и просил раздать оружие. Мы некоторое время ждали в волнении, но больше ничего не произошло. В конце концов пришли к заключению, что просто где-то стреляли диких свиней. Однако это объясняет треск винтовки, но не грохот, слышавшийся вначале.

За последнее время несколько раз повторялись землетрясения. Когда мы с Джо наблюдали за работой на кофейных посадках, я отметила странный тревожный звук и почти уверила себя, что мне это только кажется. Это было глухое гудение, весьма напоминающее то, что называют шумом в ушах. Затем легкая дрожь прошла по земле, а за ней последовал более сильный толчок; шум продолжался, пока все не успокоилось. При первом же сотрясении рабочие побросали ножи и сгрудились вместе, боязливо поглядывая на землю и небо.

— Огонь, — сказал Пусси Уилсон, показывая на землю.

Бэлла говорит, что спустя полчаса она почувствовала еще толчок, но менее сильный, а Ллойда довольно сильный толчок разбудил ночью.

Фэнни. 19 декабря

Джо отправился к зубному врачу и явился назад уже при луне. Посадила немного капусты, и это непременно должно дать результаты, иначе моя репутация огородника пропала. Никто из нас капусты не любит, и я вовсе не собиралась сажать ее, но каждый белый, приезжающий в усадьбу, первым делом спрашивает, как поживает моя капуста. Пока у меня ее не было, стоило лишь сказать об этом, как гость терял интерес ко всему остальному.

— На немецких плантациях ее все же вырастили, — обычно замечают посетители.

Я пыталась побелить уздечку «консульской лошади» известкой и при этом обнаружила, что уздечка скреплена двумя мебельными гвоздями, концы которых прошли насквозь и, вероятно, царапали морду коня. Не удивительно, что он так плохо себя вел.

Вечером Остин объявил нам, что прочтет несколько глав из написанной им повести, которая пока никак не называется. Произведение, как полагается, разделено на главы и разбито на абзацы, а прямая речь взята в кавычки. Прежде чем начать, он поднял глаза на слушателей и сказал: «Мне думается, надо переменить имя одного из героев, потому что Томпсон и Симпсон слишком под рифму». Нас поразило такое замечание десятилетнего мальчика. Повесть, сколько можно судить по отрывкам, очень хороша *note 113*. Когда мы, как обычно, уселись за карты, Остин вытащил свои материалы и написал еще одну главу, причем глаза его сияли, как лампы. Окончив свою молитву перед сном, он сказал матери, что хочет еще добавить: «Господи, благодарю тебя за счастливый день. Господи, я рад, что справился с уроками. А больше всего, господи, благодарю тебя за то, что ты помог мне — то есть мне — написать книгу! Аминь!»

Фэнни. 20 декабря

Остин пришел сегодня наверх попросить несколько больших листов для переписки своей повести. Он интересовался также насчет издателя, но принял совет матери поберечь

Note113

Остин Стронг (1881 — 1952) — сын Бэллы и Джо Стронга, впоследствии стал известным драматургом. Ч. Найдер посвятил ему свою публикацию самоанского дневника Фэнни Стивенсон.

свое сочинение, пока не вырастет, и тогда опубликовать его по примеру Рескина. Забыла вчера упомянуть, что прибыли три первых стула, изготовленные плотником из дерева с нашего участка. Это дерево — разновидность красного. Джо по пути к зубному врачу заезжал к плотнику и проследил за тем, чтобы стулья как следует упаковали к приходу Пусси Уилсона и Сими. Сими уже довольно давно работает у нас. Это красивый человек с наружностью священника, высокий, слегка сутулый и очень сообразительный. Зато у Пусси вид отпетого головореза. Джо выждал порядочное время и затем повернул назад, чтобы поглядеть на них. Оба купались. Сими первый облачился в лавалава и поспешил навстречу Джо со словами: «Фуси плохой, не работай. Фуси всегда делай остановка; очень плохой Фуси».

Стулья получились хоть куда — очень удобные и красивой формы, совсем мало отличающиеся от образца, которым послужил стул грушевого дерева из таверны. Этому стулу лет двести. В резьбе отчетливо видны следы перочинного ножа мастера, но это ничего не портит.

Лафаэле в последнее время разленился. Подозревая, что он отлынивает еще больше, когда я не могу его видеть, я позвала его и спросила, о чем это он думает, пока дремлет да покуривает в Хантерс рест *note 114*, куда он водит поить лошадей. После этого я задала ему на завтра работу — разобрать крышу и стены у лошадиного сарая и заменить их живой изгородью из деревьев фуафуа. Он стал отговариваться, доказывая, что уход за коровами и лошадьми не оставляет ему ни одной свободной минуты.

— Послушай, Лафаэле, — сказала я, — ты думаешь я такая глупая? Подзорную трубу видал? Так вот: я смотрю в подзорную трубу.

На самом деле я не могла бы увидеть в Хантерс рест ничего, кроме верхушек кокосовых пальм. Однако уличенный Лафаэле повесил голову.

— Я больше так не делай, — сказал он. — Ты теперь смотри: Лафаэле работай хорошо.

Я отрядила ему на помощь Сими, и в этот день они прекрасно поработали. Фуси до сих пор считает унизительным работать под началом у женщины. Сегодня вместо того, чтобы вырывать сорняки, он срезал их под корень большим лесным ножом. Когда я подошла и отобрала нож, физиономия его приняла самое свирепое выражение, и он ничуть не смягчился при виде прекрасного плода манго, из тех, что нам на днях принесли миссионеры. А я тогда заметила, что он с завистью глядел на фрукт, который я ела.

Ллойд до сих пор совсем болен после своего путешествия вдоль границ усадьбы. Бэлла сшила маленький дождевик для Остина, который пожелал себе к рождеству такой подарок, и я сегодня пропитывала его маслом. Мы купили немного самоанского меду; по вкусу он больше всего похож на жженую патоку. Если найдется кого послать, у меня будут два пчелиных роя. Сейчас всех людей поглощают дорожные работы, так что трудно получить что-либо из города.

Фэнни. 23 декабря

Провела почти целый день в новой квартире Хаггарда в бывшем доме Руги. Здесь очаровательно. Но воздух душный и губительный. Ллойд и Льюис признались, что у них были сомнения, правильно ли мы поступили, купив вместо этой усадьбы Ваилиму. Но теперь они успокоились, потому что место это действительно очень нездоровое. Я потому и возражала против покупки, что тут умерло столько народу.

В дом попадаешь сквозь высокую арку, запирающуюся массивными железными дверями, и все окна тоже зарешечены. В этом доме у нас могли бы быть залы для балов и спектаклей, не говоря уж об отдельном флигеле для Бэллы и коттеджах для прислуги, о просторной художественной студии, конюшнях и т. д. Как раз под нашими окнами коттедж,

Note114

Небольшая близлежащая ферма, которую Льюис взял в аренду.

подходящий для устройства бильярдной. Там жил мистер Даудни, а сейчас дверь опечатана, предполагают, что несчастный Даудни погиб за шестьдесят дней до того, как появились эти печати. Он уехал, кажется, на остров Роз *note 115* на маленькой шхуне, такой валкой, что при сильном ветре приходилось сносить вниз все цепи и прочие тяжести. Капитан был пьян, когда отплывали, и вез с собой еще выпивку. Прежний капитан отказался от управления шхуной из-за ее ненадежности. Разумеется, остается слабый шанс, что пассажиров выбросило на берег в таком месте, откуда они просто не могут прислать весточку Ужасно еще, что на этом судне погибли трое детей-полукровок. Старшая сестра, опасаясь инфлуэнцы, отправила их из Апии без ведома отца.

Фэнни. 24 декабря

Прошлым вечером Льюис ездил повидаться с мистером Кьюсэк-Смитом. Пока он был там, Асаи и еще один вождь приходили прощаться. Они собрались в поход примерно с полутора сотнями вооруженных людей, чтобы взять в плен женщин, детей и стариков — приверженцев Матаафы. По этому поводу много волнений. У такого предприятия не может быть иной цели, кроме как спровоцировать Матаафу на выступление. Тогда военный корабль сразу же обстреляет Малие. Талоло, который приходил по делу, говорит, что Матаафе все это известно.

Фэнни. 25 декабря

Рождество. Прачки принесли подарки — тапу и опахало. Генри явился с корзинками и тапой, служанки Фануа — с тапой и шерстистой циновкой и другой, очень ценной старинной циновкой из ее приданого. Она тонкая и мягкая, как шелк, почти коричневая от возраста, с немалым количеством дыр, что подтверждает ее древность и ценность.

Генри просил совета — специально ради этого приехал с Савайи. Он своими глазами видел письмо короля, призывающее всех подданных быть готовыми к войне и приказывающее брать в плен семьи противника.

— Что же мне делать? — спросил Генри.

Вероятно, он считал, что получит совет сражаться за Матаафу; он позже говорил мне, что обитатели Ваилимы всюду слынут сторонниками Матаафы. Льюис в согласии со мной сказал, что он должен выступить со своими и поскольку они преданы королю, то и он должен защищать законного правителя.

— Я и сам так думал, — сказал Генри с явным облегчением.

Но ему нужно было еще посоветоваться. По его словам, в приказе упоминается, что люди сами должны найти себе оружие и патроны.

— А у меня ничего нет, — добавил Генри, горько усмехаясь.

Револьвер — вот чего он добивался.

— О, я куплю тебе револьвер, — необдуманно сказал Льюис и тут же вспомнил, что по английским законам не может этого сделать.

Конфликт Генри с соседом благополучно улажен по способу, предложенному Льюисом. Генри попросил разрешения опять прийти к нам за советом в случае каких-нибудь смутных событий. Разумеется, он не слишком обрадован тем, что его посылают против младенцев и стариков.

Вошел Сими с письмом. «Ну как, Сими, — сказала я, — собираешься воевать с детишками?» Мне приятно думать, что он будет повторять эту фразу в разговоре с каждым встречным самоанцем. Талоло рассказывает, что солдаты простояли в Танунгаманоно всю ночь, а около шести утра он видел, как за поворотом нашей дороги они промаршировали в

Note115

Роз — маленький необитаемый остров, самый восточный в архипелаге Самоа.

Апию.

Сегодня мы с Ллойдом, облокотившись на перила балкона, наблюдали за двумя красивыми самоанками. Одна из них почему-то выбрала этот момент, чтобы переодеть лавалава. Одно движение — и она оказалась в чем мать родила. Какой-то инстинкт заставил ее поднять глаза, и, надо сказать, она была несколько смущена. Но не меньше смущена была я сама.

Когда Джо в первый раз приехал на Самоа, его пригласила на пикник одна местная леди. Явившись туда, он обнаружил, что он единственный мужчина среди целого общества местных красавиц. Сообразно случаю все они были нарядно и тщательно одеты. Внезапно начался дождь, и каково же было удивление Малоси *note 116*, когда на его глазах все эти элегантные леди стащили с себя платья через голову и вручили их старой женщине, которая поспешно захихала сброшенные одежды в большую калебасу *note 117*. Довольные тем, что их наряды в безопасности, юные леди стали рвать листья и одеваться по примеру прародительницы Евы.

Поутру мы получили записку от Джо и Бэллы, что наши люди в диком восторге от рождественских подарков. В Апию мы с Ллойдом шли необычным путем, переправившись через реку вброд возле плантации Хуфнагеля. Затем мы пересекли широкий пустырь, и тут Ллойд окликнул меня: «Погляди, какая птица!» Прямо перед нами на низком пне сидела большая белая сова. Когда мы подошли к ней вплотную, она медленно повернула голову и несколько мгновений пристально глядела на нас большими мрачными вопрошающими глазами. Она очень походила на аиту. Может, это и был аиту? Я рассказала эту историю Льюису, а он вспомнил, что собирался поведать мне о существе, которое видел в своем кабинете. Это была одна из тех гигантских ярко-розовых бабочек, чье сердце, или что там у них внутри, когда их поймашь, так сильно колотится об вашу руку, что можно его слышать. Льюис не переносит их вида из-за полосок, напоминающих скелет. По-моему, это разновидность мертвой головы. Несчастное создание вознамерилось сжечь себя на лампе.

Я давно уже не пытаюсь спасти обыкновенных мотыльков от их всегдашней судьбы, но, если мотылек величиной с колибри, невозможно спокойно смотреть, как он кидается навстречу ужасной смерти. Когда маленькие мотыльки опалят себе крылья, их нетрудно прикончить, но надо быть очень хладнокровным, чтобы наступить ногой на такую бабочку, как розовая мертвая голова. Экземпляр, о котором рассказывал Льюис, все время ускользал от него и в конце концов свалился под стол. Льюис встал на колени, чтобы посмотреть, куда делась бабочка, и, к своему удивлению, увидел, что стол как будто горит. Эта огненная точка при ближайшем рассмотрении оказалась глазом насекомого.

Примерно в пять часов мы отправились обедать к мистеру Мурсу. Как обычно, все веселились до упаду. Никто не понимает, что именно делает приемы у мистера Мурса такими веселыми, но факт остается фактом. Кроме обеих наших семей, за обедом был только один посторонний человек — приезжий с Савайи. Но к вечеру подошел еще народ, среди них мистер Уиллис со своей обаятельной женой Лаулии и Фануа, обе весьма удачно одетые в платья папаланги *note 118*. Льюиса и Джо попросили сыграть на их дудках. По ошибке Льюис взял не ту, но они все равно играли, по крайней мере то один, то другой, а временами даже оба вместе. В жизни не слышала худшего исполнения. Потом Бэлла, которую заставили

Note116

Малоси (самоанск.) — сильный, силач. Так самоанцы называли Джо Стронга.

Note117

Калебаса — сосуд из большой тыквы (*Lagenaria siceraria*). Такие сосуды широко применялись в Океании для хранения одежды, съестных припасов, воды и т. д.

Note118

Папаланги (самоанск.) — потрясатели небес. Так островитяне называли чужеземных пришельцев, потрясших самые основы самоанского жизненного уклада.

декламировать, прочитала несколько стихотворений Льюиса. Мисс Мурс тоже продекламировала, действительно очень хорошо, «Рождество на море» Льюиса, а Остин оглушительно и с большим жаром выпалил «Лочинвар» *note 119*. Мило танцевала маленькая Миранда Мурс, а потом миссис Гэрт и миссис Уиллис пели и танцевали на самоанский лад. У миссис Уиллис превосходный голос, и пела она с большим чувством. Они показали сидячий танец и танец с дубинками. Сидячий танец местами сопровождался разбойничьим выкриком, который миссис Уиллис воспроизводит с полным воодушевлением, но без всякой вульгарности. Фануа в этом месте взвизгивала. Две служанки отбивали такт по полу. Фануа и Лаулии, обе были «девами деревни». Фануа рассказывает, что обычно танцевала под пение девяти девушек, одной из них была наша Фааума.

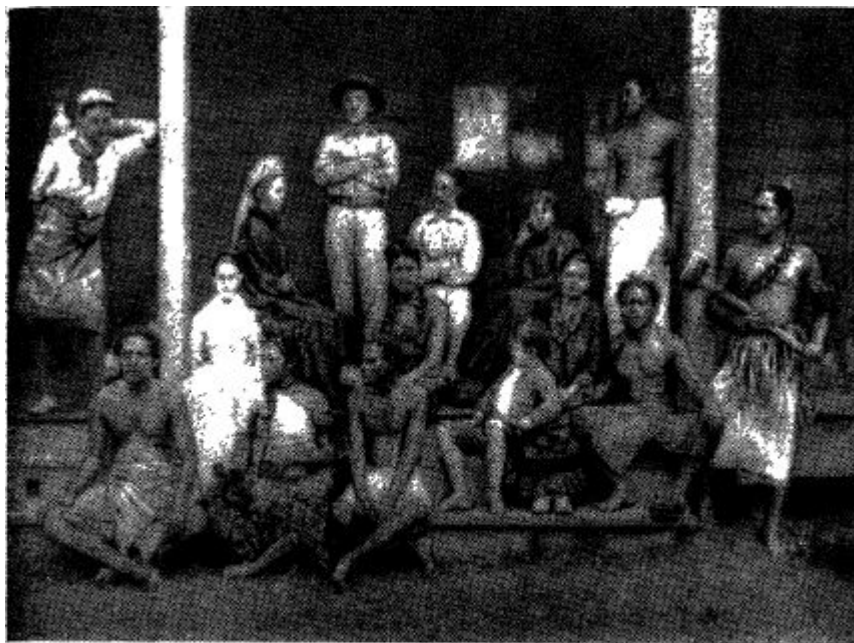
Вечером, около десяти, гости разошлись. Я отправилась босиком, потому что собирался дождь.

Фэнни. 26 декабря

Наши лошади прибыли рано, и кобылку, как я предполагала, послали к Мурсам для Бэллы, которая осталась там ночевать. Мы возвращались через болото, потому что перебираться через реку вброд у устья меня мало прельщает. Тут я почувствовала что-то странное в лошади, на которую взобралась почти не глядя. Оказалось, что подо мной кобылка, подаренная вчера Бэлле! Следовательно, ей послали «консульского» Гарольда. Она взберется в седло, как я, не поглядев на лошадь, и с Остином за спиной пустится в путь, причем это ее первое самостоятельное путешествие верхом! Кое-какие штучки Гарольда (вообще-то он безобиден) могут напугать ее до смерти, и она свалится под копыта, во всяком случае ей предстоит ужасная, отравленная страхом поездка. Трудно было предугадать ее действия после того, как она обнаружит, что сидит на незнакомой лошади. Я не знала также, как Гарольд воспримет бесплатное приложение в виде Остина. Но повернуть назад означало бы потерять столько же времени, сколько требовалось на оставшуюся часть пути. Мы неслись таким галопом, словно спасали свою жизнь, по грязи, по воде и через лес. Льюис поскакал к Мурсам и, по счастью, приехал вовремя, чтобы остановить Бэллу. Я продолжала путь в Ваилиму под сильным дождем, вымокнув до нитки. Я очень тревожилась за Льюиса. В последний момент, когда я его видела, он держался за бок, видимо почувствовав симптомы приближающегося кровотечения. Однако эта история не причинила ему вреда.

Note 119

«Лочинвар» — баллада из пятой песни поэмы Вальтера Скотта «Марнион».

Члены семьи и слуги на крыльце дома в Ваилиме.
Слева направо: Джо Стронг, Аувеа (работник с плантации),
Мэри Картер (служанка миссис Стивенсон), миссис М. И. Стивенсон,
Элена, Ллойд Осборн, Аррик, Талоло, Роберт Льюис Стивенсон,
Остин Стронг, Фэнни Стивенсон, Балла Стронг, Сими (стюард),
Лафаэле и Томаси

Все были счастливы, очутившись снова в милой Ваилиме. Талоло, наш деликатный Талоло, признался, что в рождественскую ночь у мистера Мурса выпил лишнего (мы посылали его к мистеру Мурсу помогать за столом) и, когда вернулся домой спать, напугал всю семью.

— Два раза потеряй лавалава, — сказал он.

Галстук его пропал. Мать Талоло так его испугалась, что убежала ночевать к соседям. Фактически от него сбежала вся семья, Говорят, что пьяный самоанец очень опасен.

Балла спросила Талоло, где он взял столько спиртного.

— Повар мистер Мурс, — сказал он, — давай мне вино и пиво, а потом старая миссис Мурс поставил две бутылки шампанского.

Любопытно, что сказала бы эта окаменевшая, заледеневшая старая дама в синих лентах, услышав, как ее обвиняют в том, что она «ставит шампанское». Несомненно, комичность этого предположения побудила повара записать свою кражу на счет старой леди, с которой он на ножах.

Фэнни. 28 декабря

Вчера Генри приходил прощаться и после всяких вокруг да около сказал, что хочет взять Сими с собой на Савайи. Это был удар, так как Сими один из лучших наших работников. Вдобавок Джо поссорился с Фуси, который с тех пор не появлялся. Вечером я спросила Сими:

— Итак, ты уезжаешь на Савайи?

— Нет! — выкрикнул Сими. — Нет Савайи! Останься Ваилима!

— Мистер Стронг будет рад это слышать, — сказала я. — Он очень жалел, что теряет своего лучшего работника на плантации какао.

Этим утром Джо поручил Сими сделать кое-какие посадки, и, по его словам, он сам не мог бы сделать их быстрее и лучше Сими. Несомненно, тот хотел показать, что похвала не была напрасной.

У Талоло в помощниках человек с Фиджи. Его зовут Томас. В первый день здесь он помогал при посадке и, воспользовавшись случаем, заверил меня, что он не какой-нибудь

простой самоанец или презренный тонганец.

— Я не Самоа, не Тонга — я Фиджи. Я не немецкий, нет, я, — и тут он гордо ударил себя в грудь, — я Англия!

Внешне это вполне привлекательный юноша, только глаза у него чересчур широко распахнуты, как бывает у ненормальных. Надеюсь все же, что его мозги в порядке.

Вместе с почтой из Сан-Франциско прибыл «Таймс» с передовицей, посвященной письму Льюиса об истории с динамитом. Похоже, что с президентом действительно покончено. Статья в «Таймсе» очень толковая и остроумная.

Сегодня Льюис с Ллойдом ездили в город и успели домой вовремя к обеду. Ллойд приехал первым, прихватив с собой Фануа. Я передала ей со слугой, который приносил от нее записку для Бэллы, рождественский подарок — белое вышитое платье, в самом деле очень красивое. Я послала ей лучшее, что у меня было. Она рассказала, что мистер Гэрр уже может есть ложкой. До сих пор ему приходилось сосать через соломинку.

Прервала запись, почувствовав, что лошадь вырвалась из загона. Я в этом никогда не ошибаюсь. Это оказался жалкий жеребец Генри. Говорят, если лошадь съест хотя бы один листик с куста, растущего перед домом, она тут же упадет замертво. Но по-моему, тот негодяй сожрал уже несколько целых кустов и готов съесть еще. Я вышла под дождь позвать Лафаэле. Все спали. Я тихонько окликнула его, но проснулась только Фааума. «Лафаэле», — сказала она ему прямо в ухо. «А?» — отозвался он испуганным сонным голосом и тут же добавил: «Да, мадам, что угодно?» — с полным добродушием, уверенный, что его могут будить только по моему требованию. Он больше не заговаривает о поездке на Тонга. Я думаю, Фааума пресекла это.

Фэнни. 31 декабря

Бэлла отправилась на бал-маскарад, который должен был состояться в день рождения принца Уэльского, но много раз переносился из-за инфлуэнцы. Льюис тоже поехал, но сразу же вернулся с сообщением, что ожидается ураган. Мы поставили все ставни, и они кажутся надежной защитой, но в доме темно и душно.

1892 год

Фэнни. 1 января

Ветер все крепчает. Днем вдруг со страшным треском рухнуло большое дерево и еще несколько деревьев поменьше. В атмосфере какое-то странное веселье. Работники стоят группками, с улыбкой на лицах, и, когда что-то падает, издают ликующие крики.

Льюис. 1 января

30 декабря я, представь себе, отправился с Бэллой на бал-маскарад. На побережье обнаружилось, что барометр упал ниже двадцати девяти дюймов *note 120*. Ветер по-прежнему устойчиво дул с востока, но в подветренной стороне собрался обширный и грозный массив туч и тумана. Мог начаться ураган. Я не рискнул оказаться отрезанным от работы и, покинув Бэллу, тут же повернул назад в Ваилиму. Весь следующий день — вчера — бушевал ветер. Вставили защитные ставни. Я сидел у себя при лампе и писал — целых десять страниц, с вашего разрешения, семь из них — конспект, и среди этих семи большая часть добыта не менее чем из семи разных и противоречивых источников. В общем

Note120

29 англ. дюймов = 736,6 мм .

потрудились на славу. Днем, часа в два, примерно в шестидесяти шагах от дома упало огромное дерево, а чуть погодя и второе. После чего мы послали ребят с топорами срубить третье, стоявшее слишком близко к дому и гнувшееся, точно удилище... Буря продолжалась всю ночь; поутру веранда была до половины завалена ветвями, сорванными с деревьев в лесу. Около шести пронесся последний бешеный шквал; дождь, как густой белый дым, со скоростью пули залпами мчался мимо дома со странным резким свистом, какой я до сих пор слышал только на море и привык считать чисто морским явлением. С тех пор ветер стал слабее и налетает редкими шквалами, но дождь почти не прекращается. Для лошадей наша дорога непроходима. Говорят, что затонула шхуна и разрушено несколько туземных построек в Апии, где Бэлла до сих пор в плену. Счастье, что я вернулся, пока было можно! Но главная удача вот в чем: погибло много хлебных деревьев и бананов; если это коснулось всех островов, неизбежен голод; и, следовательно, кто бы ни раздувал угли, война невозможна. Ты спросишь: неужели я предпочитаю голод войне? Не всегда, но сейчас определенно. Я уверен, что самоанцы не хотят войны, уверен, что война не принесет выгоды никому, кроме белых чиновников, и я убежден, что мы легко справимся с голодом, во всяком случае это вполне осуществимо. А у нашей администрации была бы полная возможность искупить свои прежние ошибки.

Льюис. 2 января

Проснувшись поутру, я обнаружил, что буря совсем улеглась. Небо грязно-серое; даже на востоке никаких красок. Подо мной склоны, окутанные прядями тумана, синего, как дым; даже на самых высоких деревьях ни один листочек не дрогнет. Только видно, как внизу, за три мили отсюда, пеной рассыпаются одинокие волны, ударяясь о рифы, и слышно, как нарастает их объединенный рев. Он все усиливается, и теперь, в час дня, напоминает шум оживленной улицы под окном.

Фэнни. 2 января

К вечеру прогремел гром. Значит, буря кончилась.

Фэнни. 3 января

Ветер и дождь порывами, но не хуже. Решено, что Ллойд должен отдохнуть, и он едет в Сан-Франциско.

Фэнни. 4 января

С утра расчищали дорогу и после обеда послали за Бэллой. Джо сажает какао. Вечером мне вдруг сообщают, что паренек с Фиджи (он сейчас работает на кухне, но, когда требуется, помогает на посадках какао) и Сими харкают кровью. У фиджийца, по-моему, пневмония, а у Сими, который слегка сутулится и говорит сдавленным голосом (по-моему, это плохие признаки), должно быть, лопнул небольшой сосуд. Я ужасно рассердилась, узнав, что еще прошлым вечером прачка забрала у обоих одеяла, чтобы на них гладить, и не вернула до сих пор. И вот бедняги, оба больные, провели эту по-настоящему холодную ночь, не имея даже нитки, чтобы прикрыться, так как их лавалава совершенно промокли под дождем. Фиджийца я не нашла, но Сими сам пришел за помощью, по-видимому порядком встревоженный. Он, кажется, решил, что его считают умирающим, когда услышал, что мы расспрашивали о симптомах его болезни. Льюис, простукав и выслушав легкие Сими, нашел место, где звук был глуше, и поставил туда банку. Сими, отчасти с подлинным, отчасти с наигранным ужасом, опустился на пол, прислонясь спиной к каким-то кирпичам и корзинкам для рассады какао. К этому времени вокруг собралась вся наша семья и большинство туземцев, что еще

усилило его панику. Принесли зажженную свечу и показали Талоло, как обращаться с банкой, потому что мы хотели, чтобы Сими еще подержал ее, когда вернется к себе. Но надо было поглядеть на Сими, когда он обнаружил, что банка наполовину заполнилась его телом. Все расхохотались, а Сими еле слышно пробормотал что-то. В переводе оно могло означать: «Вам-то хорошо, а как я теперь избавлюсь от этой штуки?»

— Тебе ведь не больно, Сими? — спросил Льюис.

Это настоящая медицинская банка с выпуклым дном и каучуковой грушей для откачивания воздуха. Однако Сими, косясь на нее с таким видом, точно это ядовитая змея, заявил, что боль ужасная. Тогда банку сняли и для обучения Талоло стали ставить ее на грудь всем прочим, к их великому удовольствию. Затем банку снова поставили Сими, который при этом так обмяк, что под его тяжестью посыпались кирпичи. В конце концов вся компания, подхватив Сими, потащила его в постель, крича, смеясь и приплясывая на ходу.

Фэнни. 5 января

Весь день собирала Ллойда в дорогу. Льюис ездил в город и вернулся без лошади; она исчезла, когда стояла на привязи перед домом Хаггарда. Кстати, Хаггард вернулся. Талоло принял в подарок своей семье лошадь Генри, причем я постаралась внушить ему, что, если лошадь появится здесь снова, она будет тут же пристрелена. Семья Талоло довольна, а мы вздохнули свободно.

Фэнни. 6 января

Продолжались сборы. Джо сажал какао. Льюис поехал в Апию и Ллойд тоже, но с ночевкой, чтобы быть уже на месте, когда утром придет почтовый катер. Льюис вернулся на лошади Мэри Хэмилтон *note 121*, потеряв на этот раз мою. Я послала ребят при лунном свете искать моего Гарольда, и они, торжествуя, привели его. «Консульская лошадь — хорошая лошадь», — говорит Талоло.

Фэнни. 7 января

Утром чувствовала такую слабость, что Бэлла одна отправилась провожать Ллойда. Джо лопаётся от гордости: сегодня он посадил тысячное дерево. Из-за бури пароход опоздал и пришел только во второй половине дня. Тогда мы с Джо вскочили на лошадей и со всей скоростью, которую позволяет дорога, помчались в Апию. Подъезжая, слышим второй гудок и с безумством отчаяния начинаем искать лодку. Но все, что может плыть, уже возле парохода. Тут мы замечаем американского консула, как раз входящего на один из причалов.

— Мистер Блэклок, ссудите мне вашу лодку! — кричу я. Еще минута — и мы несемся по волнам с развевающимся над головой американским флагом. Проходя мимо немецкого военного корабля, видим, что там проводят занятия по стрельбе в цель, направляя свои снаряды прямо через гавань. Путь весьма опасный, но у нас нет времени на обход. Едва мы проскочили, позади просвистел снаряд. Пароход еще не снялся с якоря, и мы с шиком проплыли вдоль его борта. Внезапно и меня и Джо осенила одна и та же мысль: это мы задержали пароход, и там ждут предполагаемого послания консула. С парохода спустили трап, и в тот же миг мы увидели Ллойда, выбежавшего нам навстречу.

— Что делать? — спросил Джо со смущенной улыбкой.

— Удирать побыстрее, — ответила я. Мы повернули и помчались назад.

Бэлла, Фануа, Лаулии и мисс Мурс стояли у причала. Все они побывали на борту, так же как и Талоло, который упросил, чтобы его взяли провожать. Капитан с ним очень возился

Note121

Самоанка, вдова капитана Хэмилтона.

и поднес ему стакан шампанского со льдом. Для Талоло, который никогда в жизни не видел льда, это был великий день. На обратном пути за нами следовала целая толпа, слушавшая наивный рассказ Талоло о чудесах, увиденных на пароходе.

Вчера вечером до слуха Бэллы из комнаты слуг донеслась красивая и печальная песня. Она мимоходом заглянула в дверь. Все лежали под москитными сетками. Талоло произносил строфу за строфой, и потом все их пели.

— Что это за песня? — спросила Бэлла.

— Это песня, — сказал Талоло, — «Прощай, Лоиа» *note 122*.

— Какие же в ней слова? — допытывалась Бэлла.

Ей объяснили, что песню посылают во Францию поискать Лоиа, но его там нет.

— Тогда иди на Тонга, ищи его там.

— Но Лоиа нет и на Тонга.

— Тогда иди по всему свету, ищи Лоиа, а когда найдешь, дай ему приятных снов.

Фэнни. 8 января

Вместе с миссис Стивенсон провела кофейные деревья. Мы насчитали восемьдесят штук таких, которые совсем хорошо себя чувствуют, и еще двести двадцать шесть вполне можно высадить из питомника. Завтра после полудня надо будет взять у Джо часть людей.

Фэнни. 9 января

Сегодня к нам на ленч приезжали Мэри Хэмилтон и вождь высокого ранга, по имени Мамеа. Мамеа очень интеллигентный человек. Мы беседовали с ним о многом, в частности о нашем старом друге короле Тембиноке, о чьей смерти мы недавно узнали *note 123*. У него как будто был нарыв на ноге, который один из его врачей вскрыл нечистой рыбьей костью, отчего получилось заражение крови и Тембинока умер в мучительной агонии. Умирая, он распорядился, чтобы Поль занял его место, а Симон был регентом. «Том Уайт» теперь у Симона премьер-министром. Тембинока наказал Полю, чтобы его похоронили в земляном полу в центре нового дома, где будет жить этот маленький король. Мне кажется, я слышу его слова: «Так лучше. Пусть боятся». Он думал, что при этом Поль будет в большей безопасности.

Мы хотим вызвать сюда бывшего управителя Тембиноки (Ребама). Когда мы были у Тембиноки в последний раз, Ребам приходил ко мне и просил взять его с собой. Он спрашивал еще, разрешу ли я ему жить у нас на Самоа, если он сбежит туда на каком-нибудь корабле. Я отказала, объяснив, что король наш друг и мы никак не можем в это вмешиваться. Ребам был слишком нужным королю человеком, и мне не хотелось, чтобы он его лишился. До Симона мне нет никакого дела, а маленькому гордецу — королю Полю Ребам ни к чему.

Мамеа выразил удовольствие, что видит нас всех в самоанской одежде. По его мнению, это хороший пример для местных женщин.

Фэнни. 11 января

Лучшее время дня провела за посадками кофе. Деревца выглядят хорошо, хотя некоторые саженцы Пауля погибли. Сими, который отправился с Джо в Апию подковывать лошадей, на обратном пути чуть не падал от слабости. Он продолжает выплевывать кровь.

Note122

Так самоанцы называли Ллойда Осборна.

Note123

См. прим. 46 к дневнику за 1890 г .

Его состояние меня сильно беспокоит. Он мне симпатичен, да и лучшего работника у нас еще не было. На кофейной плантации мне помогли Лафаэле и двое щуплых савайцев. За работой Лафаэле пересказал мне военные слухи, бродящие среди туземцев. Когда наш фиджиец подошел ко мне с каким-то делом, я увидела, что он начернил себе нос и провел черные полосы под глазами. По словам Лафаэле, теперь действительно начнется война, и, как он уверяет, первое сражение должно быть совсем близко от нас. «Вот, мадам, пожалуйста. Пусть мадам осторожно. Самоанский человек дерись тожесамом, как черт. Вот, пожалуйста, осторожно». В результате долгих расспросов я смогла понять из слов Лафаэле, что сторонники Малиетоа считают нас друзьями Матаафы и поэтому будут нам мстить. При первом удобном случае люди Малиетоа придут сюда и потребуют выдачи всех приверженцев Матаафы, чтобы расстрелять их. Лафаэле просил, когда начнется бой, отослать Талоло через лес в католическую миссию, потому что он первый, за кем будут охотиться. Думаю, что он прав. Если поблизости возникнут какие-то волнения, Талоло, вся родня которого за Матаафу, окажется или может оказаться в опасности.

Пока мы беседовали, где-то у горизонта вяло прокатился гром, напоминающий шум битвы. Следующий, более громкий раскат насторожил Лафаэле, который взглянул на небо с тревожным интересом. Не было видно ни облачка, никаких вспышек молнии я тоже не смогла заметить.

— Странно, — сказала я.

— Нет, мадам, — отозвался Лафаэле, — это правильно. Гром нет. Теперь приходи война. Гром нет. Черти подерись на небо. Теперь война приходи быстро.

Один из наших работников был очевидцем военных знамений. В деревне Фангалуа несколько человек заседали на совете в жилище женщины-вождя, как вдруг из-за дома выскочил угорь. Кто-то хотел поймать его, но другие закричали: «Не трогай! Он без головы!» Все в ужасе отшатнулись и наблюдали за тем, как угорь вернулся в воду, и, гляди-ка, голова была на месте, как положено.

Бэлла сегодня ездила купаться по приглашению Мэри Хэмилтон. Там было много молодых местных женщин, и все удивлялись и радовались тому, что Бэлла плавает не хуже них самих. Лаулии спросила, не полукровка ли она, иначе почему она такая смуглая? Они наказали ей передать, как они все мне благодарны. До нашего приезда самоанки, вышедшие замуж за белых, одевались по-европейски, если хотели быть принятыми в приличном обществе. К их удивлению и радости, я и все остальные женщины в нашем доме стали ходить в самоанской одежде. Но вершиной было, по-видимому, мое появление в обществе на рождество в очень красивом черном шелковом холаку с вышивкой на рукавах и кокетке. После этого мужья сняли табу, и теперь многие здешние леди завели нарядные шелковые платья, сшитые в изящной местной манере. Корсеты должны быть пыткой для бедняжек, и большинство самоанок из-за этого варварского европейского обычая становятся лишь нескладными и неуклюжими.

Мэри Хэмилтон рассказывает, что однажды она вышла в Сиднее на улицу в туземном платье и за ней увязалась целая толпа мальчишек с криками: «Эй, глядите, тетенька в ночной рубашке». Но холаку всего-навсего старомодный сак, который весьма кстати был распространен в Англии в те времена, когда в Южные моря прибыли первые миссионеры. В нем просторно и прохладно, он придает изящество и поэтому так пришелся по душе островитянкам, что стал традиционной одеждой во всей южной части Тихого океана. Я очень рада, что невзначай совершила доброе дело *note 124*.

Бэлла получила записку от Кьюсэк-Смитов с просьбой одолжить им какую-нибудь

Note124

Холаку, навязанное островитянкам протестантскими миссионерами, заслуживает одобрения лишь по сравнению с громоздкой и неудобной европейской женской одеждой конца XIX в. Традиционные юбочки — почти единственное одеяние полинезийек, если не считать цветочных гирлянд и других украшений, — гораздо более соответствовали местному климату.

пьесу для любительского спектакля, причем, объясняя, почему не предлагают ей участвовать, они не пожалели труда и перечислили все причины, по которым Бэлла могла бы отказаться. Мне кажется, тактичнее было бы дать ей возможность сделать это самой. Из их поведения теперь и во время прошлого спектакля ясно, что они не хотят ее участия, и это странно, поскольку она играет много лучше остальных и спектакль имел бы верный успех. Может быть, миссис Кьюсэк-Смит боится, что Бэлла захочет лучшую роль, которую она всегда берет себе?

Фэнни. 12 *note 125*

Все утро сажала кофе и простудилась. Ветрено, дождь, барометр падает. Что ж, я приготовилась как могла. Все защитные ставни второго этажа покрашены, но те, что внизу, я не могла поднять, к тому же, чтобы добраться до их верхней части, мне понадобится лестница. Надо как-то изловчиться и сделать это поскорее, иначе они покоробятся. Джо пошел прилечь, оставив людей готовить корзинки с землей под семена какао, которые мы ожидаем послезавтра. Капитан Хуфнагель говорит, что у него для нас масса хлебных деревьев, если только фирма разрешит отдать их. Несколько дней назад я послала Талоло и Лауило за большими саженцами хлебных деревьев в лес. Они вернулись с пятью красавцами. После того как деревья благополучно посадили, Лауило поведал, что они выкопаны в одном самоанском саду, где не было никого, кроме старухи, сторожившей владения.

— Старуха много кричи, — сказал Лауило. — Она сильно злой. Но мы не слушай.

Мэри Хэмилтон обещала сходить к хозяевам сада и договориться, как возместить этот ущерб.

Сегодня вечером Льюис собирается начать занятия с теми из слуг, которые захотят учиться. Лафаэле и Лауило рвутся больше всех. Прибыло несколько несложных альбомов с картинками и хорошей бумагой для копирования. Они теперь у Талоло. У него большой вкус к рисованию, и он в восторге от подарка. Так стемнело, что почти нельзя писать.

Фэнни. 19 февраля

Много всего произошло с тех пор, как я записывала в последний раз. Ллойда, который, казалось, совсем выдохся, мы отправили в Сан-Франциско. Не успел он уехать, как, к моей большой печали, издохли его конь Макфэрлэйн и мой маленький Гарольд. Сначала Макфэрлэйн, за ним Гарольд. С последним рейсом «Арчера» с Абаианга *note 126* приехали капитан Тирни и Лиззи, его жена. Они несколько раз были у нас. Все влюбились в Тирни. В последний свой приезд на прощание он заставил всю нашу семью усесться на веранде, чтобы унести в памяти общий портрет.

У нас теперь служит чернокожий паренек, по имени Аррик, которого мы наняли у немецкой фирмы *note 127*. Мы надеемся обучить его стирке. У него добродушная, сияющая черная физиономия, блестящие глаза и белые зубы. Джо прозвал его Эмблемой Чистоты, что сокращенно превратилось в «Эмблему».

Note125
января

Note126
Абаианг — один из атоллов архипелага Гилберта.

Note127

Меланезиец Аррик родом с Новых Гебрид появился в Ваилиме после бегства с немецкой плантации, полумертвый от голода и истощения, с рубцами от ударов кнутом на спине. Стивенсоны выкупили его у немецкой фирмы, с которой он был связан трехлетним кабальным контрактом, и выходили его. Аррик стал в Ваилиме всеобщим любимцем.

Сегодня после обеда Льюис что-то читал вслух, как вдруг его внимание привлек темнокожий человек, стоящий на лужайке под проливным холодным дождем. На вопрос: «Что ему нужно?» — он ответил: «Остаться здесь». Мы позвали его на веранду и стали расспрашивать дальше. Выходило так, что это беглец, который некоторое время скрывался в лесу. Там его нашел мясник Дайнс и взял к себе, а теперь он удрал от Дайнса. Бродя по лесу, он, по его словам, встретил еще одного сбежавшего работника фирмы.

— Где же он? — спросили мы.

— Прячется за садом у калитки, — такова была суть ответа.

Привели второго. Тот оказался чернокожим юношей дерзкого вида, но страшно напуганным. Странно было видеть, как нос на коричневом лице первого побелел от волнения. Мы оставили их ночевать, и наши повара побежали согреть для них чаю и приготовить еду. Я дала им также сухой материи взамен остатков мокрых тряпок, обматывавших их бедра.

Боюсь, что повара погубят Аррика — чернокожего, попавшего к нам законным путем. Они отвели ему почетное место за своим столом, и он поглощает большую часть всей еды. Талоло и Лауило, эти двое мягкосердечных, стоят за его спиной и стараются впихнуть в него побольше. Они едят до нас, и, когда Аррик появляется в столовой, чтобы помочь за обедом, желудок его так набит, что кажется, будто у него в этом месте опухоль. Двое беглецов очень беспокоят меня. Оставить их у себя мы не можем, но не хватает духу предать их.

Фэнни. 20 *note 128*

Лауило сообщил мне, что его знакомый нашел в лесу позади свиного загона останки человека. Когда этот знакомый позже зашел к нам, Льюис попросил его показать место. Действительно, там оказались кости человека — чуть повыше моей кофейной плантации. Но что странно — среди них целых два черепа. По-видимому, то скелет воина, который отрезал голову врагу, будучи сам смертельно ранен, и потом уполз в лес, чтобы умереть со славой. Льюис хочет поставить камень над его могилой.

Льюис. 25 марта

Одному богу известно, какой сегодня день. И мне тем более стыдно, что как раз пришло твое письмо, притом написанное не где-нибудь, а именно в Борнемуте — о, добрый старый Борнемут! — и что ты выражаешь радость по поводу моих писем, за которую я хотел бы отплатить письмом подлиннее. Итак, что здесь происходит? Целое море событий — запутанных, утомительных, незавершенных, бесформенных; масса времени растрачена впустую; множество разъездов взад-вперед, и мало что доведено до конца или хотя бы до середины.

Позволь обрисовать тебе наш живой состав на данный момент. Шестеро рабочих на плантациях; шесть душ в доме. Повар Талоло сегодня наконец возвращается из отлучки, ради чего я потратил около двенадцати часов на поездки и, полагаю, часов восемь на совещания в торжественной обстановке... Стюардом теперь Лауило. Оба они превосходные слуги; у нас был званый ленч по случаю захоронения найденных костей самоанца, и поверь, что все было на высоте, хотя мы сами ни во что не вмешивались. Еда была хороша, вино и блюда подавались как по часам. Помощник стюарда и прачка — Аррик, чернокожий с Новых Гебрид, которого мы наняли у немецкой фирмы; он не так безобразен, как большинство из них, но и красавцем его не назовешь; не глуп, однако и не Критон. В первое время он так много ел, дорвавшись до хорошей пищи, что живот у него прямо торчал. Помощник повара — Томаси, родом с Фиджи, высокий и красивый, двигается как марионетка, с неожиданными

прыжками, и так же неожиданно таращит глаза. Далее, прачка и регент нашего хора — Елена, жена Томаси. Это наше слабое место. Мы стыдимся Элены. Кухня краснеет за нее. Ее присутствие вызывает ропот. На первый взгляд у нее все в порядке — недурная лицом, рослая молодая женщина, скромная, деятельная, с превосходным вкусом по части гимнов. Послушал бы ты, как истово она пела на днях, подчеркивая ритм! Ты не понимаешь, в чем же тогда дело? Дай-ка твое ухо, но гляди, чтобы не проведали газеты! У нее нет знатной родни. Никакой, говорят они; одним словом, совсем простая женщина. Конечно, у нас есть работники с других островов, может быть тоже простолюдины; но мы оставляем за ними преимущество неопределенности, что невозможно для Элены из Ваилимы; это наше пятно, оспина на нашем лице. Как я уже сказал, эта оспина — наш регент. В самоанском хоре всегда запекает женщина; мужчины, которые вторят, вступают через один-два такта. Бедная, милая Фааума, не отличающаяся целомудрием, эта Ева, изгнанная из рая, знала лишь два гимна, а Елена, по-видимому, знает весь молитвенник, и соответственно утренние молитвы проходят гораздо оживленнее.

И наконец, пастырь скота — Лафаэле. В его ведении: мой совершенно преобразившийся Джек, теперь на нем ездит жена, и он смирен, как докторская кляча; тифанга Джек — пегий конь, которого моя матушка купила у бродячего цирка; кобыла Бэллы, впавшая в детство или близкая к этому (черт бы ее побрал!); Мусу, что мне на днях забавно перевели, как «которая не хочет» (буквально — «сердитая»), но употребляется всегда с оттенком упрямства и строптивости), — маленькая шоколадная с белой звездочкой на лбу лошадка Фэнни. На этой лошадке в последнее время ездил я, чтобы остепенить ее. Она не то что с норовом, но неприученная, капризная, беспокойная и требует, чтобы ею занимались и ублажали ее, и последняя (из верховых лошадей) — Луна (ее имя происходит не от латинского названия светила, а от гавайского «надсмотрщик», но произносится одинаково) — тоже хорошенькая маленькая кобылка, но ее едва ли удастся обломать: уж очень брыклива. Ездить на ней можно только с пастушеским бичом, и по возвращении вся спина ее расчерчена, как шотландка.

Далее, две лошади из упряжки, которые используются теперь только как вьючные; две коровы, одна из них вот-вот должна отелиться (надеюсь, что завтра), и третья — джерсейская корова, чье молоко и характер равно вызывают восхищение — она дает фермеру хороший моцион, а потом освежает его сливками; двое телят — бычок и телка; бог знает сколько кур и уток, и бьюсь об заклад, что даже он не знает, сколько кошек. Итак, двенадцать голов: семь лошадей, пять коров. Не есть ли это Вавилон великий, что я построил? Можешь звать его Сабпрайорсфордом.note 129

В течение марта Льюис работал над «Дэвидом Бэлфуром». Кроме того, как обычно, время заполняли встречи с вождями, несколько праздников и множество политических сплетен. В начале апреля в Ваилиме разыгралась любопытная домашняя драма, касающаяся Талоло и Фааумы, жены Лафаэле, в результате которой Фааума бросила мужа, а Талоло был уволен. Попробовали нового повара Дэвида, но он оказался неподходящим. Через несколько дней Лафаэле помирился с Талоло, и тот возвратился в дом, к большому облегчению Стивенсонов, жалевших об уходе хорошего повара. Однако Фааума отказалась вернуться к Лафаэле.

7 апреля был день рождения Ллойда, и это событие отмечалось на местный лад. Двое туземных юношей обвили его голову, шею и талию гирляндами цветов. Обеденный стол был также украшен горами венков. В центре помещалось коронное блюдо — жареный поросенок с алым цветком гибискуса на лбу и двумя зелеными гирляндами вокруг толстой туши. Примерно через неделю после этого наступила небывалая жара, которая всех измотала. 16-го

Note129

Сабпрайорсфорд — шуточное название, намекающее на название имени Вальтера Скотта — Эбботсфорд. Эбботт (аббат) — настоятель монастыря, сабпрайор — помощник настоятеля. — Прим пер.

Джек-циркач был найден мертвым. В тот же день попозже Ваилиму посетил сам Малиетоа в сопровождении Лаулии как переводчика и трех солдат, одетых в белые мундиры и панталоны и вооруженных винтовками и байонетами. Малиетоа также был во всем белом и в желтых кожаных крагах выше колен. «Король» остался на ленч и пил каву с Льюисом в знак добрых отношений. Во второй половине дня Льюис отправился в Апию встречать пароход с Редьярдом Кипплингом, но Кипплинг не приехал, и таким образом связь между ним и Льюисом осталась чисто эпистолярной.

Фэнни. 30 апреля

Не представляю себе, как навестать пробел в моем дневнике. Столько всего случилось с тех пор, как я записывала в последний раз. Захоронили кости, найденные в лесу. На эти похороны, устроенные в ближайшее после находки воскресенье, приезжали мистер Сьюэл со своим отцом и мистер Хаггард. Кости были уложены в ящик, могила вырыта и после ленча все мы отправились процессией в лес. Льюис произнес речь, а вслед за ним выступил мистер Сьюэл-младший, но менее красноречиво, чем обычно. Он выразил надежду, «что мы еще не раз встретимся по такому же поводу». Потом мы повели их осматривать плантации. В самом начале леса Джо расчистил места на берегу ручья, и там нас ждал стол, накрытый скатертью, а на нем бокалы, пиво, молодые кокосовые орехи и очищенные апельсины. Вокруг стола стояли скамьи, застланные свежей листвой. Те из наших людей, кто из суеверия не решился пойти на похороны, и группа чернокожих с чужой плантации, навещавших Аррика, с венками на головах поджидали здесь, чтобы обслужить нас. Перед тем как разошлись, мистер Хаггард тоже произнес речь, несколько более удачно, чем консул.

Были всякие неприятности со слугами, и мы расстались с Лауило, не знаю, к счастью или к несчастью. Взяли назад Талоло. Лафаэле был уволен и тоже снова принят в дом. Прачкой стала Элена, жена Томаси. У Сими было кровохарканье. Теперь он делает работу Лауило. Он держится очень гордо, старается угодить, но пока еще неумелый.

Белая корова принесла теленка, а бедный «циркач» погиб. Я привязала остальных лошадей снаружи, чтобы дать траве подрасти, оставив циркового Джека одного в маленьком загоне. Миссис Стивенсон обиделась, решив, что за оградой лошади получают лучшую траву, и настояла на том, чтобы его привязали там же. Я высказала все, что могла, стараясь предотвратить беду, потому что конь старый и не приучен к веревке. Но все было бесполезно.

— Каркает, точно Кассандра, — изрекла его хозяйка.

— Ну что ж, лошадь ваша. Поступайте, как знаете, — сказала я, — но вы ее убьете.

Два дня спустя искалеченные останки лошади были обнаружены на дне ручья под водопадом. Она самым чудовищным образом опутала себя веревкой и, пытаясь освободиться, скатилась со скалы.

Кажется, это все домашние новости.

Политическое положение весьма тревожное. Мистер Сьюэл подпал под влияние барона *note 130* и бежал с первым же пароходным рейсом. Мистер Клэкстон настолько утратил популярность, что отбыл (якобы для поправки здоровья жены, хотя она никогда еще так хорошо не выглядела) на последнем пароходе. Представлять свою точку зрения он оставил мистера Уитми *note 131*. Но, к несчастью Клэкстона, мистер Уитми приходил повидаться с

Note130

Это был барон фон Пильзах — президент муниципального совета Апии.

Note131

В «Примечании к истории» Льюис рассказал о коварстве английского миссионера Артура Клэкстона, который предлагал заманить Матаафу в Апию, чтобы здесь его арестовать. После этого разоблачения Клэкстону пришлось покинуть Самоа. Уитми — коллега Клэкстона по Лондонскому миссионерскому обществу.

Льюисом и теперь примкнул к другой стороне. В один прекрасный день мы с удивлением услышали от Лаулии, что нас хочет посетить Малиетоа. Он явился вместе с королевой и завтракал у нас, а позавчера мы отдали визит. Это поставило нас в щекотливое положение, потому что в следующий понедельник мы обещали быть в гостях у Матаафы.

Как-то в городе к Льюису подошел полицейский и сказал, что один из наших слуг сообщил ему, будто мистер Стивенсон собирается в Малие.

— Что же вы ему ответили? — спросил Льюис.

— Я сказал, — отвечивал блюститель порядка, — что меня не касаются передвижения мистера Стивенсона.

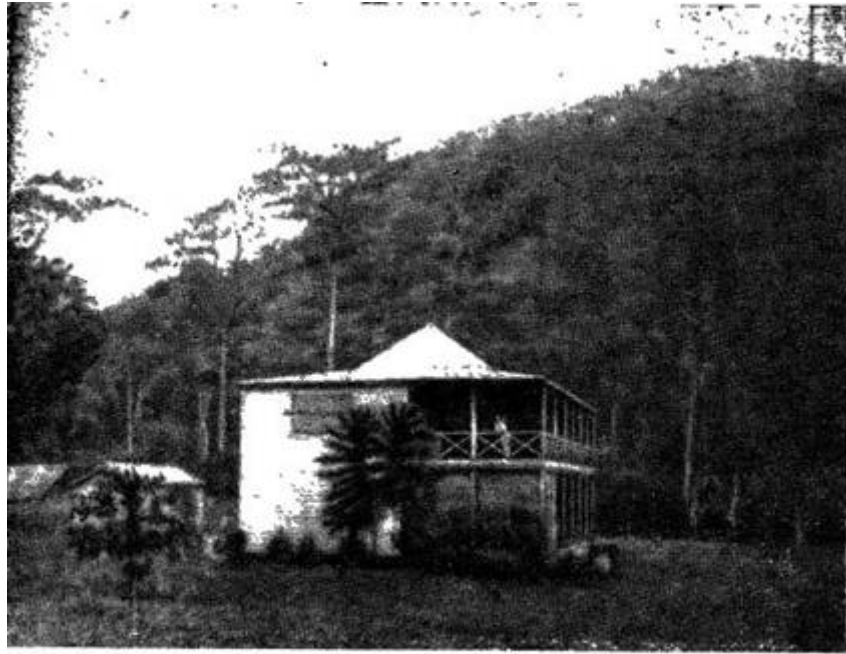
— Превосходный ответ, — похвалил Льюис.

Полицейский, должно быть, до сих пор пытается разобраться в полученной информации.

Оказалось, что Малиетоа живет в самом обычном самоанском доме; это даже не «дом вождя» ни по архитектуре, ни по материалу, из которого он построен. Бедного короля это явно смущает. Из-под нависшей крыши хижины виден стоящий напротив прекрасный новый дом президента. Думаю, что это весьма досадное зрелище для зависимого короля. Не успели мы прийти туда, как от президента явился человек с подношением для королевы в маленькой корзиночке. По поведению посыльного легко было догадаться, что он подослан узнать, каких гостей принимает король.

Малиетоа жил в деревне Мулинуу, главном оплоте своей власти, тогда как селение Малие было опорным пунктом «претендента на престол» Матаафы. Обе деревни и их окрестности блистательно описаны Льюисом в «Примечаниях к истории»:

Мулинуу — узкая полоса земли, засаженная кокосовыми пальмами и выдающаяся в лагуну примерно на три четверти мили. На восток от него лежит Апийский залив. К западу расположено прежде всего мангровое болото с великолепной зеленью мангровых растений, чернильно-черной грязью, с бесчисленными насекомыми и черными да алыми крабами, ползающими по его поверхности. За болотом — широкая и мелкая бухта, окаймленная с запада мысом Фалеула. Деревня Фалеула соседствует с Малие, так что с верхушки какой-нибудь высокой пальмы в Малие можно различить на фоне восточной половины неба пальмы Мулинуу. Пассат гуляет по низкому полуострову и очищает его от болотной заразы. В самоанском языке есть любопытное выражение. Во время болезни человек ищет на берегу открытое место, чтобы, как они говорят, «поест ветра»; действительно, трудно подыскать лучшее место для такой диеты, чем мыс Мулинуу.

Дом в Ваилиме до того, как были сделаны пристройки,
на фоне горы Ваза

Со стороны гавани бросаются в глаза два европейских дома; в Европе они казались бы довольно бедными, но для Самоа это выдающиеся постройки. Один из них новый — он вырос совсем недавно, чтобы, прикрываясь названием Дома правительства, служить резиденцией барону Зенфту. Другое здание — историческое. Оно было построено Брандейсом под закладную, и теперь на никому не ясных основаниях его занимает главный судья. Ходят неопровергнутые слухи, будто он живет там бесплатно. Я не утверждаю, что это правда, я говорю лишь, что слухи не опровергнуты, а у наших административных чинов есть такая черта, одним словом, они удивительно терпимы к собственному поведению. В поселке, расположившемся между обоими большими домами, живут фаипуле — члены местного парламента. Во времена Тамасесе тут кипела жизнь, его собственный дом и жилища фаипуле были хоть куда, все содержалось в отличном порядке и к домам вела песчаная дорога. Сейчас поселок напоминает заброшенную лесную деревню и свидетельствует о всеобщей апатии.

Но это еще не главный позор Мулинуу. Дом президента находится у самого моря. По ночам здесь выставляются часовые и вооруженная охрана стережет беспокойный сон правительства. Со стороны суши перед домом стоит памятник бедным немецким парням, сложившим головы при Фангалии *note 132*. Так вот, позади памятника, в стороне от дороги, прохожий может случайно заметить маленький домик; в таких живет простой люд в лесных деревнях. Никому и во сне не снилось, чтобы под этим кровом мог помещаться хотя бы глава семейной общины; тем не менее это дворец Малиетоа-Натоаителе-Тамасоалии-Лаупепы — короля Самоа. Сидя в его обществе под этой скромной крышей, вы можете видеть меж столбов новый дом президента. Сам его величество созерцает этот дом с утра до вечера, и ход его мыслей легко себе представить. Для самоанского вождя красивый дом — неперемный атрибут власти; однако вот уже семнадцать месяцев, как правительство (само устроенное неплохо) не может собраться подыскать подобающее жилище для своего владыки...

Дорога в Малие бежит по берегу бухты Фалеула и сквозь цепь приятных роц и деревень. Сейчас дорога перерезана заборами свинных загонов. Восемь раз приходится

Note132

См. прим. 29 к дневнику за 1891 г .

перескакивать загородки из кокосовых кольев. Причем взлет и посадка совершаются в грязи, усеянной крупными камнями. Порой эти камни окрашены кровью лошадей, прошедших перед вами. Чтобы эти препятствия казались еще неприятнее, иной раз вы еще вынуждены переждать, пока какой-нибудь черный боров невозмутимо перелезает через так называемую ограду. Ничто не выставляет самоанцев в более невыгодном свете, чем эти бесполезные заграждения, уродующие их единственную дорогу. Одним из первых актов правительства после приезда главного судьи было распоряжение освободить проход. Позор Матаафе, что это до сих пор не сделано.

Деревня Малие представляет картину процветания и мира. В очень хорошем описании, опубликованном в журнале «Остралэйшн», одна путешественница сообщает, будто деревня окружена военными укреплениями. Ее, должно быть, ввели в заблуждение какие-то из свинных загонов на берегу. Здесь нет никаких укреплений, ничего демонстративно военного. Насколько я понял, от ста до пятисот воинов всегда находятся на расстоянии, доступном зову, но мне не приходилось видеть более пяти вооруженных людей вместе, да и те были почетной стражей короля. Воскресный покой витает над хорошо расчищенной растительностью, пасущимися на привязи лошадьми, стадами свиней, над круглыми или овальными туземными жилищами. Их удивительно много, и все хороши в своем роде; тем не менее строятся еще. А в центре — высокий дом собраний, пожалуй самая большая туземная постройка на всех островах Самоа. Он закончен наполовину, но уже занимает видное место в пейзаже. Не заметно никакой суеты вокруг, однако готовая часть свидетельствует о продолжении строительства.

Центр всего этого — сам вождь, Малиетоа-Туиатуа-Туиаана-Матаафа, король, вернее, не король, а претендент на самоанский престол. Все сходится к нему, все исходит от него. Депутации островитян приносят ему подарки, а он в ответ по-царски их угощает. Белых путешественников, к их неописуемому изумлению, вооруженная стража короля при его приближении сгоняет с дороги. Своих танцоров он собирает звуком рожка. По вечерам он сидит в своем доме перед полукругом ораторов, представляющих многие районы архипелага, произнося и выслушивая те витиеватые и изысканные речи, которые составляют усладу самоанского сердца. От него самого и всего окружения веет поразительным чувством порядка, спокойствия и довольства (в местном понимании). Ему шестьдесят лет, он высокий, могучего сложения, с белой от седины головой и усами, глаза ясные и спокойные, нижняя челюсть заметно выдается вперед, что делает его похожим на благодушного английского дога. Манеры его почтенны, а речь вкрадчива, как у католического прелата. Он никогда не был женат, и гостей обслуживает приемная дочь. Много времени назад он дал обет целомудрия — «жить, как господь наш жил на земле»; и полинезийцы затаив дыхание передают, что он сдержал его. В подобных пунктах он, верный своему католическому воспитанию, склонен даже проявлять суровость. Лауати, главное лицо на Савайи, недавно развелся с женой и взял другую, более красивую. И когда я в последний раз был в Малие, Матаафа (вразрез с собственными интересами) как раз послал ему выговор. Говорят, что непосредственные приближенные, несмотря на его обходительность, скорее уважают его, чем любят. Его власть в большей степени порождение авторитета, чем популярности. Но ни один из ныне живущих самоанских вельмож не мог бы и пытаться достичь того, чего он добился на протяжении последних двенадцати месяцев, не утратив ни капли своего престижа. Он не только удержал своих сторонников от войны, но даже вынудил их явиться на суд в лагерь врагов в Мулинуу. Я сомневаюсь, был ли такой триумф авторитета возможен когда-либо прежде. Лично я бывал и жил почти во всех местах расселения полинезийской расы, и только один человек произвел на меня более сильное впечатление...

Итак, я попытался, не смягчив, воспроизвести полученные впечатления: достоинство, изобилие и мир в Малие, банкротство и растерянность в Мулинуу.

Фэнни. note 133

Забыла записать, что, когда король был у нас в гостях, Льюис попросил извинения за то, что давно не посещал его, и сослался на распоряжение президента, изданное после прошлого визита Льюиса к его величеству. Это распоряжение гласит, что никто не имеет права видеть короля, не получив за три дня перед тем разрешения консулов. Разумеется, Льюис и не подумал спрашиваться у консулов, прежде чем зайти в открытую хижину Малиетоа. Это было бы смешно и унизительно. Король сказал, что никакого разрешения не требуется, и пригласил нас бывать у него, когда и сколько нам вздумается, не обращая внимания на подобные указы. Льюис очень хочет добиться, чтобы Малиетоа и Матаафа действовали заодно. Без этого невозможен мир на Самоа. Сегодня утром он пытался поговорить с Малиетоа наедине, но не вышло. Вечером он сделает еще одну попытку. Он хочет объяснить свою точку зрения сначала Малиетоа, а затем Матаафе. Описание последних политических скандалов содержится в письме Льюиса в «Таймс».

Фэнни. 12 мая

Льюис тщетно пытался повидаться с Лаупепой. Не желая говорить в присутствии шпионов, он пробовал встретиться с королем у Лаулии. Договаривались дважды, но оба раза встреча не состоялась. 2 мая Льюис, Бэлла и я в сопровождении Талоло отправились в Малие на лодке, экипаж которой составляли люди из Малие. Мы почти не сомневались, что нас задержат, но, хотя весь город знал о цели этой поездки, полицейские пропускали нас с улыбкой и не чинили никаких препятствий. На случай если придется остаться на ночь, мы захватили непромокаемый мешок и большую бадью с Токелау со сменой одежды. Я взяла темно-красное шелковое холаку, отделанное персидской вышивкой, а Бэлла — шелковое темно-зеленое, чтобы появиться в них перед королевской особой. Незадолго до прибытия я попросила Льюиса подержать шаль, чтобы я могла за ней переодеться. Когда моя голова вынырнула из платья, я увидела, что Льюис сидит на своем месте на другой стороне лодки с зажатым в пальцах уголком шали. Как он сказал, ложная стыдливость не вызывает у него сочувствия.

В Малие мы встретили лучших наших работников с плантации какао и узнали, что они бастуют вместе со всеми рабочими Апии, Жалко, что Джо дал им уйти; на мой взгляд, они абсолютно правы. Еще задолго до деревни мы увидели верх огромной туземной постройки, возвышающийся наподобие церковного шпиля. Это собственный дом Матаафы — самый большой и красивый из всех, какие я видела. В деревне есть и другие большие дома.

Льюис напрасно пытался найти переводчика и был вынужден удовольствоваться Талоло, который весь изошел от страха и отчаяния, потому что он еще не умеет говорить на языке вождей и ощущал каждое свое слово как оскорбление Матаафе. Мы привыкли между собой называть Матаафу Чарли-над-водою и поднимать за него тост как за короля, раскачивая бокалы с вином над бутылкой с водой note 134. Талоло имел какое-то представление о смысле этого тоста и решил, что хорошо будет повторить его здесь. Бэлла, к превеликому веселью, увидела, как он взял стакан с водой, которую собирался выпить, и помахал им в воздухе. Его ошибка превратила тост в довольно зловещий: Чарли-под-водою.

Слова «Чарли» в переводе Талоло сводились почти исключительно к тому, что «Матаафа очень удивлен». Познаний Льюиса в самоанском языке хватало, чтобы

Note133

30 апреля, продолжение

Note134

Чарли-над-водою — так в середине XVIII в. сторонники реставрации в Англии династии Стюартов называли в конспиративных целях претендента на престол принца Карла-Эдуарда.

приблизительно догадываться о происходящем. Советники — фаипуле — устроились в одном конце дома, часть из них сидела на циновках на полу. Центр группы представляла чаша с кавой, подле которой поместился королевский оратор. Каву сначала подали королю и одновременно с ним Льюису (редкая почеть), затем некоторым фаипуле, а после, по распоряжению короля, — «семейному тылу» (Бэлле и мне, которых он явно считал двумя женами). Он только недоумевал, кто из нас главнее. Сначала он предоставил второе после Льюиса почетное место мне, но потом передумал и посадил туда Баллу. Нам подали каву одновременно, чтобы ни одна из нас не чувствовала ревности. Мы были очень благодарны за каву, потому что выехали из Ваилимы в пять утра и соответственно очень устали. Я видела, что это была жеваная кава, но, пока пришла моя очередь пить, уже забыла об этом. Прежде чем поднести каву Матаафе, слуга совершил возлияние, плеснув из чаши на землю, и покропил свежей водой из кокосовой скорлупы направо и налево. Фаипуле тоже кропили водой направо и налево, лишь один повторил возлияние кавой, зато он не прикоснулся к воде.

Оратор Матаафы и другие произнесли вежливые речи, один из них сравнил Льюиса с Иисусом Христом, что смутило Талоло почти до потери сознания. Вдруг Матаафа послал за своими красивыми золотыми часами на золотой же цепочке и обнаружил, что уже одиннадцать часов. Он спросил, когда мы выехали из дома, и был, по-видимому, встревожен тем, что мы так долго постимся. В дом внесли продолговатый деревянный стол и накрыли его красивой тапой в несколько слоев. Вокруг расставили четыре стула. Нас усадили на эти стулья, задрапированные тапой и кусками тканей папаланги, и подали легкую предобеденную закуску. Когда перед каждым был положен свернутый лист с кушаньем из аррорута и кокосового молока, запеченным в горячих камнях *note 135*, и свежий молодой кокосовый орех для питья, король (он католик) перекрестился и произнес молитву. Матаафа просил извинения за предстоящий обед, сказав, что он целиком фаасамоа: без вина, только поросенок, птица и таро. Мы ответили, что лучшего и не желаем. Аррорут приятен на вкус, но управляться с ним трудно, оттого что он такой липкий, вдобавок он немного скрипел на зубах от налипшего песка. Его величество посоветовал нам не очень наедаться, чтобы не перебить аппетит к обеду, а когда мы кончили, рекомендовал полежать. Пока мы ели, его приемная дочь повесила колоссальный занавес из красивой плотной тапы, отгородив им один конец комнаты. За ним оказались приготовленными циновки и подушки, и через несколько секунд мы уже спали крепким сном.

Часа через полтора мы все сразу проснулись и обнаружили, что обед уже ждет нас. Забыла сказать, что после обмена речами оратор вручил Льюису корешок кавы (выдающийся подарок), а мы в свою очередь преподнесли Матаафе стофунтовый бочонок мяса. Оратор тут же вышел из дома и стал выкрикивать громовым голосом какие-то короткие фразы. Оказывается, он сообщал жителям деревни и главам семей о характере и размерах полученного подарка. Мы, как и в предыдущий раз, ели за столом, сидя на стульях; были поданы тарелки и бокалы, ложки, ножи и вилки.

Талоло, к этому времени уже совершенно больной от груза непомерной ответственности, сидел как слуга на полу позади нас. Талоло очень переживает, что Элена, жена Томаси, которую мы взяли в прачки, низкого происхождения. Он тщательно объяснил нам, что хотя она из его семьи, но занимает там очень скромное положение. Мать Талоло, кажется, женщина-вождь, не знаю насколько высокого ранга, и сам Талоло когда-нибудь станет вождем. Я с тревогой спросила его, будет ли он у нас работать, когда «примет свое имя вождя». «Ни за что», — был ответ. — «Тогда нельзя работать руками. Но Талоло не хочет принять имя. Он хочет жить, как белый». Это не слишком успокоило меня, потому что Генри всегда говорил то же самое, а теперь, как я слышала, принял свой сан и стал вождем

Note135

Аррорут — в данном случае крахмалистая мука, полученная из корневищ аррорута полинезийского (*Tacca pinatifida*). Упомянутое здесь кушанье готовится в земляной печи.

трех деревень, в которых будет вместе человек пятьсот взрослых. Родичи Генри сперва возражали против его назначения, но сейчас они им очень довольны. Думаю, что своим успехом Генри отчасти обязан школе, которую прошел у нас, потому что он до мелочей следовал нашим советам, хотя зачастую они были очень далеки от понятий рядового самоанца.

Но вернемся к Чарли-над-водою. После обеда они с Льюисом и в сопровождении Талоло как переводчика прошлись по деревне и беседовали, насколько это удавалось. Тропинка узкая, и в одном месте на них налетел на своей лошади Суэнн, аптекарь из Апии, едва не задавив короля и Льюиса. Один из стражников (короля сопровождали два человека с винчестерами) выскочил вперед и остановил невежду, который сильно перепугался. Позже мы услышали, что он рассказывал в Апии, будто мирно ехал по дороге, а Льюис остановил его лошадь и вежливым, извиняющимся тоном объяснил ему, что уж лучше подчиниться местным обычаям и уступить дорогу.

После их возвращения с прогулки мы все уселись на циновке у входа и курили. Издали послышалось пение мужских голосов, и вскоре показалась процессия идущих парами юношей в венках. Каждый из них положил перед нами по корешку таро, к этому они добавили еще пару цыплят, а король — гигантский корень свежей кавы. Были произнесены речи, после чего расстелили циновки для танцоров, которых созвали сигналом рожка. Танцоры составили два длинных ряда, с ними были два комика и еще горбун, по-видимому, королевский шут. Сначала они исполнили в честь нас приветственную песню, а потом пели, плясали и разыграли несколько сценок — все с большим искусством. Кое-что было очень забавно. Особенно великолепен был горбун, пародировавший недавно побывавших здесь циркачей. Льюис не мог вести серьезную беседу с помощью Талоло, только и знавшего что твердить «очень удивлен», но договорился приехать в Малие еще раз с лучшим переводчиком. Возвращались мы на лодке при лунном свете горячими поклонниками Матаафы.

Примерно через неделю Льюис отправился туда вторично верхом с Чарли Тэйлором в качестве переводчика. Они выехали вечером в субботу под проливным дождем и в воскресенье утром весьма рано уже вернулись назад. Льюису удалось немного лучше побеседовать с Матаафой, которому он советовал поддерживать мир и подружиться с Лаупепой. Матаафа как будто и сам тех же взглядов. Он действительно хочет, чтобы Лаупепа поселился в Малие и они правили бы совместно и, по-видимому, не намерен затевать войну.

Ранним утром, около четырех, когда начинают петь утренние птицы, Льюиса разбудил звук дудки, на которой кто-то тихо наигрывал странную мелодию. Когда он позже спросил об этом, Матаафа пояснил, что музыка во время пения ранних птиц навеивает приятные сны. Он еще добавил, что отец его не разрешал наносить вред никакому животному или птице и поэтому был прозван Королем Птиц.

Фэнни. 15 мая

Вчера приезжал Чарли Тэйлор обучать самоанскому языку Льюиса, Баллу и Ллойда. У островитян-рабочих забастовка, и, так как наши тоже ушли, я откомандировала на плантацию к Джо Лафаэле. Один из работников, Пааталисе, вернулся, но прячется, боясь встречи с забастовщиками. Посадки какао окончены, и мы собираемся устроить для рабочих праздник.

Аррик вместо того, чтобы отпроситься на воскресенье, что ему, безусловно разрешили бы, убежал так. Он ушел вечером в субботу, а когда возвращался под вечер следующего дня, уже в темноте столкнулся с Лафаэле. По дороге, едва оставив позади Танунгаманоно, они встретили Льюиса верхом на моей лошади Мусу. Льюис приветствовал их самоанским

«Талофа соифуа» *note 136* и проехал мимо. Каково же было их удивление и ужас, когда они увидели Льюиса дома, откуда он и не думал выезжать. По всей усадьбе распространились тревога и паника. Они считают, что Льюис выслал своего двойника поглядеть, чем занимаются Аррик и Лафаэле.

Вскоре после того как забастовали рабочие на плантации, Джо повстречал чернокожего работника мистера Блэклока, который как раз собрался уйти от хозяина, недовольный рационом, состоявшим из одного риса. Человек пожелал работать в Ваилиме, и Джо тут же нанял его, а к вечеру наш новый работник уже шел по дорожке к дому, неся свою циновку и одеяло. Кто-то обратил мое внимание на Аррика. Я взглянула и изумилась. Он наклонился вперед и, по-змеиному выставив голову, следил за пришельцем с такой враждебностью, какую бы я не хотела испытать на себе. В дико вытаращенных глазах его читались убийство и смерть; я никогда не видела более свирепой гримасы. Пока тот не скрылся из виду, Аррик сидел, окаменев, точно черная статуя, лишь губы его шевелились с каким-то прерывистым шипением, вроде того, что испускает для устрашения врага драчливый кот и что даже среди кошек вызывает тревогу. «Этому парню у нас несдобровать», — сказала я. Так он, по-видимому, подумал и сам, потому что в тот же вечер таинственно исчез вместе с одеялом и циновкой.

Фэнни. 17 мая

Кто же пожаловал к нам после обеда, желая повидать Льюиса, как не сам главный судья собственной персоной? А Льюис как раз окончил свою историю Самоа *note 137*, историю, довольно некрасивую в части, касающейся главного судьи. Я спустилась вниз и застала посетителя беседующим с обычной вежливостью с миссис Стивенсон. Я сказала, что Льюис слишком плохо себя чувствует, чтобы видеть кого бы то ни было, чем страшно напугала миссис Стивенсон, которая вся побледнела. Что касается главного судьи, то мое утверждение было абсолютно правдивым, так как Льюис объявил, что разговор с этим человеком будет стоить ему много здоровья. Я предложила главному судье вина, пива, шоколаду и в конце концов, когда он отказался даже от стакана воды и папирос, не удержалась от замечания «Значит, вы не хотите разделить с нами хлеб-соль?» В ответ на что он только молча сладко улыбнулся. Но думаю, что дело именно в этом. Он сообщил нам, что в порту немецкий военный корабль «Шпербер». У меня невольно мелькнула мысль, не хочет ли он намекнуть Льюису о возможности высылки. Было бы довольно комично выслать Льюиса за попытку сохранить мир на островах. Все же не верится, что они дойдут до такой наглости.

Позже были мистер Хаггард и мистер Дэмет. Первый показывал письмо, пересланное ему из министерства иностранных дел. Это копия письма Лаупепы лорду Солсбери с несправедливыми обвинениями по адресу земельной комиссии. Письмо явно написано Клэкстоном, который при первом намеке на опасность счел необходимым покинуть острова «ради здоровья жены».

Оказывается, правительство боится собирать с самоанцев налоги. Срок уже давно прошел, а теперь его продлили снова. Налоги с белых тоже отсрочены. Белые намерены вообще не платить налогов, пока продолжается теперешнее положение дел, и консулы поддерживают их в этом. Мистер Хаггард и другие говорят, что средства президента почти исчерпаны и, поскольку поступления налогов можно ожидать лишь от людей Матаафы, правительство в самом скором времени обанкротится. Но так как ни одно государство и ни

Note136

Талофа соифуа (самоанск.) — здравствуй, будь счастлив.

Note137

См. прим. 41 к дневнику за 1891 г .

один человек не захотят ссужать деньгами столь подмоченное и безнадежное предприятие, любопытно знать, что же будет дальше. Еще никогда не было ничего подобного.

Фэнни. 18 мая

Вечером заехал мистер Хаггард, но Льюис был у Лаулии. Хаггард сказал, что главный судья получил какие-то официальные бумаги, которые подняли его настроение до такой степени жизнерадостности, какой у этого любителя шатких хитросплетений давно не замечалось. Известно лишь, что это не касается земельной комиссии. В конце печатной копии письма Клэкстона лорду Солсбери был абзац, содержащий инструкции для главного судьи относительно ожидаемых им военных кораблей. Это место не было заклеено, как обычно делается при подобных ошибках, а просто перечеркнуто крест-накрест. Думаю, что это было сделано нарочно, чтобы мистер Хаггард мог прочесть его. Так или иначе, но он прочел. Из текста явствует, что верховный судья сможет распоряжаться военными судами по своему усмотрению, однако там скрывается жало, которого судья, по-видимому, еще не заметил. Все должно делаться в соответствии со статьями Генерального акта Берлинской конференции. Мистер Хаггард имел удовольствие изучить эти пункты, и, по его словам, единственная возможность, которая есть у судьи, — это послать на военном корабле полицейские отряды куда потребуется.

Мы предполагаем, что главный судья, которого Льюис предупредил письмом о своем нападении, решил ответить любезностью на любезность, дав Льюису знать об угрозе высылки. Льюис собирается написать Лаупепе о положении дел и посоветовать ему договориться с Матаафой, потому что, пока оба вождя не объединятся, сохранность мира всегда будет под угрозой. Тому, что война не разразилась до сих пор, мы обязаны исключительно терпеливости Матаафы. Есть опасение, что главный судья предпримет какие-то действия для развязывания войны; это его единственный шанс спасти себя или, вернее, свой карман, который ему дороже собственной души. Когда он приезжал к нам, забавно было видеть внезапный проблеск неподдельного интереса в его глазах при моем случайном упоминании, что мы выписываем всю провизию из колоний, поскольку это значительно дешевле, чем покупать здесь. Ему это обошлось бы еще дешевле, так как он с самого приезда отказывается платить пошлины на то, что ввозит сюда. Поразительное бесстыдство.

Фэнни. 19 мая

Двенадцатая годовщина нашей свадьбы. Это кажется невероятным. Не менее невероятно, что уже два года или даже больше, как мы поселились в тропическом лесу. Хозяйство выглядит налаженным и крепким, точно мы живем здесь много лет. Решили построить несколько самоанских домов для наших работников.

Вчера под вечер явился полицейский (метис Скэнлон), чтобы арестовать Ллойда и Джо за лихую езду. Ллойд признал себя виновным, но объяснил, что считал это дозволенным, так как они были за пределами Апии, а Джо нагло заявил, будто все из-за того, что они проскакали мимо начальника полиции Маркварта, не поклонившись. Он арестовал еще Элену за кражу швейной машины. Я спросила Скэнлона, как понимать последнее обвинение, и он объяснил, что это только попытка причинить ей неприятность со стороны некоего капитана Никола, белого, за которым Елена была замужем. Позже они были разведены Фолау *note 138*, и Николу было сказано, что Елена может забрать принадлежащие ей вещи. Насколько мне известно, единственное, что она взяла, и есть эта ручная швейная машина. А теперь Никол добивается ареста Элены за кражу. Сейчас она и Томаси, ее теперешний муж, в

Note138

Мировой судья-самоанец в Апии.

городе на следствии у мистера Купера. Скэнлон уверяет, что закон на ее стороне и никакого вреда ей не будет.

Лафаэле собирался было жениться на хорошенькой девушке-подростке лет тринадцати-четырнадцати, не старше. Ее родители всячески форсируют этот брак, но я слыхала, что бедная девчушка выплакала себе все глаза. Мы объявили, что, если Лафаэле женится на девочке, мы не разрешим ей жить в Ваилиме. Надеюсь, это положит конец его затее. Мы разрешили ему взять назад Фаауму, если она пообещает вести себя прилично. Родители девочки пока что выкачивают все, что могут, из этой несчастной старой овцы Лафаэле. В промежутке, пока я не вела дневник, мы получили короткое грустное письмо от Нелли с сообщением о внезапной, хотя и не совсем неожиданной смерти Адольфо *note 139* от скоротечной чахотки. Она и сама, по-видимому, нездорова, жалуется на кашель и боль в боку. Я очень тревожусь за нее. Мы собираемся послать к ней Остина, чтобы он ходил в школу вместе с маленьким Льюисом.

Фэнни. 22 мая

«Уполу» прибыл в порт раньше обычного, помнится в четверг. В пятницу утром пришло известие, что сын Лафаэле, которого он ожидает так давно, уже в Апии. Конечно, я дала ему свободный день. Под самый вечер он вернулся в обществе старика и девочки лет двенадцати-тринадцати. Компания положила к ногам Льюиса корешки кавы и, по-видимому, ждала благодарственной речи.

— Где же твой сынок? — спросила я Лафаэле.

— Вот сынок, — ответил он, но сынок оказался явной девочкой.

В субботу у нас завтракал капитан с «Уполу». У нас не было ничего, кроме зелени, приготовленной в разных видах и с приправами, но без мяса. А в воскресенье, когда у нас было одно мясо, явился в гости немец-вегетарианец. Я очень чувствую отсутствие Лауило. Наш ленч напоминал настоящую свалку, в которой участвовало то трое, то четверо слуг, без толку носившихся по столовой. Сими, заменивший Лауило, при помощи Митаеле (младшего брата Талоло) перебил всю посуду. Когда ему случается разбить что-нибудь особенно ценное, он улыбается с грустным сочувствием и при этом ужасно похож на какого-нибудь английского полковника, но словами этого не передать. Лучшие салфетки он повязывает вместо шейного платка, а однажды я, к своему ужасу, увидела, как он в них сморкался.

Сегодня утром Лафаэле пришел ко мне и с рыданием в голосе пожаловался, что «очень много страшно». «Опять лошадь издохла!» — подумала я и почувствовала большое облегчение, услышав, что тревожным событием было возвращение Фааумы. Я очень хотела, чтобы она вернулась, потому что это разрушит другую связь, но я не учла при этом строгих моральных правил Томаси. Он прямо заявил, что не разрешит Элене водиться со шлюхами. Фааума рвется работать и особенно хотела бы помогать Элене, которая не справляется одна с обязанностями прачки. Просто не знаю, что делать, и не могу понять суть их моральных устоев, хотя они, несомненно, существуют. Но, по-видимому, жители Фиджи более строги в этом отношении, чем самоанцы.

Девочка Лафаэле до последнего времени все плакала, просилась домой и смертельно боялась Аррика, хотя он нежно зовет ее «этот маленький деточка» и из кожи вон лезет, чтобы она привыкла к месту, как это делалось здесь в первое время для него самого. Теперь девочка, по-видимому, в восторге от своей мачехи и с появлением Фааумы прямо расцвела. Фааума и в самом деле красивое, деликатное, очаровательное создание, но я бы хотела, чтобы она не была, как выражается Лаулии, блудницей. Она дает тысячу обещаний и, надеюсь, сдержит их. Сегодня утром, к нашему удивлению, она присоединилась к молитве. Мы собираемся построить дома для Лафаэле и Томаси. Но теперь, поскольку дамы не

Note139

Адольфо Санчес, муж Нелли, сестры Фэнни Стивенсон.

должны общаться, приходится строить их подальше друг от друга, что досадно, так как все уже было подготовлено иначе.

Фэнни. 29 мая

Почти неделю стоит самая отвратительная погода. Совсем не по сезону — потоки дождя и гром гремит не переставая. В самом начале я простудилась и была совсем больна, но сейчас уже поправляюсь. Мистер Мурс вернулся с острова Нассау *note 140*, который он купил не глядя, исключительно по моей рекомендации. Меня это отчасти беспокоило: вдруг он потратит деньги и будет разочарован. Я говорила ему, что, с моей точки зрения, остров превосходный. К счастью, он очень доволен, нашел там хорошую землю и поговаривает о постройке дома. Потом все, кроме меня, отправились на большой фоно в Малие.

Чарли Тэйлор взял на себя руководство одним делом и все испортил. Несчастные наши работники накануне пошли в город, чтобы принять животных, прибывших с пароходом. Для них был заказан обед в лавке Мурса, но Чарли Тэйлор (Сэлли Тэйлор, как они его называют) не дал им поесть как следует. Пароход пришел только ночью, и там было всеобщее недовольство. Теперь они говорят, что, если Сэлли приедет в Ваилиму, они его «поколоти».

Лафаэле и Елена попросили по поросеночку из последнего опороса, и я дала им. Елена выбрала пятнистого кабанчика, которого назвала Сэлли Тэйлор, а Лафаэле взял себе, как он выражается, «свинью-кобылу», то есть поросенка женского пола. Оба поросенка приручились и семят за Эленой и Фааумой, как два мопсика. Хозяйки берут их к себе в постель и по крайней мере раз в ночь поят молоком, как младенцев. Сегодня утром оба поросенка присутствовали на молитве.

Готов каркас дома Лафаэле.

Фэнни. 1 *note 141*

Льюис отправился в Апию, чтобы пригласить на завтрак в Ваилиму двух матросов, взовших нас на лодке в Малие.

Мы собирались обедать, как вдруг является совершенно пьяный Карр — молодой человек, который и в трезвом состоянии немного безумен. Одетый в старую пижаму, с башмаками в руках, весь мокрый и грязный, он в общем имел дикий и малоприятный вид. Ему поднесли стакан бренди (это сделала миссис Стивенсон, к моему неудовольствию) и устроили баню, после чего, одетый в костюм Ллойда, он сел с нами за стол. Беседа его была столь же малоприятна. Он хвастался, что поколотил Кеппеля (тот действительно может вывести из себя, хотя он — жалкое, слабосильное существо, по сравнению с Карром, — могучим юнцом с ложногреческим профилем), а также что, встретив мистера Карразерса, прибил и его. Потом он стал похваляться своей аристократической кровью и родней, заявив, что обладает правом — после двух других — на титул «герцога Кларенского и Эвондельского». Тогда я заметила ему, что он — третьестепенный наследник герцогства — запятнал свой герб: он напал на двух людей, много уступающих ему в силе и без предупреждения, не говоря уж о том, что мистер Карразерс гораздо старше его. Всем было тошно от него, и мы постарались выпроводить его спать пораньше.

Только он ушел, как вернулся домой Льюис с новостью. Один из наших друзей слышал, как открыто говорили о высылке Льюиса. Причиной не может быть то, что он ездил

Note140

Маленький коралловый атолл в Северной группе островов Кука (Центральная Полинезия). Не имел постоянного населения, но жители близлежащего атолла Пукапука разводили здесь кокосовую пальму.

Note141

июня

к Матаафе убеждать его сохранить мир — ведь половина города по тому или другому делу перебивала в Малие. Без сомнения, это вызвано попыткой Льюиса повидаться с Лаупепой и сообщить этому жалкому монарху, о чем он будет разговаривать с Матаафой. Наш первый визит к Матаафе состоялся после того, как там дважды побывал мистер Бекман. Нам тогда передали, что мы можем занять места в лодке мистера Бекмана, но, поскольку приглашение исходило не от него самого, а от незнакомого с ним самоанца, мы не хотели быть назойливыми.

Дом Матаафы

В первый визит, не имея переводчика, Льюис не мог сказать Матаафе того, что хотел, а именно что, пока на Самоа два великих вождя называют себя королями, там будут существовать две партии, будет продолжаться борьба и сохранится постоянная опасность войны. Его совет должен был заключаться в следующем: пусть Матаафа предложит, что займет подчиненное положение при Лаупепе, но чтоб они оба работали вместе для блага и процветания Самоа. То же самое он предполагал сказать и Лаупепе. Разумеется, это не то, чего хочет главный судья. Его меньше всего заботят мир и благополучие Самоа. Он жаждет одного: наполнить свои подлые карманы английским или американским серебром. Как я уже писала, Льюис облегчил свою душу, совершив вторую поездку в Малие с неумелым переводчиком Чарли Тэйлором. Третий визит был лишь ради зрелища большого фоно (превосходная пища для романиста) и с целью устроить старой матери прогулку, о которой она мечтала. И вот, по-видимому из-за этого, они толкуют о высылке Льюиса. Я не понимаю, как они смогут осуществить это, даже если их маленький барон представит дело главному судье.

Пол Лионард, который во время фоно провел в Малие целый день, встретив Льюиса в Апии, рассказывал, что, так как Льюис запоздал, для него повторили всю церемонию.

Фэнни. 2 note 142

Карр совсем протрезвился и слегка смущен. Он говорит, что не бил мистера Карразерса, а только замахнулся на него. Мы дали ему понять, что он не должен здесь оставаться, и, чтобы он мог уехать, ссудили ему лошадь и кое-что из одежды Ллойда. На прощание я поговорила с ним без обиняков. Он пообещал явиться с извинениями к мистеру Кьюсэк-Смиту, которому писал оскорбительные письма, и к мистеру Карразерсу.

— Но если я пойду к Карразерсу, — сказал он, — и буду унижаться перед ним, он все равно только выругается.

— Весьма возможно, — сказала я, — и это будет наказанием за ваше недостойное поведение, да еще вполупину слабее, чем вы заслужили.

Льюис дал ему письмо к мистеру Кьюсэк-Смиту, в котором предложил взять на себя половину расходов по отправке Карра домой.

Во второй половине дня пришло письмо от Матаафы. Он просит еще семян какао и спрашивает совета, что лучше всего сажать самоанцам. «Правительство, — пишет он, — вскоре должно будет заняться этой проблемой». Если бы этот алчный швед *note 143* оставил людей в покое, они могли бы завести собственные плантации, и это в конце концов принесло бы стране больший доход, чем она когда-либо имела. Мистер Мурс пишет брошюру о выращивании рами *note 144* на самоанском языке, чтобы распространить ее среди островитян. Матаафа спрашивает насчет бумажной шелковицы, но о ней мы ничего не знаем. Он ищет того, что дало бы немедленный результат, пока кофе и какао не вошли в силу. Хотелось бы знать, каков спрос на каву, потому что она разводится быстро, легко и действительно очень дорога, даже здесь. Сегодня я посадила множество черенков отличного сорта.

Дом Лафаэле готов, но хозяин недоволен, находит его слишком низким. Я предлагаю использовать этот дом под жилье работников плантации и построить для Лафаэле другой. Елена обучает его «сынка» работе в прачечной. Девочка, как видно, хорошая. Пока они работают, оба поросенка привязаны тут же к ножкам стола.

Фэнни. 4 note 145

К обеду приехали мистер Хаггард и мистер Дэмэт, последний пробыл у нас совсем недолго. Они рассказали любопытную вещь. Король пригласил мистера Мэйбена на должность государственного секретаря (по рекомендации президента), а мистер Уиллис теперь придворный архитектор его величества. Они говорили также, что этот жалкий юнец мистер Карр пытается шантажировать в Апии каждого встречного.

Фэнни. 5 note 146

Воскресенье. Остин ходил в церковь с миссис Стивенсон. «О чем вы так долго молились после причастия? — спросил он. — Я успел за это время четыре раза сказать „Отче наш“».

После обеда к Льюису явился мистер Мэйбен. Он очень удивлен своим назначением и относится к нему с большой подозрительностью. По его словам, президент кажется встревоженным и уклоняется от советов королю, за исключением тех случаев, когда его спрашивают прямо (как это оговорено Берлинским соглашением). Похоже, что он щедро вкусил от пирога смирения — этого горького блюда. Мэйбен думает, что ему навязали этот пост потому, что он принадлежит к «партии» Льюиса. Он приехал сказать, что вся его

Note143

Имеется в виду главный судья К. Седеркранц.

Note144

Рами (*Boehmeria*), китайская конопля, — род растений семейства крапивных. Волокна рами отличаются исключительной прочностью и эластичностью, хорошим блеском; применяются для изготовления тканей, канатов, а также тонких ниток, кружев и т. д.

Note145

июня

Note146

июня

деятельность направлена на поддержание мира, что он целиком солидарен с Льюисом и хотел бы, чтобы Льюис поговорил о том же с Матаафой. Он собирается потребовать неограниченной свободы действий и тут же уйдет, если заподозрит какой-нибудь подвох.

Мне вся эта история непонятна. На прошлой неделе они открыто говорили о высылке Льюиса за то, что он бывал в Малие. А теперь ему предлагают договариваться с Матаафой как раз в том духе, в каком он делал это по собственному побуждению, и просьба исходит от правительства. Мэйбен говорит, что, когда главный судья объявил ему о назначении, сей джентльмен прямо с бурным весельем выпил за здоровье нового государственного секретаря, на которого, признаться, эта шутливость произвела отталкивающее впечатление. У правительства нет никаких денег для выплаты жалованья секретарям или кому бы то ни было и мало надежды на поступление налогов. Все это вызывает у меня какие-то пока неясные подозрения, и мне хотелось бы, чтобы Льюис действовал осторожнее, иначе он может неожиданно оказаться орудием в руках этого низкого, беспринципного человека. Мэйбен попросил Льюиса написать Матаафе, но я надеюсь, что он не будет писать, а съездит в Малие и просто повторит, что сказал ему Мэйбен, воздерживаясь пока от каких бы то ни было предложений. Только так. «Мне сообщили то-то и то-то и просили передать вам».

В этом поручении может заключаться скрытая ловушка для Матаафы. Этих двух людей, президента и главного судью, окружает такая атмосфера двуличности и обмана, что за каждым их поступком мне чудятся низкие планы. Я, без сомнения, не ошиблась, заподозрив, что миссионер Уитми был сознательным или невольным посланником главного судьи. Странно одно: Мэйбен всегда был смертельным врагом Клэкстона. Почему же именно его избрали на должность государственного секретаря? Быть может, хотят сделать секретаря козлом отпущения? По словам Мэйбена, он волен поступать по своему усмотрению, а он вполне согласен с переносом резиденции правительства в Малие и с тем, чтобы Матаафа занял пост премьер-министра, то есть фактически получил всю полноту власти. Конечно, правительство не способно проглотить подобное унижение. И я не могу забыть, что, когда мистер Мурс был послан примерно с таким же поручением — устроить примирение между обоими вождями, он случайно обнаружил, что в это же время главный судья пытался направить военный корабль для обстрела Малие.

Мне хочется видеть Льюиса на открытом пути, освещенном ярким дневным светом. Но оказывается, он (я говорю о Льюисе) не посоветовался с мистером Мурсом, как обычно, прежде чем отправить письмо в Малие. Это неестественно и не похоже на Льюиса. Уверена, что это влияние Мэйбена. Я настаивала на том, чтобы не было никаких тайн и все рассказали Мурсу. Есть, правда, намек на оправдание в том, что Мурс против примирения, но я бы предпочла, чтобы он был в курсе событий. Ведь он не скрывал от нас своих намерений.

Мы только что прочли превосходную брошюру Мурса о сельскохозяйственных культурах, написанную для самоанцев. Забавно, что Мурс защищает наши взгляды, вызывавшие у него в свое время такое веселье. Теперь-то он считает их своими и, несомненно, забыл все наши споры по этому поводу. Думаю, что брошюра принесет большую пользу. Надеюсь, что принесет.

Растет каркас дома Томаси. Дом должен получиться хороший и просторный. На него пошли отличные бревна. В мой огород забрела корова и произвела там опустошение. Я велела расчистить новый участок близ кухни и собираюсь переместить туда огород. Надеюсь, что материал для посадки у меня будет. Я посылала в Нью-Йорк заказ на семена и прочее, и многое дошло благополучно, в частности один клубень батата, из которого получилось около тридцати ростков. Взросло много капусты сорта «южный крест» и несколько баклажанов, а также около двухсот кустов драцены.

Договорилась с плотником Хендерсоном спилить верхушки у двух высоких деревьев, которые мне кажутся ненадежными. Я должна заплатить ему три фунта, веревка моя.

Льюис. Суббота, 18 июня

Должен описать тебе наш праздник. Он давно был обещан работникам и наконец вчера состоялся в одном из новых домов. Мой друг Сими́ле как раз в то утро явился с Савайи за политическим советом. Кроме того, присутствовали: Лауило; отец Элены — оратор семьи Лауило; двоюродная сестра Талоло; паренек из семьи Сими́ле, прислуживавший его превосходительству. Мясник Мету — ты еще не слыхал о нем, но он важное лицо в нашем хозяйстве — привел с собой супругу и мальчика, и еще был один ребенок, в общем восемь гостей. Да нас самих тридцать. Ты бы видел нашу процессию (это было часа в два), когда мы в лучших нарядах направились в банкетный зал! Все, как один, в воскресных туалетах! Новый дом был спешно закончен, стропила украшены цветами, пол, по местному обычаю, устлан зеленью. Мы выдали по этому случаю откормленную свинью, двадцать пять фунтов свежей говядины, банку сухарей, кокосовые орехи и т. д.

Много внимания уделили распределению мест: напротив нас поместились все самоанские дамы Ваилимы, по бокам стола — мужчины. Двое знатных гостей — мужчина и женщина (имей в виду, настоящие вожди) — сидели с нашей семьей, остальные — между Сими́ле и местными дамами. После окончания пира подали каву; церемониал угощения был весьма сложен и, как мне кажется, с расчетом позлить Сими́ле. Ведь он и в самом деле важный вождь, но их с Лауило называли только после всех членов нашей семьи и гостей. Полагаю, на том основании, что его по-прежнему рассматривают как одного из слуг.

Я забыл сказать, что наш чернокожий слуга сначала не явился на пир. Повара разыскали его и, украсив огромными красными цветами гибискуса — под ними была весьма грязная нижняя рубаха, — привели под руки, как застенчивую девушку, и водворили между Фааумой и Эленой, которые окружили его лаской и заботами. Когда пришла его очередь пить каву — можешь мне поверить, из-за их снисходительной нежности к нему, точно к доброму псу, она пришла гораздо раньше, чем следовало, — его назвали новым именем. Они и так из «Аррика» уже сделали «Алеки». Но вместо того чтобы объявить: «Чаша для Алеки», оратор провозгласил: «Чаша для Ваилимы!», с пояснением, что тот «принял свое имя вождя». Вся плантация до сих пор смеется над этой шуткой. Покончили с кавой, и я произнес небольшую речь, переводил Генри. Будь я здоров, следовало бы специально упомянуть о гостившем у нас уже с месяц тонганце Томаси и о Сими́ле, хотя бы ради удовольствия заставить Генри переводить похвалы самому себе. Оратор ответил рядом изящных комплиментов по моему адресу, которые с обычным самоанским искусством легко текли из его уст. После чего мы удалились, предоставив им провести вторую половину дня за пением и танцами. На этом я должен остановиться, потому что с правой рукой опять плохо. Пробую писать левой.

Фэнни. 20 *note 147*

У брата Талоло, красивого юноши, слоновая болезнь. Она у него уже давно, по его словам с год, но он боялся сказать. Случилась и другая беда, похуже. Весь день в субботу Пааталисе выглядел как-то странно. Он ходил за нами следом, говоря на своем языке, и глядел в лицо с печальной улыбкой и с каким-то молящим выражением глаз. Миссис Стивенсон была недовольна тем, что он пришел, уселся рядом с ней на стул и что-то толковал по-своему. Я поняла, что он тоскует по дому, и очень жалела его. Он родом с островов Уоллис *note 148*. Как он попал сюда — не знаю, может быть, вождь племени продал его, а может быть, он приплыл зайцем на какой-нибудь шхуне. Он был у Джо лучшим

Note147

июня

Note148

Острова Уоллис, расположенные в западной Полинезии, состоят из главного острова Увеа и 22 мелких островков. В 1887 г. эта островная группа была захвачена Францией.

работником на плантации, и, так как он нам очень понравился, его взяли в дом прислуживать за столом и помогать Митаэле. В субботу вечером, часов в девять или около того, мы с Ллойдом читали у меня в комнате, как вдруг пришел Митаэле и стал говорить что-то нечленораздельное насчет Пааталисе. Я решила, что тот заболел и лучше всего пойти взглянуть на него. Ллойд понял слова Митаэле так, будто Пааталисе собрался в лес повидаться с семьей.

— Разве его семья в лесу? — спросил Ллойд.

— Нет, — был ответ. Все это звучало весьма загадочно.

Мы застали Пааталисе в постели в каком-то столбняке. Ллойд подумал, что его мучит кошмар и он просто не может проснуться. Я приподняла ему веки и обнаружила, что глаза закатились и неподвижны; тогда я отправилась за Льюисом. Пока мы стояли вокруг и глядели, Пааталисе начал издавать странные звуки, вроде мышиноного писка, иногда фыркал, как кошка, и делал слабые попытки выбраться из постели. Я решила позвать Джо, потому что начала подозревать приступ безумия. Джо не являлся довольно долго, а юноша тем временем стал невменяем. Он кричал, что духи предков и духи живых родичей (оставшихся на островах Уоллис) здесь, в лесу, и зовут его к себе. Он рвался вперед, как человек, собирающийся нырнуть в воду. После того как мы насилу уложили его, я послала за Арриком. Вскоре припадок повторился, и стало ясно, что его надо связать, иначе он убежит и погибнет в лесу. Он так мало привык к ступенькам, что, без сомнения, свалился бы вниз головой с лестницы или прямо шагнул бы с перил веранды.

Сначала мы попробовали обмотать его тело простынями, прикрепив их концы веревками к железной кровати. Ноги тоже привязали к кровати веревкой. Сложив полосой узкие простыни, мы обвили ими крест-накрест его грудь и плечи. Концы простынь были привязаны с двух сторон у изголовья кровати, еще раз скрещивались под ней и затем были накрепко прикручены к ее противоположным углам. Употребив на это порядочный рулон веревки, штук шесть простынь и длинное полотенце, мы сочли, что теперь он уложен надежно; и, так как явились Лафаэле и Савеа, оставили его на их попечение, а сами пошли немного отдохнуть. Золотое кольцо, которое было у Ллойда на мизинце, сломалось во время борьбы. Примерно через полчаса Лафаэле опять позвал нас, и мы обнаружили, что Пааталисе освободился от всех пут и опять готов к бегству. Пришлось забыть о гуманности. С величайшим трудом нам удалось привязать его за запястья и лодыжки к углам кровати, обмотав веревки прямо вокруг тела. Во время одной из его попыток вырваться Льюис и Ллойд вдвоем сидели на его ноге, первый прямо на колене. Внезапный рывок ноги отбросил Льюиса, как мячик. Парню не больше пятнадцати, и хотя он очень крупный, но все-таки еще не вполне взрослый человек. Я опять оставила комнату, чтобы отдышаться, потому что и мне пришлось принять участие в этой последней схватке.

Вскоре за мной явился Джо. «Пааталисе совсем пришел в себя, — сказал он. — Поглядите».

Я спросила, как они добились этого. Оказалось, что Лафаэле послал Савеа в лес за какими-то листьями; их разжевали и приложили к глазам, а также засунули в уши и ноздри. Он впал в почти безжизненное состояние, внушавшее тревогу, но позже проснулся совершенно здоровым. Джо успел развязать ему руки, и я застала Пааталисе уже сидящим с тревожной и умоляющей улыбкой на лице. Несмотря на то, что руки уже были в его распоряжении, он не пытался освободить ноги, посиневшие и распухшие от задерживавших кровообращение веревок, ожидая моего разрешения. Бред совершенно прекратился, и примерно в половине третьего утра все, кроме Джо и меня, отправились спать.

Мне показалось, что Лафаэле слегка встревожен действием своего лекарства. Несколько раз он отзывал меня в сторону, чтобы сказать, что мальчик умрет, вероятно, часа в четыре утра. Однако он не только не умер, но настоял на том, чтобы выполнять свои обычные обязанности. Мы согласились, считая, что будет лучше, если он отвлечется.

Я завела с Лафаэле разговор об этом лекарстве. Сначала он вообще боялся говорить что-либо; сказал, что отец перед самой смертью объяснил, как его применять, и велел

держат это в тайне. Дело в том, что листья, которые он употребил, смертельно ядовиты. Жители Тонга в старые времена отравляли ими своих врагов. Если кто-нибудь питал злобу на другого, он заходил в его дом, спрятав во рту немного разжеванных листьев. Проходя мимо еды или табака, он незаметно брызгал на них этой слюной, Мне кажется, он и сам порядком рисковал, держа яд так долго во рту. Впрочем, думаю, что это Савеа жевал листья для Пааталисе по приказанию Лафаэле. Еще Лафаэле сказал, что, когда человек бывает ранен, особенно в руку или ногу, и у него сведет челюсти, в ноздри ему засовывают жеванные листья. Очень скоро спазм проходит, мышцы расслабляются, и после этого можно не сомневаться в выздоровлении. Как рассказывает Джо, когда Лафаэле давал Пааталисе лекарство, он душил его так, что Джо даже начал волноваться. Я попросила показать мне веточку этого дерева.

— Я скажи пусть Тонга пришли немного, — ответил Лафаэле.

Я на короткое время перевела разговор, а потом вернулась к расследованию.

— Это дерево, наверное, совсем близко от дома? — спросила я. — Ведь листья достали очень быстро.

— Ну да, — ответил простодушный Лафаэле, — вон там. Здесь, Самоа, только два такой дерево. Наш и Матафеле.

Он обещал показать мне дерево, и я пошлю несколько листьев дяде Джорджу.

В прошлый четверг мы устроили праздник для наших людей. Лафаэле заколол огромную свинью, чуть не с меня ростом. Мы купили двадцать пять фунтов свежей говядины, на полдоллара кавы, затем таро, сухарей и т. д. Праздник происходил в одном из новых домов. Произносили речи и, подавая каву, выкликали имена, как положено. Гости разошлись, нагруженные подарками, и вообще все удалось на славу.

В тот же вечер Бэлла и Ллойд были на балу, устроенном для офицеров военного корабля («Кюрасао»). Я спросила, о чем говорят в Апии, ожидая услышать последние политические новости, но оказалось, все были настолько заняты обсуждением ног Бэллы Деккер, что это исключило все другие темы. Бэлла Деккер — хорошенькая маленькая блондинка, которой, по словам ее матери, четырнадцать лет. Она была на маскараде в костюме феи, и теперь апийское общество терзает вопрос показала Бэлла Деккер свои ноги выше, чем это позволяют приличия девочке ее возраста, или нет? Что до возраста, то, как говорят, ей может быть сколько угодно между четырнадцатью и сорока, но ноги ее вполне заслуживают внимания. Миссис Деккер обращалась к мистеру Хаггарду и другим высоким лицам с просьбой высказаться официально, и вообще была форменная буря в стакане воды.

Льюис. Четверг, 21 июня

Чтобы понять весь ужас сцены безумия и то, как прекрасно держались мои люди, не забывай, что они верили бреду Пааталисе, будто его умершие родичи, числом не менее тридцати, окружают переднюю веранду и зовут его в другой мир. Они знали, что его покойный брат повстречался ему в тот вечер в лесу и ударил его по обоим вискам. И еще представь себе: мы схватились с мертвыми, а им предстояло выйти опять в черную ночь — в царство мертвого человека. И несмотря на это, когда мне вчера показалось, что Пааталисе собирается повторить спектакль, и я послал за Лафаэле, у которого был свободный день, они с женой пришли около восьми вечера с зажженным факелом. Вот за что я прощаю моему старому скотнику его различные недостатки. Это люди героического масштаба. Таковы же, без сомнения, и их недостатки.

Фэнни. 21 июня

Приходили в гости Абдул и Лауило. Абдул принес несколько подстреленных птичек. Небольшие неприятности с Эленой. Она забросила работу и вообще мусу. Аррик, наоборот, день ото дня все лучше; и даже внешне похорошел. Вчера нам понадобилось лекарство для

Пааталисе. Я послала за ним Аррика, как самого надежного. Он отправился бодрой рысцой и через час уже был дома. Три мили в один конец, назад в гору, да еще по безнадежно разбитой каменистой дороге.

«Сынок» Лафаэле уезжает вместе со старым тенганцем сегодня в четыре на «Уполу». Когда мы попрощались со стариком (мы преподнесли ему месячное жалованье, которое он честно заработал), то, поворачивая за угол веранды, он драматическим жестом прикрыл глаза рукой, словно от избытка чувств, я думаю — неподдельного.

Как-то Бэлла сказала: «Мне кажется, вы, самоанцы, неспособны долго горевать». Талоло, глубоко задетый этим предположением, возразил: «Нет, способны. Если у человека сбежит жена, он очень плохо себя чувствует два или три дня».

Пааталисе, по-видимому, гораздо лучше. Ужасный жар, который был у него вчера ночью, прошел, голова, по его словам, не болит. Я забыла рассказать о его трогательном поступке. На утро после припадка безумия он спустился вниз, когда вся семья сидела за завтраком, и поцеловал каждого, по местному обычаю.

Генри был у нас на празднике и сидел на почетном месте как член семьи. Он говорит, что на Савайи прошел слух, будто в порту стоят восемь немецких военных судов и были обстреляны Малие и Маноно. Договорились, что Льюис будет писать ему с каждой оказией.

Льюис. Суббота, 2 июля

Я переписывал «Дэвида Бэлфура» левой рукой (нелегкая задача). Фэнни наблюдала за настилкой пола в самоанском доме, Ллойд был в Апии, а Бэлла у себя занималась уборкой, как вдруг я услышал, что Бэлла зовет меня. Выскакиваю на веранду и вижу: на лужайке мой полоумный парень, разубранный папоротниковой зеленью, пляшет с топором в руках. Мчусь по лестнице вниз и обнаруживаю, что все прочие слуги собрались на задней веранде и наблюдают за ним сквозь столовую. Спрашиваю: «В чем дело?» Они говорят «Так танцуй его родина». Я говорю: «Мне кажется, сейчас не время для танцев. Разве он сделал свою работу?» — «Нет, он все утро лес». Но никто из них и не думает уходить с веранды. Тогда я сам прошел через столовую и велел ему прекратить танец. Он послушался, положил топор на плечо и повернулся, чтобы уйти, но я окликнул его, подошел и взял топор из его послушных рук. Юноша хорош во всех отношениях: не могу сказать, что я был напуган этим зрелищем, но я твердо чувствовал необходимость остановить его, чтобы он не довел себя танцем до каких-нибудь безумств. Домашние работники все отрицают, что испугались, но я знаю одно: они наблюдали за ним из-за угла и вылезли оттуда не раньше, чем я отобрал у него топор. А рабочие плантации, которые были с Фэнни в самоанском доме, сразу поняли, что дело плохо, и не скрывали своих опасений.

Льюис. Вторник, 12 июля

Совсем не работаю, и мозг мой в бездействии. Фэнни и Бэлла в соседней комнате шьют на машине. Я подергал их за волосы, и Фэнни поколотила меня и выставила вон. Гонялся по веранде за Остином, но теперь он пошел готовить уроки, а я с горя притворяюсь, что пишу тебе письмо. Но у меня нет ни одной мысли; плаваю в пустоте. Голова как сгнивший орех. Что-нибудь одно: либо я скоро примусь за работу, либо спрячу какую-нибудь деталь от их машинки. Получил твое совершенно неудовлетворительное письмо, которое недостойно благодарности. Рецензий Госса и Беррела *note 149* я не видел. Если я еще когда-нибудь напишу письмо в «Таймс», можешь опять прислать мне газету; пришли мне также, пожалуйста, битую для крикета и торт, а когда приеду погостить, я хотел бы получить пони.

Note149

Эдмунд Госс (1849 — 1928) — английский поэт и критик. Огюстен Беррел (1850 — 1933) — английский политический деятель и критик.

Остаюсь, сэ, ваш почтенный слуга Джекоб Тонсон *note 150*.

P. S. Я здоров. Надеюсь, что и ты в добром здравии. Мы слишком погрязли в мирских заботах, и матушка велит мне подобрать волосы и зашнуроваться потуже.

Примерно всю третью неделю августа Стивенсоны вели очень светский образ жизни. У Бэзетта Хаггарда гостила графиня Джерси, и Льюис устроил для нее поездку к Матаафе, чтобы удовлетворить ее любопытство. Поскольку Матаафа считался «мятежным королем», визит этот должен был состояться неофициально и по возможности инкогнито. Льюис очень веселился, называя леди Джерси своей кузиной Амелией Бэлфур. Компания осталась у Матаафы ночевать, да и завтрак порядком затянулся *note 151*. Последующие дни, включая начало сентября, тоже были заполнены разнообразной светской суетой и деятельностью.

Льюис. Понедельник, 12 сентября

В среду общество «Девы Апии» давало бал для избранных. Фэнни, Бэлла, Ллойд и я отправились в город, по дороге встретили Хаггарда и продолжали путь вместе. Пообедали у Хаггарда, оттуда на бал. Пришел главный судья, и тут же все заметили, что только на нас двоих из всех присутствующих красные кушаки, и притом у обоих кровавого оттенка, да-с, сэ, кровавого. Он пожал руку мне и прочим членам семейства. Но самый смак был впереди: вдруг я оказываюсь с ним в одной и той же четверке кадрили. Не знаю, где они откопали этот танец, но в нем столько шума, прыжков и объятий, что передать невозможно. Быть может, удачнее всего выразился Хаггард, назвав его лошадиными курбетам. Когда мы с моим заклятым врагом оказались вовлеченными в это веселое занятие и то брались крест-накрест за руки, то подпрыгивали, то чуть ли не одновременно попадали в широкие объятия вполне порядочных особ женского пола, мы — или, вернее, я — сначала пытались сохранить какие-то крохи достоинства, однако ненадолго. Проклятие заключается в том, что лично мне этот человек нравится: я читаю понимание в его глазах, мне приятно его общество. Мы обменялись взглядами, потом улыбкой, он доверился мне, и весь остальной галоп мы проскакали исключительно друг для друга. Трудно представить себе более комичную ситуацию: неделю назад он пытался добыть свидетельства против меня, терроризируя и запугивая метиса-переводчика; утром этого самого дня я безжалостно напал на него в статье, предназначенной для «Таймс»; и вот мы встречаемся, улыбаемся и — черт побери — испытываем взаимную симпатию. Я изо всех сил критикую этого человека и стараюсь изгнать его с островов, но слабость не покидает меня — он мне нравится. Будь на моем месте кто-то другой, я презирал бы такое поведение; но этот человек так восхитительно коварен, так лстив! Нет, сэ, я не могу не любить его. Но если мне не удастся стереть его в порошок, то не от недостатка старания.

Note150

Джекоб Тонсон (1656 — 1736) — английский книготорговец и издатель.

Note151

Леди Джерси — жена губернатора Нового Южного Уэльса — важнейшей из шести английских колоний в Австралии (см. прим. 3 к дневнику за 1891 г.). Разумеется, о ее поездке к Матаафе вскоре стало известно в Апии, и этот визит был расценен местными официальными лицами как поощрение «мятежного короля».

Самоанская сценка

Вчера у нас на ленче были два немца и юноша-американец, а во второй половине дня Ваилима переживала состояние осады: десятеро белых на передней веранде, по меньшей мере столько же коричневых в кухонном домике и неисчислимое количество чернокожих, пришедших навестить своего соплеменника Аррика.

Это напомнило мне о происшествии. В пятницу Аррик был послан с запиской в немецкую фирму и не вернулся домой вовремя. Мы с Ллойдом как раз направлялись спать. Было поздно, но ярко светила луна — эх ты, бедняга, тебе и не снились такие луны! — как вдруг мы увидели возвращающегося Аррика с забинтованной головой и сверкающими глазами. Он подрался с чернокожими с острова Малаита *note 152*. Их было много, один даже с ножом. «Я уложил все — три и четыре!» — кричал он. Но его самого пришлось отправить к доктору и сделать ему перевязку. На следующий день он не мог работать, упоение победой слишком распирало его тощую грудь. Он одолжил у Остина однострунную арфу *note 153*, которую сам ему сделал, пришел в комнату Фэнни и стал петь воинственные песни, а потом протанцевал боевой танец в честь своей победы. Как выяснилось из последующих сообщений, победа была весьма серьезная: четверо его противников попали в больницу и один в угрожаемом положении. В Ваилиме эта весть вызвала всеобщее ликование.

Льюис. Четверг, 15 сентября

Во вторник наш юный путешественник *note 154* был готов к отъезду, и около трех часов в этот пасмурный, знойный и вообще глубоко тягостный день Фэнни, Бэлла, он и я

Note152

Малаита — один из Соломоновых островов, расположенных в центральной Меланезии.

Note153

Однострунная арфа, точнее, музыкальный лук — простейший струнный музыкальный инструмент, издавна распространенный в Меланезии и Полинезии. Играли на нем зубами.

Note154

Десятилетнего Остина Стронга отправляли в школу в Монтерей (Калифорния), где жила Нелли Санчес, сестра Фэнни.

отправились из дому. Мальчик сидел позади Бэллы; у меня из каждого кармана торчало по пинте шампанского, а в руках был сверток. Принимая во внимание, что Джек натер себе ранку и поэтому был без подпруги, я, признаться, занимал не слишком выгодную позицию. В пути из нависшего мрака начал просачиваться мелкий поганый дождичек, Фэнни раскрыла зонт, ее лошадь прянула, стала на дыбы, налетела на меня, потом на Бэллу с мальчиком и стрелой понеслась назад к дому. Поистине могла и должна была случиться первоклассная катастрофа, однако ничего не произошло, кроме того, что Фэнни здорово переволновалась: она ведь не знала, что с нами, пока ей не удалось справиться с лошадейю.

На следующий день Хаггард отправился к себе в земельную комиссию и оставил дом в нашем распоряжении. Явились все наши люди, увешанные венками, мы взяли для них лодку; у Хаггарда в лодке комиссии был поднят флаг в нашу честь, и, когда наконец пришел пароход, юный путешественник был доставлен на борт с большим шиком, имея при себе новые часы с цепочкой, около трех с половиной фунтов на мелкие расходы и пять больших корзин с фруктами в качестве доброхотного подношения капитану. Капитан Морс пригласил нас всех на завтрак; шампанское текло рекой, так же как взаимные комплименты, а я изображал благосклонную знаменитость в натуральную величину. Таковы были великие проводы юного путешественника. Когда наша лодка отчалила, он стоял у самого трапа, поддерживаемый тремя прекрасными дамами — одна из них и в самом деле цветущая красавица певица мадам Грин, — и, улыбаясь сквозь слезы, тоже выглядел очень привлекательно. Я, конечно, не хочу сказать, что он плакал при людях.

Но до чего же мы устали! Возвращение домой всегда благо, но на этот раз казалось чудом, что мы добрались туда живыми. Наши потери: у Фэнни сотрясение позвоночника вследствие происшествия с лошадейю; у Бэллы мигрень от слез и шампанского; у меня тупоумие, похмелье, слабость; у Ллойда — то же, что у меня. Что касается путешественника, то надеюсь, его путешествие к началу самостоятельной жизни будет приятным. Но невольно тревожишься, когда подобная кроха впервые снимается с якоря.

Льюис. 30 сентября

Кончен «Дэвид Бэлфур» и вместе с ним его автор, или во всяком случае близок к тому. Просто удивительно, что даже наш здешний врач повторяет чепуху насчет расслабляющего климата. Какое там! Работа, которую я проделал в последние двенадцать месяцев одним духом, досадуя на каждую помеху и без единого серьезного срыва, была бы невероятна где-нибудь в Норвегии...

Живость — вот к чему я стремлюсь прежде всего, подлинная живость, передающая всю полноту жизни. Затем, может быть, немного лирики и красочности, но каждая сцена должна достигать эпического уровня, чтобы действующие лица навсегда запечатлелись в памяти.

Льюис. 8 октября

Что, если я попрошу тебя прислать нам несколько каталогов фирм, торгующих скульптурой? Геркулесы в натуральную величину мне не нужны, а так, в четверть человеческого роста и меньше. Хорошо, если каталоги иллюстрированы, это будет подспорьем слабой памяти. Они скрасят нам те редкие свободные минуты, когда мы развлекаемся, придумывая, какой прекрасный выстроим дворец, если не вылетим в трубу. Быть может, тебе доставит не меньшее удовольствие прислать нам образцы обоев, которые поразят тебя дешевизной, красотой и пригодностью для жаркого климата с исключительно ярким солнцем. Но при этом не забывай, что здешняя погода может быть также исключительно мрачной... Гостиная будет отделана лакированным деревом. Комната, которая особенно занимает мои мысли, — что-то среднее между спальней и гостиной. Она очень просторная, с окнами на три стороны, а любимый цвет ее владельца в настоящее время — топазово-желтый. Но тогда какой же цвет выбрать для оживления? Для моего маленького

кабинета позади нее я предпочел бы какие-нибудь образцы матового — убей меня, если я могу описать этот красный цвет — не турецкий, и не римский, и не индийский, но похоже, что он вмещает в себе два последних, и все же это ни тот ни другой, поскольку необходимо, чтоб он мог сочетаться с киноварью. Ах, какую сложную ткань мы сплели! Но как бы то ни было, напряги остатки своих мозгов и выбери и пришли мне сколько-то — да побольше! — образцов точно такого оттенка.

Недавно был день рождения Хаггарда, и он обедал у нас со своим кузеном... И разумеется, для каждого из присутствующих был сочинен стишок... Стихи про Фэнни не столь вразумительны, но сопровождавший их танец и пантомима ужаса хорошо передавали впечатление, которое производит вездесущая, неумолимая, миниатюрная фигурка в синем платье.

Льюис. 2 ноября

Мы ожидали в субботу к завтраку капитана Морса с «Аламеды» и с истым тихоокеанским гостеприимством еще в пятницу закололи свинью. В субботу утром хватились — туши нет. Некоторые наши работники как-то путались в объяснениях. Ближайший сосед, живущий в лесу пониже нас, порядочный негодяй. Он в большой дружбе кое с кем из работников, и его проклятый дом притягивает их, как липучка мух. Вдобавок в субботу состоялось грандиозное публичное подношение королю и его советникам, процедура, во время которой для самоанца любая кража почти дело чести, особенно же кража свиньи.

Все это позволяло предположить, что, если никто из наших работников и не утащил тушу, они могли знать вора. Кроме того, украденное мясо предназначалось для гостей, что придавало краже характер оскорбления, и «мое лицо», по туземному выражению, «покрылось стыдом». Поэтому мы решили учинить суд, который и состоялся прошлым вечером после обеда. Я сидел во главе стола, по правую руку от меня Грэм *note 155*, по левую — Генри Симиле, за ним Ллойд. Вся домашняя компания расселась на полу вдоль стен — двенадцать человек, кому было сказано явиться. Я, говорят, походил на Брэксфилда *note 156*, насколько позволяет моя внешность; Грэм, обладающий суровым лицом, напоминал Радаманта *note 157*; вид Ллойда внушал ужас, а Симиле был исполнен величавой важности самоанского вождя. Заседание открылось произнесенной мною самоанской молитвой, которая в переводе звучит примерно так: «О господи, взгляни на нас и озари наши сердца. Удержи нас от лжи, чтобы каждый удостоился предстать перед твоим предвечным лицом». Затем, начиная с Симиле, каждый подходил к столу, клал руку на Библию и фразу за фразой повторял за мной следующую клятву (боюсь, по-английски она может даже показаться смешной, но по-самоански звучит очень красиво и затрагивает мистические чувства этого народа): «Здесь предо мной святая Библия, которой я касаюсь. Взгляни на меня, о господи! Если я знаю, кто утащил свинью, или место, куда ее унесли, или что-нибудь слышал на этот счет и не скажу об этом, пусть бог тогда положит конец моей жизни!» Все они отнеслись к делу с такой серьезностью и твердостью, что (как сказал Грэм), не будь они

Note155

Грэм Бэлфур (1858 — 1929) — кузен Льюиса, приехавший погостить в Ваилиму. По поручению семьи писателя впоследствии написал его биографию.

Note156

Роберт Маккуин, лорд Брэксфилд (1722 — 1799), вошедший в историю Шотландии как «судья-вешатель», послужил Стивенсону прототипом главного персонажа романа «Уир Хермистон».

Note157

Радамант — в греческой мифологии один из трех судей в подземном царстве (Элисии), сын Зевса и Европы, брат Миноса.

непричастны, это были бы бесценные свидетели. Их поведение казалось настолько убедительным, что я больше не допытывался, и комичная, но в то же время странно-торжественная сцена на этом окончилась.

Фэнни. 23 декабря

Дневник мой был надолго заброшен. Примерно тогда же, когда я перестала записывать, мы уличили Джо Стронга в различных прегрешениях: подобрав ключи, он ночами обчищал погреб и кладовую. Обнаружив, что нам это известно, он в отместку обошел всех наших друзей в Апии, клеветая на Бэллу. Пришлось его выставить, и Бэлла потребовала развода, который был получен без труда, так как он с первых дней здесь сожительствовал в Апии с туземной женщиной. Это старая история, начавшаяся еще в первый его приезд. Кроме того, он был в связи с Фааумой. Он приходил сюда однажды поздно вечером, каялся и просил принять его назад. Мне было так тяжело его видеть, что у меня сделался приступ грудной жабы; по-видимому, я и до сих пор не совсем оправилась. Льюис назначен единственным опекуном ребенка, которого мы отослали в школу к Нелли.

Джерси были здесь и уехали, подняв за собой клубы славы по всему острову. Милый Хаггард так и ходит окутанный этим облаком. Они представляли собой весьма эгоистичную аристократическую компанию, за исключением дочери — леди Маргарет Виллерс, высокой, длинноногой, нескладной девицы в лучшем английском вкусе — доброй и ласковой, располагающей к себе милым простодушием юности. Сама леди Джерси — тоже высокая, длинноногая и нескладная, с беззастенчивыми черными глазами и чувственным ртом, очень эгоистичная и жаждущая поклонения, с налетом вульгарности, по-мужски храбрая и по-женски безрассудная.

1893 год

В дневнике Фэнни пробел, охватывающий первые месяцы 1893 г., первая запись помечена 3 июля; зато письма Льюиса в этот период очень полные.

Льюис. 24 января

Это письмо должно было уйти с прошлой почтой, но как-то отстало. Главное мое оправдание в том, что я открывал парад инфлуэнцы, каковому подвигу с той поры целиком посвятило себя все наше семейство. У нас было восемь случаев болезни, один из них очень тяжелый и один — мой собственный — осложненный приходом старого приятеля — «кровавого Джека». К счастью, ни Фэнни, ни Ллойд, ни Бэлла не подхватили проклятой штуки и были в состоянии вести хозяйство и при этом превосходно ухаживали за больными.

Кое-кто из ребят показал себя с наилучшей стороны. Быть может, трогательнее всего были действия нашего замечательного Генри Симиле, или Дэви Бэлфура, как мы его порой называем. Он, прошу заметить, вождь, а даже самый простой самоанец относится к необходимости выносить нечистоты с таким отвращением, как, например, ты бы отнесся к шулерским обязанностям. И все же в последние ночи трудного периода, когда у нас сразу слегло семь человек, хоть кого мог бы рассмешить или растрогать до слез вид Генри, совершающего обход с помойным ведром и ныряющего с ним все с той же молитвой под москитную сетку каждого больного, независимо от того, католик он или протестант...

После того как остальные семеро почти поправились, Генри сам слег с инфлуэнцей. Но сейчас ему лучше, и похоже, что теперь Фэнни собирается замкнуть шествие. Я сам уже в порядке, хотя дошел было до того, что диктовал «Энн» *note 158*, пользуясь языком

Note158

«Энн» — одно из первоначальных названий романа «Сент-Ив».

глухонемых, а это, как ты сам понимаешь, апогей...

Не трудись насчет обоев. Мы полностью отделали новый дом, и все выглядит отлично. Мне бы хотелось показать тебе зал. Ему не повезло, он начал свое существование в качестве лазарета во время наших последних событий. Но сейчас это в самом деле нарядное и уютное помещение, а когда появятся мебель, картины и самое главное украшение — рамы от картин, вид будет просто грандиозный.

В середине февраля Льюис с Фэнни и Бэллой плавали на «Марипозе». Они поехали на месяц поразвлечься, и однажды Фэнни, как пишет Льюис, была в таком ударе, что съела за завтраком целую курицу, «не считая горы горячих оладий». Сам Льюис был очень весело настроен, несмотря на то что перенес тяжелую болезнь с двумя легочными кровотечениями.

Льюис. 21 февраля

Фэнни на палубе, я только что доставил к ней агента Канадской тихоокеанской железнодорожной компании, так что она теперь в хороших руках.

Жаль, что ты не можешь слышать моих застольных бесед с экономом-ирландцем и маленьким лаборантом Дэвисом, страстным любителем каламбуров. Бэлла тоже сочиняет какие-то путаные босуэллизмы. После завтрака, выяснив, какого рода шутки должны здесь иметь успех, я заметил «Босуэлл интересен, но антирейсен и потому запрещен на все время рейса». *note 159*

На обратном пути дела обстояли не так весело. У Бэллы были «неприятности с зубами», Фэнни серьезно заболела, хотя вскоре начала поправляться, а сам Льюис заработал жестокий плеврит.

Бедняга Фэнни имела мало радости от поездки, просидев почти все время на солодовом экстракте и жидкой пище, и это, пока остальные объедались устрицами и грибами... Но если взять все в целом, удовольствие огромное. Вначале развлекалась даже Фэнни, а мы с Бэллой — непрерывно. Мы по секрету от Фэнни купили ей платье из роскошного черного бархата с брюссельскими кружевами. Увы, она смогла надеть его лишь раз. Но мы надеемся еще наглядеться на него в Самоа; оно в самом деле очень красивое. Обе дамы обмундированы по-царски: в шелковых чулках и т. д. Возвращаемся мы, как из набега, с трофеями и ранеными. Я стал настоящим щеголем: я ведь еще два года назад заявил, что переменюсь. Неряшливая юность куда ни шло, но в зрелые годы, боже упаси! Итак, теперь я по-настоящему элегантен, всегда в белой рубашке, при галстуке, всегда свежевыбрит, в шелковых носках — грандиозное зрелище!

Льюис. 5 апреля

Нет, притворяться невозможно; Фэнни больна, и мы в страшной тревоге...

Льюис. Пятница, 7 *note 160*

С благодарностью судьбе могу сказать, что новое лекарство сразу помогло ей. С того

Note159

Джеймс Босуэлл (1740 — 1795) — английский юрист и литератор. По-английски каламбур построен на словах *barred* (запрещен) и *Barred* (допущен к адвокатуре), последнее образовано Стивенсоном от существительного «the Bar». — Прим. пер.

Note160
апреля

дня мы все словно сбросили траур. И чтобы еще улучшить настроение, сегодня такое утро... Ах, ничего подобного ты никогда не видел. Просто рай земной, такая чистота, свежесть. Краски невообразимые — целая бездна оттенков, и колоссальная тишина вокруг, которую в этот момент нарушает только отдаленный шепот Тихого океана и полнозвучное пение какой-то одинокой птицы. Ты не можешь себе представить, как это облегчает душу. Точно попал в новый мир. Фэнни обладает такой необыкновенной способностью к восстановлению своих сил, что я надеюсь на лучшее. Сам я измучен до предела. Это большое испытание для семьи, и, благодарение богу, наша, кажется, перенесла его с честью. Только бы миновала беда, тогда даже приятно будет вспомнить это время. Пока что все мы нездоровы, исключая Ллойда. Фэнни — смотри выше, сам я на пределе, Бэлла переутомлена и мается зубами, повар слег из-за раны в ступне, дворецкий в постели с больной ногой. Вот это семейка!

Воскресенье. Серое небо; потоки дождя; время от времени гроыхает гром и сверкают молнии. Все для снижения духа; но мои больные действительно поправляются. Дождь глухо шумит, как море. В этом звуке мне чудятся чьи-то странные и зловещие приближающиеся шаги, точно надвигается и обдает холодом нечто безымянное и безмерное, но в то же время желанное для меня. Я тихо лежу в постели и думаю о вселенной с большой долей самообладания.

Льюис.16 апреля

Пришлось уничтожить несколько страниц этого письма, недостойных даже презрения. Жалкие вопли раздавленного червяка; материал, который ни к чему ни тебе, ни мне. Фэнни значительно лучше, надеюсь, что теперь все в порядке. Я тоже поправляюсь, хотя и страдал червячной раздавленностью, что вредно телу, а для души настоящее проклятие.

Льюис. 17 note 161

Друг мой, политика — грязное и путаное дело; я плохо относился к ассенизаторам, но они сияют чистотой рядом с политиками!

Льюис. Четверг, 20 апреля

Общий и прочный прогресс. Фэнни готова к бою и весела; моя персона быстро идет на поправку, и глаза уже высматривают лес, который надо свести, а рука тянется к топору, стосковавшемуся по тяжелой работе.

Льюис. 25 апреля

Сегодня мы ездили до Танунгаманоно, а потом по новым лесным дорожкам. Одна привела нас к очаровательной вырубке, на которой стоят четыре туземных дома; вокруг — таро, ямс и тому подобное, все в превосходном состоянии; и старый Фолау — самоанский еврей — сидел там и насвистывал, довольный своим вновь обретенным и заслуженным благоденствием. Приятно было видеть самоанца, так прочно устроившегося в мире.

Льюис. Воскресенье note 162

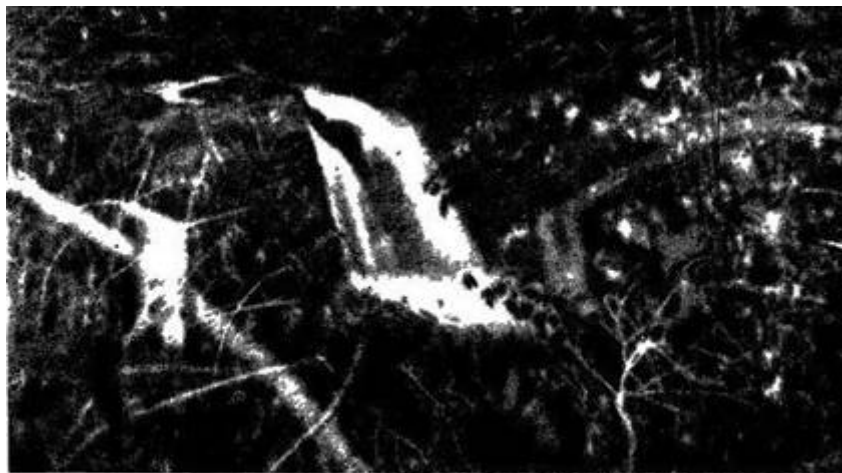
Note161
апреля

Note162
апрель

Снова божественный день! В мире мертвая тишина, не считая того, что издалека, из лесной деревни внизу, доносится потрескивание деревянного барабанчика, созывающего народ в церковь. Ни один листок не дрогнет; лишь время от времени внезапный и сильный толчок холодного воздуха разбрасает мои бумаги, и опять все тихо. Король Самоа отказался от моего посредничества между ним и Матаафой, и я не отрицаю, что для меня это удобный случай избавиться от трудного предприятия, в котором я очень легко мог потерпеть неудачу. Что еще можно сделать для этих неразумных людей?

Льюис. Воскресенье, 4 июня

Вчера, в сказочно прекрасный день, полный солнца и оживления, в 12.30 я сел на лошадь и пустился в путь. Слуга открывает передо мной ворота. «Доброго сна и долгой жизни! Благословение вашей поездке!» — говорит он. А я отвечаю: «Доброго сна, долгой жизни, благословение дому». Итак, вперед по дорожке мимо лимонных деревьев, такой неровной, узкой, извилистой, что почти верится, будто она ведет в Лионесс *note 163* и сейчас покажутся голова и плечи забредшего сюда великана. На повороте дороги я встречаю налогового инспектора и веду с ним дипломатическую беседу. Он хочет, чтобы я заплатил ему налог за новый дом; я же слышал, что не обязан этого делать до будущего года, и мы расстаемся *re infecta*: он — посулив принести мне постановление, я — уверяя его, что, если обнаружу какие-нибудь поблажки другим, стану самым непокорным налогоплательщиком на острове. Затем я останавливаюсь у обочины поболтать с нашим прежним слугой. Еще дальше мне попадаются двое детей, идущих из города. «Любовь! — говорю я. — Оба вождя шествуют в глубь острова?» И они отвечают: «Любовь! Да!» *note 164* На этом интересная церемония заканчивается.

Ваилимский водопад

Льюис. Вторник, 6 *note 165*

Note163

Лионесс — родина легендарного короля Артура и место действия связанных с его именем легенд о подвигах рыцарей Круглого стола. По преданию, местность затоплена океаном и находится на глубине сорока морских саженей под водой к западу от Корнуэлла (Англия).

Note164

Алофа (любовь) — одна из форм приветствия у самоанцев.

Note165

июня

Я с восторгом бездельничаю. С запада хлещет дождь; очень необычная погода. Утром я вышел на маленький балкон перед моей комнатой, и вдруг во мне поднялась или обрушилась на меня откуда-то сверху волна чрезвычайного и как будто ни на чем не основанного возбуждения. Я буквально зашатался. И тут же пришло объяснение: я почувствовал себя так, словно душой и телом вновь перенесся в Шотландию, более того, в окрестности Кадландера. Поразительно это повторение ощущений, заключающих в себе целый мир: хижины и торфяной дым, бурлящие коричневые реки, промокшую одежду, и виски, и романтику прошлого, и, наконец, ту невыразимую щемящую боль, которую все это, вместе взятое, вызывает в нашем сердце. А именно в ней и заключается суть, вернее, она лежит в основе всего переживания.

Фэнни. 3 июля

Все только и говорят, только и думают о надвигающейся войне. Президент уехал, главный судья должен уйти в отставку. Мистер Мэйбен — государственный секретарь. Три консула помогают обанкротившемуся правительству вести дела. Туземные кланы *note 166*, большей частью неохотно, все же прибывают для поддержки Лаупепы. Несколько дней назад Льюис и Пелема *note 167* побывали на аванпостах мятежников с целью поглядеть, что там делается. Вооруженные самоанцы охраняют переправу по, дороге на Ваиусу, следующий брод после реки Нгасенгасе. наших встретили любезно, и они отправились дальше в Ваиалу, в гости к Бедному Белому Человеку *note 168*. Вернулись они в безумном волнении, сгорая от желания тоже вмешаться в драку. Я вижу, что будет трудной задачей удержать Льюиса; он скоро совсем потеряет голову. После этого мы с Льюисом и Бэллой ездили по той же дороге, и Бэлла делала зарисовки. Мы привлекали такое внимание, что было даже странно. Еще до въезда в Апию нас отовсюду дружески приветствовали; со всех сторон раздавалось «Талофа».

Когда мы приблизились к Ваиусу, Льюис велел ехать как можно быстрее, чтобы нас не остановили. Я сказала: «Тогда поезжай вперед, а я за тобой». Но я не собиралась мчаться по городу. Во-первых (и это главное), у меня был приступ радикулита, обострившегося от внезапного скачка моей лошади; во-вторых, я испытывала какое-то ребячливое отвращение к тому, чтобы обнаружить перед потенциальным врагом признаки беспокойства. И в результате нам обоим пришлось терпеть унижение. В центре города есть небольшой мост. Перед самым мостом моя негодная лошадь остановилась как вкопанная и начала дрожать и подгибать колени. Не знаю, притворялась она, что боится, или это было началом припадка, которым она подвержена. Во всяком случае я не могла заставить ее двинуться с места. Мне не оставалось ничего другого, как ждать, что будет дальше, потому что Бэлла и Льюис уже умчались и пропали из виду. Люди, сидевшие у своих хижин, сначала глядели на меня с любопытством, по-видимому недоумевая, в чем дело, а потом догадались, и мужчина с мальчиком подошли и повели, вернее, потащили вперед бессовестную Ваиваи, вполне оправдавшую свое имя (притворщица или слабосильная). Тем временем Льюис, хватившись меня, повернул назад и, как оказалось, был порядком встревожен, увидев меня в руках, возможно, враждебных самоанцев.

Вскоре после этого эпизода мы подъехали к флагу, возвещающему перемирию, —

Note166

Имеются в виду большесемейные общины (см. прим. 42 к дневнику за 1891 г.).

Note167

Самоанское имя Грэма Бэлфура.

Note168

Вождь, по имени Фаамоина, более известный по своему прозвищу Папаланги Матива — Ниший Чужеземец, или Бедный Белый Человек.

белому лоскуту в рамке из трех палок, прикрепленному к кокосовой пальме. Потом нам попался еще один такой и, наконец, третий. Подъезжая к деревне Ваиала, мы услышали звуки дудки и барабана и неожиданно очутились в центре большой группы рослых молодых воинов, играющих в крикет. Нигде не было ни одного ружья, не было и стражи у брода, где раньше ее видел Льюис. Жена вождя выбежала из дома встретить нас. Юноши приняли лошадей, жена поцеловала нас и ввела в дом. Вождь сидел в центре на красивой циновке, дюжина вождей меньшего ранга с серьезными лицами расположилась кружком под скатом крыши. Приготовили каву. Я заметила, что запасы у них были скудные, и порадовалась, что мы, по самоанскому обычаю, привезли немного в подарок. Мы захватили с собой также местного табаку.

Белый, по имени Ри, сборщик налогов, тоже сидел в кружке, поджидая, к нашему удивлению, главного судью, у которого было какое-то дело к Бедному Белому Человеку по поводу прав на землю. Пока мы беседовали и обменивались обычными самоанскими любезностями, вернулась Бэлла, умчавшаяся сразу по приезде делать зарисовки, и стала о чем-то шептаться с хозяйкой. Та передала ей поразительную тала *note 169*, будто Льюис и три консула заявили о своем намерении завладеть головой Матаафы.

На обратном пути мы остановились, чтобы дать Бэлле возможность сделать набросок переправы, и вторично — одного из мирных флагов. По-видимому, здесь Бэлла обронила свой хлыст. Проехав дальше, мы столкнулись с главным судьей. Он сильно похудел со времени нашей последней встречи, казался очень суровым и косил в разные стороны гораздо заметнее прежнего. Мы остановились посреди реки для еще одной зарисовки, когда Бэлла обнаружила потерю хлыста, и Льюис повернул за ним назад, оставив нас в обществе пожилого бородатого самоанца и нескольких молодых. Как только Льюис ускакал, старший сделал знак, и два длинноногих парня помчались за ним, как жеребята. Насколько я себе представляю, они решили, что Льюис преследует главного судью, чтобы как-то его обидеть. Потом оказалось, что они из его свиты. Встретили же мы главного судью лишь в сопровождении чернокожего силача и молодого самоанца.

Пока Льюис отсутствовал, старший самоанец беседовал с Бэллой на родном языке.

— Кто эта женщина? — спросил он дерзко, указывая на меня пальцем.

— Следовало бы сказать: кто эта дама? — поправила Бэлла. — Зачем вы так на нее смотрите? — добавила она. — Разве она вам не нравится?

— Это свиное рыло, — был ответ.

«Свиное рыло» — самое оскорбительное выражение, какое есть в самоанском языке.

Полусердито-полунасмешливо, как обычно Бэлла разговаривает о нашими людьми, когда те плохо ведут себя, она стала поддразнивать его, говоря: «Человек, который не умеет обращаться с дамами, не может быть хорошим воином». Она заставила его повторить за собой: «Вы красивая дама, и ваша мать — красивая дама», чем очень развеселила его друзей.

Льюис вернулся без хлыста. Мы не рассказали ему о грубости этого человека, который теперь крайне вежливо подал Бэлле взамен ее хлыста сломленный с дерева прутик и пожелал нам обеим «Тофа», когда мы отъезжали.

В тот вечер Бэлла и Льюис отправились на бал. Миссис Деккер, которую они там встретили, сказала Бэлле, что она в первый раз боится по-настоящему и верит, что будет нападение на белых. Один вождь (она назвала его) сообщил ей, будто солдаты правительства грозились первым делом убить Туситалу *note 170* и его семью. Какой-то самоанец, пожелавший купить у мистера Фринга винтовку, услышав отказ, окинул взглядом лавку и

Note169

Тала (самоанск.) — рассказ, история, слух.

Note170

Туситала (пишущий истории) — одно из самоанских прозвищ Льюиса. Что касается Фэнни, то самоанцы прозвали ее Аолеле («летающее облако»).

заявил: «Ну что ж, я все равно получу ее, да еще даром. Тут в лавке много хорошей еды, ее я тоже заберу».

На совете в Апии один из вождей поднялся и сказал: «Почему мы собираемся проливать кровь друг друга, тогда как белые сидят в своих домах и смеются над нами? Почему они не должны пострадать?» В ответ никто не проронил ни звука. Белые из Мулинуу еще увидят, что, насильно толкая самоанцев к войне, они спускают с цепи тигра, которого будет трудно приковать снова.

Из всех наших слуг ушел только помощник повара Йопу вместе с женой. Сначала они отправились навестить умирающего родственника, которого сбросила лошадь, когда он ехал домой после визита в Ваилиму, а теперь их удерживает от возвращения боязнь попасть в беду в связи с войной.

Льюис сообщил на балу мистеру Мэйбену об угрозах правительственных солдат по своему адресу. И еще Льюис сказал: пусть всем будет ясно, что он намерен защищать себя и свое имущество до последнего. Мистер Мэйбен спросил, к какому лагерю принадлежат наши люди. В тот момент у нас были нестроевые из обеих лагерей. Услышав это, мистер Мэйбен лишь тяжело вздохнул. А теперь у нас не только нестроевые, но трое солдат из правительственных войск и еще четверо собираются прийти завтра. Они говорят, что хотят побыть у нас, пока война не начнется по-настоящему. Один из них принес с собой ружье и патроны. Ружье он отдал на хранение Ллоиду под замок, но с патронами не мог расстаться и всюду таскал их с собой во время работы. Сегодня он попросил отдать ему ружье, так как якобы должен явиться с ним в Мулинуу. Пелема же считает, что он просто собирается спать с ним, как ребенок с новой игрушкой.

Талоло получил разрешение от своего верховного вождя остаться у нас. Сина, его жена, ждет ребенка. Ее прекрасные волосы обрезаны на головные уборы воинов, и она стала совсем некрасивой. Генри (Симиле) после долгих колебаний тоже решил остаться у нас. Кроме них, есть еще Сосимо, Мисифоло и мой слуга Леуэлу, этих никому не удалось сманить. Красивый старик с той стороны острова — ростом он выше Ллойда, в котором как раз шесть футов, — тоже объявил свое решение не покидать нас до конца войны и собирается привести сюда своего ребенка. Он, по-моему, довольно прохладный сторонник Лаупепы. Мой добрый Лафаэле спрашивал, нельзя ли вернуться и остаться у нас на время войны. При этом он рассчитывает, что Симиле уйдет сражаться. Он не может избавиться от ревности к Генри и не оставляет надежды в один прекрасный день стать его преемником.

Фэнни. 4 note 171

Ллойд ездил в деревню. Там все в большом волнении из-за войны. Они спрашивали, что делать, если Матаафа займет деревню, и просили водрузить американский флаг над принадлежащим Ллоиду маленьким «домом вождя» и над фоно в знак некоего неопределенного союзничества. Он сказал им, что не имеет права поднимать флаг, и напомнил, что эта война отличается от предыдущей, когда стороны действительно враждовали друг с другом. Досадно знать, что, если бы только правительство разрешило двум высоким вождям, Лаупепе и Матаафе, поладить миром, как советовал Льюис и чего они оба хотели, не было бы никакой войны и повсюду сейчас царили бы благоденствие и мир. Меня не удивляет, что самоанцы уклоняются и не хотят воевать; ведь они не понимают, для чего это нужно.

Генри приехал из города и рассказал, что вчера три консула встретились и договорились задержать начало войны до четверга, до прихода почтового парохода, в надежде получить инструкции от своих правительств. Один из наших бывших работников приходил вчера за деньгами (почти все они оставили свой заработок у Ллойда). Я спросила

его, собирается ли он поступать как негодяй и резать головы у раненых. Он ответил, что постарается взять столько голов, сколько сможет, и отнесет их в Мулинуу. Мы с Ллойдом пытались урезонить его, а он вежливо, но упорно стоял на своем. Вы, конечно, правы, сказал он, но у каждого народа свои обычаи. Чернокожие были людоедами и ели своих врагов, а самоанцы отрезают раненым головы, и он должен держаться обычаев своей родины. Интересно, с каким лицом правительство будет принимать корзины с отрезанными головами. Боюсь, что они и не подумали запретить эту гадость, а может быть, не решились.

Ллойд видел вчера вечером миссис Блэклок. По ее словам, все считают, будто Матаафа находится в Ваа у католических священников. В Алии, по-видимому, панический страх перед зверствами, которые ожидаются, если Матаафа займет город. Город кишит слухами, рассказами о всевозможных ужасах, причем все они, вероятно, вымышлены. Самоанцы пытаются продавать свое имущество. Я купила у одного молодого самоанца большую красивую циновку за шесть долларов по его настоятельной просьбе. В мирное время она стоила бы сорок или пятьдесят. Какой-то человек только что продал Генри пять птиц за три шиллинга, тогда как обычная цена — шиллинг за штуку.

Мы съели свинью, которую откармливали, избавив этим от искушения отряды, занимающиеся фуражировкой; запасли большое количество кавы, и еды у нас тоже достаточно. Конечно, все это могут отобрать, но лучше использовать свой шанс.

Мистер Мурс отсутствует, уехал на Чикагскую ярмарку. По непонятной причине, которую можно приписать только деятельности Джо Стронга, он стал нашим злейшим врагом, в особенности Ллойда и моим, так как именно к нам Джо питает особую неприязнь. Так же настроен и его друг мистер Карразерс. Особенно жаль было терять Карразерса, так как он здесь чуть ли не единственный истинно образованный и воспитанный человек. Правда, у него как будто порядком омраченная репутация, но я об этом ничего определенного не знаю. Мне пытались много всего наговорить о нем на Фиджи, но я не захотела слушать, так как увидела, что меня хотят специально против него настроить. Подобные разговоры всегда меня сердят.

Кажется, я не упоминала, что Остин сейчас в Монтерее у моей сестры Нелли, а миссис Стивенсон дома в Шотландии. Если начнется война, по крайней мере есть хоть это утешение.

Погода у нас какая-то странная, совсем не по сезону: хмурая, грозовая, иногда с ветром и ураганым дождем.

Первое наше хлебное дерево собирается принести плоды.

В такое волнующее время отвратительно оказаться в положении английской женщины. Ллойд и Пелема молоды и, разумеется, нетерпимы, но меня несколько удивляют те же идеи у Льюиса. Он, видимо, считает, что, если на наш дом нападут, мы с Бэллой должны удалиться в одну из задних комнат, заняться каким-нибудь вышиванием и даже совсем не интересоваться происходящим. Довольно странная роль для женщины с моим характером. Никогда я не была трусихой и ни разу не теряла присутствия духа в критические минуты, а такие нередко случались в моей жизни.

Наши мужчины пришли домой примерно в три часа предупредить, чтобы мы (то есть женщины) не ездили на бал, потому что ожидается по меньшей мере оргия. Чего только они не рассказали! Но мы с Бэллой взбунтовались. Тогда было отдано распоряжение насчет лошадей, чтобы мы все же могли добраться до Апии. Мне было велено одеться попроще, что я и сделала, хотя собиралась на этот раз отправиться в полном параде. Надела бледно-желтое самоанское платье. Льюис страшно дулся на нас, Ллойд был преувеличенно любезен, а Пелема старался держаться в стороне. Бал удался на славу. Присутствовало сто пятьдесят человек, никаких оргий не было, и все американки явились в новых изысканных туалетах, за исключением жительниц Ваилимы. Я уехала рано, опасаясь, что Льюис переутомится, а прочие оставались там до трех. Льюис отправился прямо домой, потому что спать на веранде было холодно и к тому же он хотел пораньше приняться за работу.

Фэнни. 5 note 172

Мы с Бэллой решили пробыть в городе весь день, чтобы она могла сделать зарисовки военных приготовлений. Лошадей отослали в Ваилиму и успели за этот день совершить несколько визитов и набрать массу материала для рисунков: проплывающие мимо и входящие в гавань лодки, вооруженные отряды, марширующие взад и вперед под нестройные звуки барабанов и рожков. За обедом мы встретили Мэйбена и сказали ему, что хотели бы побывать в Мулинуу, если он не возражает. Он ответил: «Пожалуйста», но посоветовал идти не утром, когда все спокойно, а после обеда. Дорога туда длинная под палящим солнцем, поэтому мы все-таки предпочли утро.

Фэнни. 6 note 173

Надев ботинки после долгого хождения босиком и пройдя большой кусок пути по камням, я натерла себе огромные волдыри на ногах и совсем захромала. Но я продолжала бы путь, даже если бы пришлось идти на голове.

На улицах Апии наводил на размышления вид белых купцов и лавочников, которые еще так недавно называли самоанцев черномазыми и заставляли их, как собак, плестись позади, а теперь выступали бок о бок с натертыми маслом воинами. Недалеко от Мулинуу нам встретила Фатулия note 174, которая, узнав, куда мы идем, выказала сильную тревогу. Она немного поколебалась и сказала, что пошла бы проводить нас, но не может из-за важного дела. Мы заверили ее, что не боимся, и двинулись дальше в том же направлении. Оглянувшись, мы увидели, что эта добрая душа, так же как и Мэйбен, следует за нами на небольшом расстоянии.

Нам попадалось множество вооруженных людей, одни из них говорили «Галофа», другие нет. Молодой воин присоединился к нам и стал расспрашивать Бэллу, куда мы идем и почему, наоборот, не идем в Малие. Когда Бэлла притворилась непонимающей, он снова спросил, почему мы не идем к Матаафе. А потом стал требовать сведений, сколько огнестрельного оружия в Ваилиме. В этот момент Мэйбен, который, должно быть, шел очень быстро, поравнялся со мной, и молодой человек скромно ретировался. Мэйбен проводил нас до дома президента, а дальше мы пошли одни.

Найдя подходящее место для зарисовки улицы, мы уселись на землю. Женщина из соседнего дома пригласила нас войти, что мы и сделали. Это был просторный, богатый на вид самоанский дом. Внутри на стенах висели винтовки. Две пожилые женщины очень любезно приняли нас и угостили таро и кавой. Они знали нас и заговорили о рисунках, которые Бэлла делала во время последней меланги, а потом между собой о Йопо и каких-то касающихся него тонгафити note 175. Бэлла спросила: «Что за тонгафити?» Но, заметив, что она их понимает, женщины прекратили разговор.

Явились две очень хорошенькие девушки и позировали для рисунка и еще красивый юноша, который все время, что мы там пробыли, упорно хранил молчание и сардонически усмехался. Он соскабливал ножом ржавчину с патронов, бросая на нас искоса острые

Note172

июля

Note173

июля

Note174

Жена вождя Сеуманутафы (см прим. 36 к дневнику за 1890 г.).

Note175

Тонгафити (самоанск.) — проделка, хитрость, надувательство.

взгляды.

Тем временем пошел дождь, и я озябла. Женщина дала мне тапу, чтобы укутаться, назвав ее самоанской шалью. Сделав наброски, мы пошли дальше к дому главного судьи. Пока Бэлла рисовала дом, из того, что напротив, вышли трое мужчин — сильных, опасных на вид парней — и стали глядеть через плечо Бэллы на ее работу. Но они держались вежливо и дружелюбно и, когда Бэлла кончила рисовать дом, по очереди позировали ей. Мы расстались со словами «Любовь» и «Будьте живы» и повернули восвояси. На обратном пути мы не встретили ни одного человека, который не был бы или не казался бы приветливым. Одна женщина выбежала из дома с извинениями, что ей нечем угостить нас, а дети следовали за нами, выкрикивая приветствия.

У меня немного болело горло, поэтому мы зашли в аптеку к Суэнну за полосканием; оттуда в гостиницу «Интернейшнл», где выпили ячменного пива с пирогом и наконец вернулись к себе в гостиницу. Здесь мы застали Льюиса все еще в мрачном настроении. Он пробыл недолго и отправился домой, сказав, что пришлет наших лошадей. Всю вторую половину дня от нас не отставал мистер Хаггард, выпивший больше, чем следовало, но и без того взбудораженный и переполненный романтическими чувствами. У него есть несколько ружей, пистолет и масса патронов. Он объявил, что и сам, и все прочие, связанные с земельной комиссией, в случае «налета» на город намерены удержать в своих руках здание, в котором помещается их контора. (Оно похоже на спичечную коробку.) Для полноты романтического эффекта ему страшно не доставало женщин, нуждающихся в защите, и он умолял меня и Баллу остаться в городе и быть готовыми к бегству в домик комиссии. По его плану мы должны залечь под столом (на втором этаже) и оттуда подавать ему патроны.

— Ну нет, — сказала я, — не хочу, чтобы меня нашли мертвой под столом с простреленным животом.

— Хорошо, — уступил Хаггард, — тогда я буду лежать под столом и подавать патроны, а вы можете стрелять.

Но и этот план мало привлекал меня, и я упорно отказывалась. Последние слова его были: «Вы собираетесь отдать жизнь за десяток банановых деревьев».

За это время я несколько раз беседовала с Мэйбеном. Я сказала ему: «По словам ваших людей, они собираются отрезать у раненых головы и нести их в Мулинуу. Кому же нужны эти головы? Вам иди консулам? И на что вы собираетесь употребить их? Неужели правительство будет спокойно смотреть на корзину с отрезанными головами, доставленную к его ногам?»

Мэйбен пытался объяснить мне, что для самоанца снять голову с врага — то же, что для английского солдата заслужить крест Виктории, и требуется немалая храбрость, чтобы ворваться в ряды неприятеля, отрезать голову раненого и унести ее с собой. Но боюсь, что победители уже после боя ходят по полю с ножами и топорами, собирая свои жуткие трофеи.

Один человек, приходивший прощаться с братом перед боем, рассказал, как отец брал его мальчиком на войну, чтобы научить сражаться. «Замечательно, — рассказывал он брату, — быть рядом с могучим воином, как наш отец. Но когда он отрезал голову, о, это было ужасно! Я старался убежать, закрывал глаза руками, кричал, плакал, но теперь, когда наш отец мертв (он сошел с ума и умер в буйном состоянии), я должен занять его место и делать то, что он. Теперь я тоже должен резать головы, но это ужасно».

Я также сказала Мэйбену, что слыхала о многих угрозах по нашему адресу со стороны солдат правительства и что, если кому-нибудь из нашего семейства будет причинен вред, за это поплатятся жизнью не самоанцы, а белые.

— Самоанцы совсем не хотят драться, но идут на бой по приказанию белых. Я хочу знать, чья же это война, кто будет в ответе, если, например, нанесут ущерб моей семье? Это ваша война?

— Нет, — ответил Мэйбен, — не моя.

— Тогда, может быть, трех консулов?

Тут Мэйбен попытался переменить разговор. Правда в том, что войну действительно

ведут три консула, и боюсь, что они заварили кашу, которую нелегко будет расхлебать.

Прибыли лошади, и мы отправились домой. Льюис все так же мрачен. Ллойд рассказал нам, что он уплатил за военное снаряжение старины Фоно. Оно состоит из маленького дешевого топорика, четвертушки табаку и четырех коробок спичек. Все это так ужасно и трогательно.

Фэнни. 7 note 176

Правительственным войскам разрешено выступить и занять свои позиции, но консулы предупредили их не начинать боев до прихода почтового парохода. Нас уверили, что сражений не будет до следующего понедельника — таков строгий приказ правительства. Пароход вошел в порт сегодня утром. Бэлла, Ллойд и Льюис отправились встречать его. Они упустили капитана, который уехал завтракать на чью-то плантацию. Пароход доставил в Гонолулу американских матросов для «Адамса», который должен потом прибыть прямо сюда. Но в назначенный срок «Адамса» в Гонолулу не было, и, когда его теперь ждать, неизвестно. Миссис Стивенсон пишет, что мебель нам должны были отправить в июне. Может случиться, что, пока мебель дойдет до нас, уже не будет дома, для которого она предназначена. Войска стоят на дороге в Ваиусу, другая часть послана в обход горы, чтобы отрезать Матаафе путь к отступлению. Забавно, что солдаты, посланные в оцепление, приходят ночевать домой. Говорят, что им там «неудобно»; бедняги. Вечером мы были немного встревожены фейерверком с борта немецкого военного корабля. В порту сейчас два военных судна: «Баззard» и «Шпербер».

Фэнни. 8 note 177

Все работники просились сегодня на скачки. Большинство мы отпустили. Они вернулись вовремя и доложили, что начались бои и на скачках почти не было самоанцев. Вот уже два дня, как мы ждем Гэрров, но они не появляются. Фануа была больна, и мы решили, что ей полезно переменить обстановку и отдохнуть. Ллойд и Пелема устроили все для лаун-тенниса, хотя сама площадка еще не готова. Мне нравится план дать работникам какое-то развлечение. Я привезла из города нашей маленькой кокетке Сине полотна и прошивок для детского приданого. Часов около семи, когда мы сидели за столом после обеда, пришла записка от мистера Гэрра, что под Ваителе был отчаянный бой, одиннадцать голов доставлено в Мулинуу, большое количество раненых находится в миссии, много убитых. Льюис вскочил и заявил, что сейчас же едет в миссию.

— Я тоже поеду, — отозвалась я, на что Льюис, который накануне вечером дал согласие «похоронить топор», сказал, что тогда он лучше останется. Однако, немного поразмыслив, решил все-таки ехать. Тогда и Ллойд объявил, что тоже поедет. Оседлали лошадей: Джека — для Льюиса, Соифу — для Ллойда и старого Упсалу — для меня. Оказалось, что на Упсалу ехать легко и приятно. Конь всем хорош, но немного задыхается на бегу. Он шел рысью, достаточно быстро, длинным ровным шагом.

Забыла сказать, что Талоло, вернувшись со скачек, передал талу насчет какой-то стычки между Хаггардом и владельцем «Тиволи»; будто бы Абдул кинулся спасать своего хозяина и до некоторой степени пострадал: ему подбили скулу. Талоло видел Абдула и пробовал расспросить его, но тот ответил, что не желает обсуждать дела своего хозяина, только мне при встрече он расскажет, а больше никому.

Note176
июля

Note177
июля

Ночь была звездная, но темная, и мы захватили фонарь. В деревне, откуда начинается хорошая дорога, мы его оставили. Поездка была бы очень приятной, если бы не вызвавшие ее обстоятельства. Мы сперва остановились у «Тиволи», и Льюис зашел поглядеть, нет ли там Мэйбена. Мэйбена не было. На софе, на веранде, спал бедняга Хаггард. У входа в гостиницу стоял немецкий матрос, а рядом, пошатываясь, — совершенно пьяный старый Джо, бывший лодочник, потерявший руку, как это водится на островах, во время динамитного взрыва. Джо тут же поведал матросу, что Льюис — отличный человек, а всей вселенной — что звезда мчится по небу в Малие охранять Матаафу.

— Вон она, гляди! — кричал он. — И к черту Лаупепу!

Качнувшись вперед, он впервые обнаружил мое присутствие и прибавил: «Ей-бо! Ей-бо, мисс!»

Оттуда поскакали в миссию. Возле дома суетились люди, все окна были освещены. Мистер Кларк вышел встретить нас и подтвердил, что все правда: у него лежат раненые, что принесли трех убитых и что одиннадцать голов доставлены правительству в трех корзинах, которые висят теперь на дереве близ королевской хижины в Мулинуу. Среди них голова «девы деревни» — вещь, неслыханная на Самоа.

Гэrr и Фануа были в миссии, помогая совершенно простуженной миссис Кларк. Миссис Кларк, которая вообще слабого здоровья и к тому же глухая, жаловалась на трудности при устройстве сегодняшнего обеда. Когда все это случилось, пришлось кормить людей как попало, по двое и по трое.

По своей глухоте она не слышала, что в то же время Фануа рассказывала нам, как ее приемная мать Фатулия, взглянув на принесенные головы, узнала среди них трех последних кровных родственников, какие оставались у нее на свете.

Бедная Фануа не находит себе места от волнения и тревоги. Муж ее сказал, что она не ест и не спит и минуты не может посидеть спокойно.

Завтра утром отрядят людей похоронить мертвых, оставшихся на поле боя. Говорят, что Матаафа не добыл ни одной головы — так быстро его разбили. Но я не верю этому. То, что хоронить убитых собираются завтра, по-моему, доказывает, что там лежат уже изуродованные тела. Ни один самоанец не оставит убитого соратника на целую ночь в таком месте, где враги могут захватить его голову.

Мистер Краузе сказал Льюису, что видел, как в Апию несли несколько трупов, он думает, не менее десяти, хотя смог насчитать лишь пять. Один был без головы. Говорят, что все головы, и даже голова несчастной девушки, с Савайи. Обычай требует, чтобы Фануа пошла утром посмотреть на головы.

Льюис проведал раненых. Врач с немецкого военного корабля, хотя и порядком пьяный (он обедал с мистером Бекманом), как будто удовлетворительно справляется с делом, а на молодых краснощеких немецких матросов, помогающих доктору и мистеру Кларку, по словам Льюиса, приятно поглядеть. Двое умирающих; у одного прострелены легкие. Это очень симпатичный, красивый старик с необычно темной для самоанца кожей. Я однажды видела похожего человека с веранды гостиницы и обратила на него внимание. Совсем молоденькому юноше перевязывали неглубокую рану в руке. Два человека держали его при этом за ноги, на случай если он начнет вырываться, но он терпел и не жаловался. Миссис Ладж, проходя мимо них, заметила: «Вы, должно быть, не видите, что у него и в ноге рана». И правда, как показал осмотр, у него прострелены оба бедра!

Фэнни. Воскресенье, 9 note 178

Семьи воинов отправляют на фронт продукты. Ллойд послал корзину для Фоно. Надеюсь, что он жив и получит ее. Там корешки кавы — на две большие чаши, три коробки

мясных консервов и сколько-то сухарей. Думаю, что он едва ли сам использует кофину, скорее подарит ее какому-нибудь большому вождю; но то, что он ее получит и сможет преподнести своему начальнику, должно поставить его в выгодное положение. Вероятно, в Англии этому соответствовала бы пара ящиков шампанского. Мы слышали, что некоторые головы были возвращены в Малие, причем голова девушки, согласно обычаю, завернута в шелковые платки. Прошлой ночью прибавились еще три головы и много раненых. Йендэл *note 179* пришел от Хаггарда с флагом, но у нас уже развеивается над домом старый флаг с «Каско» и наготове американский флаг, чтобы в любой момент водрузить над коттеджем Ллойда, если потребуется.

Льюис. Воскресенье, 9 *note 180*

Итак, война действительно началась. Вот уже четыре или пять дней, как в Апии полно этих бедных ребят с выкрашенными черной краской лицами и в повязанных по самые брови красных платках, что составляет военную форму Малиетоа; а лодки все подходят и подходят с наветренной стороны, в некоторых до пятидесяти человек — с барабанами и рожками (рожок всегда в неумелых руках). На носу каждой лодки прыгает и кривляется некто вроде шута, а весь экипаж время от времени угрожающе завывает. В пятницу отряды маршем выступили в лес, а вчера утром мы слышали, что кое-кто из солдат вернулся ночевать домой, потому что в лесу им показалось слишком «неудобно». После обеда ко мне пришел посыльный с запиской о том, что в дом миссии стали прибывать раненые. Фэнни, Ллойд и я оседлали лошадей и с фонарем выехали в путь. Ночь была отличная, звездная, хотя порядком прохладная. Мы оставили фонарь в Танунгаманоно и дальше ехали при свете звезд. В Апии все, как и я, находились в состоянии странного возбуждения. Я был настроен мрачно и, можно сказать, даже свирепо, другие, казалось мне, выглядели глупо, некоторые — уныло. Лучшее место в городе сейчас госпиталь. Это продолговатый каркасный дом с большим операционным столом посередине. Вдоль стен размещен десяток раненых самоанцев в окружении сочувствующих, в среднем по четыре на каждого. Кларк был там — твердый, как скала; мисс Ладж — маленький очкастый ангел — вела себя молодцом; симпатичные, опрятные немецкие санитары в белой форме олицетворяли саму деловитость. (Славную историю я слышал про мисс Ладж. Эта железная трезвенница ходила в пивную за бутылкой бренди.)

Когда я приехал, все врачи отсутствовали. Вдруг один из раненых начал коченеть. Это был могучий самоанец с очень темной кожей, с благородным орлиным профилем, похожий, как мне кажется, на араба. Вокруг него стояли семь человек и растирали ему руки и ноги. У него прострелены оба легких. Только тогда одного из санитаров послали в город за немецкими военными врачами, которые ушли обедать.

...Опять зашел в госпиталь около половины двенадцатого, застал там немецких докторов. Прибавился второй умирающий. Этот, раненный в живот, умирал трудно, в мрачном оцепенении от боли и опиума, молча, с искаженным лицом. Вождь с простреленными легкими лежал на боку, ожидая ангела смерти. Родственники старались согреть его теплом своих рук; все молчали; только одна женщина внезапно схватила его колено, запричитала, но через несколько секунд снова утихла...

Фэнни. 10 *note 181*

Note179

Метис, сын англичанина и самоанки.

Note180

июля

Note181

Матаафа разбит наголову и, спалив Малие до единого дома, за исключением собственного, который он побоялся поджечь из-за близости церкви, бежал, как предполагают, на Маноно. Дом Бедного Белого Человека, у которого мы недавно пили каву, сожжен дотла, а его хозяин неизвестно где. Больно думать, что этот добрый старик, хромящийся на обе ноги (у него фе фе), превратился в бездомного беглеца. Сын Матаафы убит топором *note 182*. Он был так близко от своего противника, что не мог навести ружье, и тот уложил его ударом топора в висок, а затем обезглавил. Родственник, сражающийся на стороне правительства, доставил его обезглавленное туловище, завернутое в старую циновку и привязанное к шесту. Впереди шел человек, отрезавший голову; он нес ее, обернув куском дорогой циновки, а за ним следовали носильщики с телом. Этот сын Матаафы тайком увел свою будущую жену, чего родичи не могли ей простить, так как она была таупо са, то есть «девой деревни». Когда он пошел в бой, жена не хотела с ним расставаться; их обоих убили в том сражении, и ее голова в числе принесенных правительству. Всего в Мулинуу доставили три женские головы. Никогда прежде в Самоа такого не случалось. Женщин убивали, когда они попадали под обстрел, но прежде ни одному воину и во сне не снилось отрезать голову у женщины; это, по словам Генри, значило бы навлечь позор на детей и внуков. Слух о том, что Матаафе послали голову девушки, завернутую в шелковые платки, пока не подтвердился.

Уголок Ваилимы

Двоюродный (а может быть, и родной) брат жены мистера Дайнса взял в бою голову, которая, по обычаю, была вымазана черным. Когда он представил ее в Мулинуу, краску смыли и обнаружилось, что это голова его любимого брата. Мистер Дайнс рассказывает, что, когда он видел его в последний раз, тот сидел с этой головой в руках, целовал ее и обливал слезами. Если не ошибаюсь, они оба близкие родственники Лаупепы. Пасынок Фатулии принес голову ее брата. Король принимал головы, сидя на ступеньках кабинета Мэйбена в бывшем доме президента.

июля

Note182

Лаупепе — племянник Матаафы, давшего обет безбрачия. По самоанскому обычаю, считался его сыном.

Льюис вчера зашел к Мэйбену и потребовал, чтобы охотники за женскими головами были наказаны. Судя по ответу Мэйбена, тот вообще боится предпринимать какие-либо шаги. Что ж, уже есть по одной женской голове для каждой державы или, если хотите, для каждого консула. Стало точно известно, что Матаафа не отрезал голов и не допускал никаких жестокостей. Правда, может, потому, что не успел, но я верю, что он стремился предотвратить отрезание голов, так как много говорил на эту тему со своими белыми друзьями. Однако теперь, когда он приперт к стене и потерял самое дорогое, мне страшно подумать о его ответных действиях.

Сегодня утром из Апии явился Генри, бледный, со странным видом, и заявил, что хочет кое-что выяснить. Многие люди в Апии просили его об этом. Вот его вопросы: «Чья это война? Кто ее развязал?» Мы, разумеется, ответили: «Три консула». В тот момент мне не пришло в голову, но теперь я думаю, что кто-нибудь сказал Генри, будто во всем виноват Льюис. Ужасно думать, что это Льюис удержал Матаафу, и, если бы тот напал на Мулинуу и Апию, его бы просто остановили и теперь он был бы цел, невредим и счастлив в окружении своих близких, понеся, может быть, лишь незначительные потери. Стремление поступать правильно и выполнять дружеские советы привело его к разорению, а возможно, и к позорной смерти.

Льюис требует, чтобы мы поддерживали мир с Мэйбеном, мало того — чтобы вели себя по-дружески. Но пока с рук Мэйбена не будет смыта кровь женщин, я не подам ему руки. Сама я тоже чувствую себя виноватой. Мы советовали хранить мир, считая, что равно стараемся для блага Матаафы и Самоа, и боясь кровопролития. На деле же получилось, что косвенно из-за нашего совета головы этих женщин теперь поднесены представителям трех великих держав и эти представители трусливо молчат. Бедный старый Лаупепа, которого трясло как в лихорадке, когда его видел Дайнс, всего лишь орудие и круглый нуль. Теперешние советники короля — Кьюсэк-Смит, Берман и Блэклок — подготовили эту войну и руководили ею, они же отдавали приказы армии (если это можно назвать армией). Лаупепа только подписывал то, что ему давали.

Мисифоло не пришел сегодня утром как обычно. Это не похоже на него. Мы спросили других работников, не знают ли они, в чем дело. Оказалось, что он убежал с молодой девушкой из деревни Талоло, причем Талоло был посредником. После ленча Льюис пошел в миссию помогать ухаживать за ранеными, но, как мне кажется, они не хотят никого из нас там видеть. Позже мы с Ллойдом ходили к Фануа просить ее проводить нас к Фатулии. Хотелось высказать ей сочувствие в ее страшном горе. Оказалось, что перед самым нашим приходом она уехала на Савайи. Ситионе взял в бою голову. Его видели всего залитого свежей кровью в момент, когда он только что отрезал ее. Эта «свежая кровь» звучит ужасно, вызывая мысль об обезглавливании раненого. Прошлым вечером Льюис послал Пелему к Кларкам выяснить, не нужна ли им помощь. (Боюсь, что к большому неудовольствию Пелемы.) Он видел раненых и говорит, что человек с простреленными легкими очень похож по описанию на того, который обозвал меня свиным рылом. Считают, что он умрет, бедняга. На перекрестке мы встретили возвращающегося Льюиса на совершенно охромевшем Джеке. По-видимому, он наткнулся на холодный прием в миссии, где идет внутренняя борьба. Накануне вечером Пелема пережил то же самое. Мистер Хиллс должен был выехать утром на Маноно осмотреть раненых Матаафы.

После ленча Пелема весьма таинственно потребовал себе лошадь. Когда он уехал, Ллойд поведал мне, что он направился в Малие. Он звал с собой Льюиса, но тот сказал, что не в состоянии теперь смотреть на это место, сожженное, разоренное и занятое врагом. Пелема вернулся как раз к обеду. В Малие он встретил Дэплина *note 183* с Крисченом и Мачем, маленького Дженни и Дэвиса, которые приплыли в лодке. Он видел гигантскую

Note183

А. Дэплин, художник из Сиднея, во время пребывания на Самоа написал с натуры портрет Льюиса. Этот портрет находится теперь в Доме-музее Стивенсона в Монтерее.

процессию самого свирепого вида: размалеванные черным люди, все в перьях и лентах, плясали, представляя пантомиму обрезания голов. Те, которые добыли в бою трофеи, несли в зубах большие куски сырой свинины, изображающие головы. К своему удивлению, он наткнулся там на Иопо, который кинулся к нему с такой радостью, словно к давно потерянному брату. Лицо его покрыто черным, но раздатчики оружия проявили благоразумие и не доверили ружья нашему «бешеному ирландцу», как мы его прозвали. Иопо сказал, что и он и жена очень хотят домой в Ваилиму и придут при первом разрешении.

Наш добрый Лафаэле явился в воскресенье в гости и очень насмешил Бэllu. Он хочет вернуться к нам через неделю, как только кончится месяц договора с Карразерсом. Ллойд предупредил его, что вместо шестнадцати шиллингов в неделю, которые платит Карразерс, здесь он получит свое прежнее жалованье — тринадцать шиллингов.

Лафаэле возразил, что это неважно, деньги его не интересуют. А возвращается он потому, что «слишком любит мадам». По словам Бэllu, он выразился так, что звучало даже не совсем прилично. Это буквальный перевод самоанского «алофа», который Лафаэле тем временем усвоил. Поздно вечером приходил мистер Дайнс осматривать Джека. У него ссадина на колене и копыто нарываает.

Фэнни. 11 *note 184*

Бэllu сделала несколько превосходных военных зарисовок. Сегодня, рассматривая наброски президентского дома, она не во всем смогла разобраться, и мы поехали еще раз взглянуть на него. Проезжая мимо входа, мы обе краем глаза видели мистера Мэйбена, который что-то писал за столом, в том месте, где король принимал головы. Он был словно громом поражен, увидев нас, и, когда мы повернули назад, все еще сидел в том же положении с пером в руке. Мы притворились, что не замечаем его, и разглядывали дом с тщательностью профессиональных взломщиков. На дороге мы встретили Сеуману, шествовавшего во главе довольно многочисленного вооруженного отряда. Он кинулся нам навстречу с протянутыми руками и осыпал нас горячими, чуть ли не восторженными приветствиями. Я ясно заметила трепет, который прошел по рядам его людей при виде этого. Они посторонились, чтобы дать нам проехать, и все, с кем мы встречались глазами, говорили: «Талофа».

На обратном пути заехали к Лаулии. Она так взволнована, что почти не в состоянии говорить по-английски. Она сказала, что убиты родственники Фатулии, в том числе «половина брата» (она хотела сказать «брат наполовину»). Ее очень страшит угроза расплаты за головы женщин. Один из виновников родом из деревни, где она была прежде таупо са. Если начнут мстить, она действительно в опасности, но я уверена, что этого не произойдет.

Отряд атуанцев *note 185* отплывает на Маноно за Матаафой, остальные последуют за ними завтра утром. В городе мы не заметили радости от победы. Лица печальные, встревоженные, над всем царит атмосфера подавленности и уныния. По-моему, они сами потрясены, что поубивали стольких друзей, и стыдятся, что брали головы женщин. Всего правительству доставили четырнадцать голов — одиннадцать мужских и три женские. Генри говорит, что на Савайи все за Матаафу. Они не боятся военных кораблей и в восторге от перспективы иметь настоящего высокого вождя. Вообще же ничего определенного сказать нельзя.

В рассказе о начале боев, который все повторяют и который Генри считает

Note184
июля

Note185
Атуа — один из трех округов острова Уполу.

достоверным, события описываются следующим образом: солдаты Лаупепы остановились перед каменной оградой, за которой находился Матаафа со своими людьми. Они опустили винтовки, и Тофи и Аси *note 186* стали призывать воинов Матаафы сложить оружие и выйти для дружеского разговора, что совершенно в самоанском духе. Те послушались, и в момент, когда Матаафа, беседуя и смеясь, курил с остальными вождями, Аси поцеловал его, как Иуда. Этот поцелуй был сигналом для солдат, которые начали стрелять в воинов Матаафы, побежавших в укрытие. Мы слышали рассказ от нескольких людей с теми же подробностями, включая поцелуй.

— Тогда-то, — говорят они, — и разразилась битва.

Кое-кто передает, что воины Матаафы подстрелили двоих из отряда Лаупепы, но никто не знает, как именно все началось, кроме того, что началось сразу после поцелуя.

Удивляюсь терпеливости этих людей. Будь я самоанкой, я начала бы призывать — и думаю успешно — к убийству белых. На днях Кларк сказал Льюису, что немцы (!) собираются защищать Матаафу. Но кто этому поверит? Он намекал также, что Льюис инициатор этой войны. Я готова жалеть, что это не так. Тогда все сейчас выглядело бы иначе. В городе мы заходили к фотографу, считая, что у него могут быть снимки военных событий. Но он не сделал ни одного.

Бэлла спросила:

— Почему вы не выскочили тотчас же со своим аппаратом, когда принесли головы?

— Я больше думал о собственной шкуре, чем о фотографии, — последовал ответ.

— Все-таки очень жаль, — настаивала Бэлла, — что вы не сфотографировали головы женщин.

— Ничего, — сказал он с обнадеживающей любезностью, — будут еще.

Фэнни. 12 *note 187*

Нашего славного старика увели насильно. Похоже, что он «на подозрении». Один из его родичей уже приходил за ним раньше, и старик откупился пятью долларами. На этот раз посланный сказал, что он должен идти, иначе его исключат из клана. Никогда еще воин не отправлялся в путь так неохотно. Тот, что явился за стариком, — красивый парень, а первый посланец, который принял пять долларов, еще лучше. Говорят, что в клане их всего двенадцать. Пелема видел шестерых, и каждый — образец силы и мужественной красоты. Мы приготовили каву, но незнакомец поспешил уйти, хотя не отказался от еды и стакана чаю. Кава нечто вроде хлеба-соли. Наш добрый старик сказал, что лучше пойдет сразу, чтобы не казалось, будто он не хочет подчиниться, но постарается вернуться в тот же день попозже. Мы устроили ему отличные проводы, снабдили корзиной с провизией и корешками кавы. Человек, который приходил за ним, сообщил об отмене похода на Маноно, так как поступили сведения, что Матаафа на Савайи. Сегодня они пируют, а завтра отправляются на Савайи.

Ходит тала, что сторонники Лаупепы терпеть не могут королеву. (Она не законная королева и вдобавок не с этих островов — грубая, сварливая, жирная женщина, ничем не похожая на самоанку.) Если верить этому слуху, военный отряд, отправляющийся на Савайи, вовсе не собирается сражаться, они предложат Матаафе заключить мир и, покончив с этим, вернуться и прогонят королеву.

Мне кажется, что власть трех консулов и Мэйбена окончательно подорвана. Когда эти сотни воинов доберутся до Савайи, они не очень-то будут считаться с четырьмя белыми в

Note186

Самоанские вожди.

Note187

июля

Апии. Талоло приходил побеседовать со мной. Он принес ужасную новость: один из воинов, бравших как трофеи головы девушек, брат Сины — Афенга. Талоло, по-видимому, получил письмо; он рассказывает, что его мать находится на Маноно и что Матаафа, высадив там свои отряды, сам поспешил на Савайи в надежде поднять весь остров. Он ждал нападения на Маноно и поэтому оставил своих людей для защиты острова. Но я-то думаю, что его целью было отвлечь внимание врага от своих действий на Савайи. Талоло сам слышал эту тала и верит ей, но я сказала, что ничего не могу записывать в книгу как факт, пока не выяснится точно.

Как рассказывает Талоло, таупо са была ранена в колено и, упав, оказалась в сидячем положении. К ней подбежал человек с маленьким топориком. Девушка заплакала и умоляюще протянула к нему руки: «Фаамолемоле, я женщина!» *note 188*. Но воин крикнул в ответ, что ему все равно, кем бы она ни была, и отрубил ей топориком голову. Я теперь уверена, что брак с Синой не будет заключен официально. По словам Талоло, она стыдится людских взглядов из-за подлого поступка своего брата. Старик беседовал с Талоло и сказал ему, что Сина из слишком простой и низкой по положению семьи, чтобы стоило связывать с ней судьбу на всю жизнь. «Этот старик мне как отец, — сказал Талоло, — он делает все, что я скажу». Сегодня после обеда Талоло постарается выяснить подлинную правду относительно трех женщин — их имена и кто отрезал им головы.

Генри передает со слов человека, видевшего, как принесли первую женскую голову, что волосы были обрезаны коротко, но на женский лад, с челкой на лбу и густыми локонами вокруг шеи «длиной в шесть дюймов, точно как у вас, мадам», — прибавил он. Я сказала ему, что, если бы могла добиться наказания для брата Сины, и притом как можно более позорного, я бы это сделала. Он ответил, что и сам как раз этого хочет.

Есть еще новая тала: будто Матаафа прибыл на Савайи, а местные жители отправили его назад, сказав, что не хотят иметь с ним ничего общего. Принес эту тала Пелема из города. И еще: будто причина недовольства солдат женой Лаупепы та, что он, отказываясь от участия в фоно в Малие, сослался на ее «нездоровье».

Видимо, жителям деревни Фалеалили в Атуа разрешается в военном походе убивать всякого, кто попадется на пути. Отряд атуанцев проходил мимо «Тиволи», и Хаггард с балкона заметил какую-то суету среди молодых людей на улице. Когда они подбежали к дому миссии, Хаггард заплодировал, решив, что все это шутки. Однако тем было не до смеха. Молодые люди спаслись бегством, а беднягу Краузе, по словам Пелемы, «едва не задушили». Атуанцам попался также главный судья, который после нескольких грубых толчков начал понимать, к чему клонится дело, и поспешил убраться с дороги.

Сина ушла в Апию. Талоло думает, что она вернется, я — нет. Цветут японские сливы, прибывшие с последним пароходом, которые посадили мы с Пелемой. Вечером Льюис получил записку от мистера Кларка — очень нервное письмо в стиле фаамолемоле. Когда мы в первый раз ездили в миссию, я была уверена, что на нас смотрят как на «непрощенных гостей», да похоже, что так оно и было. Сама бы я ни за что туда не отправилась, но Льюис был в таком безумном возбуждении, что я боялась выпускать его из виду. Я никогда не вмешивалась в миссионерские дела. Мы, правда, поддерживали приятельские отношения, но без особой близости. Моей ноги никогда не было в церкви, да и не будет. Начать с того, что пойти один раз значило бы установить прецедент, а я слишком хорошо представляю себе, во что это выливается в маленькой общине, и сыта этим по горло. Льюис как-то имел неосторожность прочесть по их просьбе что-то вроде проповеди в воскресной школе. В результате поднялись невероятные скандалы, нигде больше и немислимые, кроме религиозной среды. Я не ходила слушать эту проповедь.

Note188

Фаамолемоле (самоанск.) — пожалуйста, умоляю.

Фэнни. 13 note 189

Льюис послал мистеру Кларку в ответ на вчерашнее письмо очень лаконичную записку.

Фэнни. 17 note 190

Я была так возмущена, что даже писать не могла. Льюис побывал в городе и, восприняв от Хаггарда и Блэклока точку зрения Мэйбена, вернулся домой, начиненный слухами о том, что Матаафа трус и интриган. Еще недавно только и разговору было что о Матаафе — могучем вожде, которого все уважают. Это было, пока его боялись. Теперь, когда они боятся своих собственных людей, а Матаафа беглец, не имеющий наследников, все бросают в него камнями. Во-первых, мои симпатии всегда на стороне побежденного. Во-вторых, я не забыла, что, когда Матаафа был человеком, перед которым все трепетали, мы предложили ему нашу дружбу и делили его трапезу. И если я тогда была на его стороне, то теперь моя преданность в пятьдесят тысяч раз сильнее.

Говорят, что обнаружили компрометирующие Льюиса письма к Матаафе. Это неправда, Льюис не писал никаких компрометирующих писем. Зато мой дневник теперь становится компрометирующим документом: я намерена сделать все, что в моих силах, чтобы спасти Матаафу; несомненно, очень мало, но это будет максимум моих возможностей. Пусть Льюис отвернется от Матаафы хоть на долю дюйма, я все равно буду открыто носить траур, если его убьют, а если его привезут пленником в Апию, я одна пойду и поцелую ему руку, как моему королю. Льюис говорит, что это сущее донкихотство. Может быть, и так, но, когда я гляжу на этих белых, стоящих во главе правительства, и не могу решить, кто из них больший негодяй, у меня, у женщины, сердце горит от стыда и ярости, и я готова на любое безумство.

Совсем недавно Мэйбен и Блэлок при мне и со мной болтали о войне, давая понять, что они ее развязывают. Теперь, когда они боятся оказаться битыми, они стараются свалить всю тяжесть на Малиетоа Лаупепу. «Он был так решительно настроен, — заявил вчера Хаггард, — что никто не мог повлиять на него». «Вот это новость, — сказала я, — добродушная старая овца, над которой все только потешались, вдруг превратилась в решительного волка».

Мы сидели на веранде, когда появился Йендэл, переводчик мистера Хаггарда, с раной в голове и подбитой челюстью. Он плыл в лодке под американским флагом с «охранной грамотой» от Лаупепы, и ему нанесли такой удар с проезжающей мимо лодки, что он упал без сознания. Хаггард принял этот рассказ с полным смирением. Неожиданно для себя я поднялась и, с жаром объявив, что все белые мужчины в Самоа трусы, оставила общество. Кажется, это вышло не слишком прилично. За ленчем провозглашались тосты, и я пила за здоровье «мистера Мурса, моего злейшего врага, но единственного храброго человека среди белых, искренне привязанных к Самоа».

Йендэл сообщил о прибытии английского военного корабля. Сегодня утром к Симиле приходил в гости его дядя — уроженец Савайи, принимавший участие в войне. Он выше ростом, старше, благообразнее и «аристократичнее» Симиле, но в остальном совершенно с ним сходен, с таким же уклончивым взглядом. До сегодняшнего дня я тщетно пыталась выжать из сдержанного Генри принесенные дядей новости. Вот что он рассказал мне в конце концов: на Савайи требуют созыва фоно, на котором присутствовали бы вместе Лаупепа и

Note189
июля

Note190
июля

Матаафа.

— А если белые откажут? — спросила я.

— В том-то и беда, — ответил Генри.

— Что же будет?

— Тогда они пойдут за Матаафой, — неохотно признался Генри.

Незадолго перед этим мне доложили, что наш красивый старик — воин поневоле — вернулся и находится в кухне. При виде меня он вскочил, забыв про свой хлеб и чай, которых пожелал первым делом, и бросился ко мне навстречу с горящими глазами. Он сказал, что его отпустили по нездоровью. Ллойд оказался настолько нечутким, что поддразнивает его из-за этой «дипломатической» болезни. Старик надеется, что теперь ему разрешат остаться в Ваилиме. Бедняга похудел и, видимо, изголодался.

Бэлла только что получила из города записку о том, что наш план (ее и мой) передать провизию больному старому вождю на Маноно пока осуществляется успешно. Вот еще одно компрометирующее место, если мой дневник подвергнется ревизии. Но это никого не касается, кроме нас, вернее, меня, потому что Бэлла только договаривалась, а я дала деньги. Правда, очень немного, но это все, что у меня было, — деньги, которые я сама заработала и хранила столько лет. Я лишь вчера сама нашла их, забыв, куда запрятала. В свое время я решила, что мне могут понадобиться несколько шиллингов для какой-нибудь тайной благотворительности, и отложила эти деньги. Ну что ж, их хватило, чтобы купить немного сухарей и солонины для больного несчастного старика, которого прозвали Бедным Белым Человеком за то, что он никогда не мог отказать в помощи ни одному белому бедняку. Что-то незаметно, чтобы теперь они сломя голову бросились к нему на помощь. В полученной записке говорилось еще, что все военные корабли переводятся к острову Маноно, как предполагают, с мирным заданием и что немецкие корабли находятся под командой английского капитана.

Льюис вернулся. Мэйбена он нигде не обнаружил. Капитан военного корабля оказался католиком и не склонен к необдуманному кровопролитию. Он сказал, что отправится на Маноно и пригласит Матаафу к себе на корабль, чтобы поговорить по-хорошему. Он хочет предложить Матаафе сдать его и тогда позаботится о его безопасности.

Льюис должен написать Матаафе письмо, и, если удастся, капитан возьмет с собой миссионера отца Бройера. Самоанцы видели уже столько коварства со стороны белых, что какие-то шаги подобного рода необходимы. Но в случае отказа Матаафы капитан вынужден будет начать обстрел.

Пелема узнал точно и во всех подробностях историю нападения на Йендэла. Тот был на катере, нанятом американцем Дженни, и над катером развевался американский флаг. Они возвращались с Маноно, откуда Йендэл забрал своих детей и дряхлую бабушку, имея «пропуск» от короля. К ним подошла лодка с несколькими людьми, которые сказали, что ищут раненых из лагеря Матаафы, чтобы взять их головы. (Кстати, миссионеры предложили, что примут к себе раненых Матаафы и будут ухаживать за ними под охраной правительства.) Они ответили, что у них на борту нет раненых, и не то Дженни, не то Хэлл указали на американский флаг. В ответ с той лодки ударили Йендэла мушкетом по голове и веслом по щеке и стали тащить его к себе, крича, что он плохой человек и они отрежут ему голову. Как только он упал, одна из женщин, сидевших в лодке Дженни, набросила на голову Йендэла английский флаг. Но если я правильно поняла, напавшие перетащили Йендэла к себе вместе с флагом и стали грести прочь. Йендэл — английский подданный. Лодка Дженни следовала за обидчиками, пока они не пристали к берегу и не поволокли Йендэла в лес, где, как предполагали белые спутники, стали убивать его. Мимо проходил вождь, и белые обратились к нему с просьбой спасти Йендэла и преподнесли ему жестянку сухарей. Он в конце концов сказал, что сейчас Йендэла не убьют, раз он в обществе белых, но вообще он от смерти не уйдет. Тогда белые повернули назад, а за ними следом вернулся и несчастный Йендэл.

Мэйбен, возможно, потребует, чтобы сторонники Матаафы на Маноно, числом около

восьмисот, сдали оружие, пока не будет решено, как с ними поступить. Если это произойдет, а, с точки зрения иностранца, это вполне разумное требование, их всех могут перерезать. Учитывая это, Льюис хочет предложить отправиться с кораблем на Маноно. Сначала ему придется получить у Кьюсэк-Смита разрешение написать Матаафе. Это довольно унижительно для Льюиса, но думаю, что следует это сделать. Кьюсэк-Смит такое жалкое, маленькое, несамостоятельное существо с комично уродливым лицом, что просить его о чем-либо ужасно противно. У него свирепые, закрученные кверху усы на подлейшей морде, какую только можно себе вообразить. Жена его высокая, крупная, порядком вульгарная, но смазливая бабенка. Глядя на эту пару, всякая женщина невольно задается вопросом, как можно было выйти замуж за эту болотную нечисть. Льюис вернулся домой очень поздно. Он опять виделся с капитаном и вручил ему письмо. Капитан дал слово, что не выдаст ни Матаафу, ни подчиненных ему вождей. Он обещал держать их на своем судне.

Фэнни. 18 note 191

Все военные корабли отбыли сегодня утром. В конце дня два немецких корабля вернулись с известием, что Матаафа сдался и находится на борту английского военного судна вместе с двадцатью восемью другими вождями, среди них и Бедный Белый Человек.

Фэнни. 19 note 192

Сегодня рано поутру Льюис с Ллойдом поехали в Апию встречать возвращающийся корабль, который, как говорили, должен прибыть вскоре после рассвета. Они первыми оказались на борту и были единственными друзьями, которых увидели пленники. Матаафа выглядит старым и разбитым и произнес перед Льюисом сбивчивую речь. Один из вождей тщетно пытался что-то сказать Ллойд и, когда в конце концов кое-как обрел дар речи, спросил, точно ли, что они потеряют головы. Среди офицеров, по-видимому, немало недовольства по поводу действий их корабля. Капитан дал Матаафе на размышление три часа; это очень короткий срок для медлительных самоанцев, привыкших к различным церемониям. Он уже начал приходить в раздражение, когда вожди появились — всего за пятнадцать минут до окончания срока. Офицеры говорят, что пленники проплакали всю ночь. Блэклоку надлежало позаботиться насчет губернатора острова, чтобы это был действительно надежный человек, а люди из Аана note 193 должны были остаться под его началом и стеречь обезоруженных воинов Матаафы. Корабль еще разворачивался от острова, когда на берегу забушевало пламя. Охрана пала дома. Матаафа упал на колени перед капитаном и умолял его спасти беззащитный народ. А Блэклок, по возвращении разумеется, доложил, что ничьей жизни опасность не угрожает.

Пока Льюис и Ллойд были на борту, пленников разделили, и двенадцать из них были отправлены на немецкий военный корабль. Говорят, что Джек Эина, кузен Генри, выполнявший роль переводчика, спросил у капитана, где же его честное слово никуда не переводить пленников с английского корабля. За это он был отослан на берег в католическую миссию. Где же в самом деле, честное слово капитана? Живя среди англичан, я усвоила, что такая вещь, как честное слово англичанина, действительно существует. Капитан оправдывается тем, что дал свое слово, опираясь на обещание Лаупепы! Трудно

Note191
июля

Note192
июля

Note193
Аана — округ на острове Уполу.

позавидовать человеку, чья честь зависит от этой жалкой овцы. Офицеры, по-видимому, остро переживают свое положение. Так им и надо; поджог и обман уже на их счету.

Мой бедный Талоло весь день пролежал неподвижно, прикрыв лицо. Еще не постигнув того факта, что честь англичанина из очень непрочного материала, я пыталась утешить его, изображая перед ним в ярких красках это хамелеонское качество, но он только пробормотал что-то вроде: «Белые — одинаково — вожди Маноно...», имея в виду коварную шутку, которую сыграли с этими вождями, когда по приказу главного судьи был заложен динамит, купленный у американского консула Блэклока, и все они чуть не взлетели на воздух. Любопытно наблюдать, как английский и американский консулы поддерживают друг друга. Английский консул знает, что динамит был куплен у Блэклока, а Блэклоку все известно насчет нечестной финансовой махинации, в которой замешан английский консул. Они вынуждены быть друзьями. Еще благородно со стороны многих посвященных в Апии, что они молчат об этой истории с английским консулом, которая, выплыв на свет, могла бы разрушить его карьеру: ведь большинство людей его презирает и ненавидит.

Возвращаюсь к событиям на корабле. Ллойд съездил на берег за табаком и кофеем, чашей для кофе, скребком и ситом. Он привез также Матаафе распятие и восемь белых лавалав для вождей, потому что на них не было ничего, кроме кусочков тапы. Чарли Тэйлор послал в подарок Матаафе лучшую рубашку, которая нашлась в лавке. Ллойд был чуть не до слез расстроен видом Матаафы и вождей, их тревожными глазами и сдерживаемым волнением. Прежде чем отправиться за кофе, он пошел на другой конец судна, где Бедный Белый Человек и другие вожди ждали отправки на немецкий военный корабль. По словам Ллойда, старик великолепен. Он высоко держит голову, точно старый лев, и сказал, что сердце его твердо. Он сражался за правое дело и ничего не боится, какова бы ни была его участь. О религии не упоминалось, он просто говорил, как должен говорить мужчина. Матаафа, наоборот, похож на святого и сказал только, что во всем уповает на бога. Рассказывая об этом, Ллойд не мог сдержать волнения: «Видно, старику совсем плохо, если ему больше не на что надеяться». Это прозвучало, как у священника, явившегося с последним причастием: «Итак, час настал».

Когда Ллойд вернулся с кофе, Бедный Белый Человек был уже на немецком корабле, так что пришлось переправить туда же и Ллойда с его подарками. К удивлению присутствовавших белых, Ллойд поцеловал старика. Через несколько минут Ллойду намекнули, что ему лучше удалиться. Прощаясь, вожди обступили его и наперебой старались пожать ему руку. Благодарность их намного превышала значение оказанной услуги, но несчастные, должно быть, чувствуют себя очень заброшенными, так как ни одна душа к ним не подходит; тем более они радовались дружескому лицу.

Льюис виделся с Кьюсэк-Смитом и поговорил с ним насчет охоты за головами. По-моему, нет сомнения в том, что Лаупепа хотел бы отказаться от голов, которые ему доставляли, но не решился на это без поддержки Мэйбена. Сдается, что именно по этой причине Мэйбен старается не показываться на глаза. Он не рискнул советовать королю не принимать головы из страха перед воинами, которые принесли их. Женщине не легко поверить в трусость мужчины. Но я хорошо помню, как Мэйбен проговорился на обеде у Хаггарда. Он заявил тогда, что никто никогда не сделает чего-либо для блага родины или для ближних, если это не на руку ему самому. Что ж, хитрые бегающие глазки Мэйбена тоже выдают его. Я ему симпатизировала прежде только потому, что он земляк Льюиса.

Закончив работу в доме, двое наших слуг пошли к Талоло, и потом из самоанской хижины часами доносилась горячая молитва. Они совершенно уверены в том, что английский капитан бросил на произвол судьбы мать и брата Талоло, и теперь те лежат мертвые и обезглавленные. Хуже всего то, что они, вероятно, правы. У меня не хватило духу сказать Талоло о предательстве капитана и о горящих домах, которые он оставил за своей спиной, не имея никакого ручательства, что обезоруженные пленники находятся в безопасности, кроме уверений Блэклока.

Льюис спросил у Блэклока, что тот предпринял насчет посылки губернатора.

— О, я говорил об этом с королем.

— Как же зовут этого вождя, на которого можно положиться в таком деле?

— Понятия не имею, — ответил Блэклок и затем по собственному почину сообщил, что охотно вздернул бы Матаафу на кокосовую пальму, и, описав свой визит к поверженному неприятелю, рассказал об оскорблениях, которые нанес старику, когда тот поднялся на корабль.

Итак, мы имеем два образчика — «английской чести» и «американского рыцарства»; но американец, слава богу, всего только плут, уроженец английских колоний, да еще несущий на себе все признаки еврейского происхождения. Сьюэл был просто напыщенным мальчишкой, но он не совершил бы ничего подобного.

— Подумаешь, пожгли дома, — сказал Блэклок. — Разве это дома? Просто туземные хижины.

Я знаю, что такое «туземная хижина», потому что построила три таких, и почувствовала бы серьезный урон, если бы хоть одна из них сгорела. Все равно как если бы королева сказала о сожжении дома Блэклока: «Ведь это был не дворец, а всего-навсего деревянный дом, купленный с аукциона».

Любопытно видеть, как Фэнни в этот момент полна всяческих предубеждений; но во время описываемых событий она плохо владела собой. Насколько можно судить из всего слышанного и прочитанного, она была куда меньше подвержена предрассудкам, чем большинство современников. Льюис сам, как мы видели, мог проявлять столь проанглийские чувства, что производил впечатление антиамериканца. Впрочем, один корреспондент как-то спросил Льюиса, не антисемит ли он. Ответ был энергичным, обезоруживающим и, как следовало ожидать, отрицательным.

Фэнни. 20 note 194

Сегодня спозаранку Талоло и все остальные принялись за приготовление местных кушаний для пленников. В одиннадцать Ллойд и Пелема отправились в путь с грузом на четверых: плоды таро, испеченные в земляной печи, крупные и самого лучшего сорта, сотня полисами, молодые кокосовые орехи и бананы. Они до сих пор не вернулись.

Вчера в двенадцать ночи прибыл почтовый пароход. Мистер Харрис, который был на борту, сошел на берег и разбудил бедного Хаггарда, чтобы тот принял присланную Льюису сумку с дичью и сельдереем. Рисунки Бэллы отправлены. Пусть они порадуют сердца правительственных чиновников — всех этих трусов! Вчера Льюис получил записку от миссис Кьюэк-Смит, где она сообщает, что внесла его имя в список лиц, жертвующих по пять долларов в пользу раненых.

Мне бы хотелось написать небольшой рассказ, чтобы иметь немного собственных денег.

Вернулся Ллойд. Он видел капитана, тот явно недоволен поведением Блэклока, допустившего сожжение домов. Ллойд повидал вождей на английском корабле; ему сказали, что посещать их, разумеется, разрешено. «Они ведь не преступники, а военнопленные». Говорят, что капитан вновь и вновь уверял Матаафу, и всегда в одинаковых выражениях, что, пока тот на борту корабля, жизнь его в безопасности. В конце концов Матаафа, кажется, понял, после чего все вожди повеселели и почувствовали себя свободнее. Издалека с немецкого корабля донесся громкий крик. Ллойд определил его как возгласы за кавой — нашей кавой. Капитан хочет послать какого-нибудь ответственного белого на Маноно и спросил, почему бы Ллойд не взяться за это, но Ллойд ответил, что сочувствует Матаафе. Затем Ллойд отправился на немецкий корабль, чтобы раздать провизию там, но ему вежливо

сообщили, что беседовать с пленниками никому не разрешается.

На обед к нам пожаловали двое офицеров; оба приятные люди, из хорошего теста. Один заикается, что как-то еще больше к нему располагает. Талоло, который по-прежнему совсем болен, с ног сбился, готовя для них обед, и все удалось на славу. Я сказала нашим работникам, что они могут после обеда прийти поговорить с офицерами. Едва подали кофе, как я увидела через открытую дверь зала, что рубашки натягиваются на коричневые плечи. Затем все они вошли гуськом во главе с Талоло — довольно представительный отряд. Талоло произнес небольшую приветственную речь, и оба офицера, которые не были подготовлены к выступлениям (они еще не настолько владеют самоанским), были весьма смущены. Один не знал, что сказать, другой хотел высказать массу, но не мог, потому что заикался.

Фэнни. 21 note 195

Матаафа просил к себе Генри в качестве переводчика. По-моему, Генри должен пойти, хотя переводчик он плохой. Иначе боюсь, что Матаафе навяжут какого-нибудь лживого полукровка. Но остальные со мной не согласились, так что говорить больше не о чем. Ллойд отправился к Кьюсэк-Смиту заявить протест против охоты за головами. Не знаю почему, но это напомнило мне о первой встрече Льюиса с офицерами военного корабля. Один из тех, что обедали у нас, был в «Тиволи», где он, по-видимому, поджидал кого-то с большим нетерпением. Когда Льюис на минуту остановился у дверей, человек спросил его с надеждой в голосе:

— Вы мистер Смит?

— Какого черта вы принимаете меня за Смита? — ответил Льюис с такой яростью, что незнакомец тотчас ретировался.

Ллойд вернулся с известием, что в городе уже висят объявления за подписью трех консулов, предписывающие солдатам разойтись по домам. В последний свой приезд туда Льюис спросил Блэклока, не правильнее ли будет разоружать людей по мере их появления в городе. «Да, конечно, — ответил тот, — но боюсь, что мы этого не осилим». Довольно странно слышать, когда так говорят о собственной армии. Мне кажется, Франкенштейна все больше и больше пугает созданное им чудовище note 196. Помимо всего было чистым безумием вложить огнестрельное оружие в руки трех тысяч нецивилизованных людей, которые и без того почти не поддаются контролю. Попытка к разоружению была бы возможна, если бы прибыл «Адамс», американский военный корабль, но только при этом условии. Ведь ни одно унесенное ружье и ни один патрон никогда не вернутся обратно. Льюис сам на себя не похож. Мне кажется, инфлуэнца причинила ему больше вреда, чем мы предполагали. Говорят, что иной раз люди целый год не могут оправиться от ее последствий. Мисифоло уже рассорился со своей невестой. Он сильно простужен, так же как Талоло и старик. Я заставила всех троих принять порошки Дэвиса.

Фэнни. Воскресенье, 23 note 197

У нас на ленче был Кэррик, редактор «Геральда»; я пригласила и Дэплина, но он

Note195

июля

Note196

Франкенштейн — персонаж фантастического романа Мэри Шелли (1798 — 1851), жены великого английского поэта Перси Шелли. Франкенштейн создал чудовище, которое стало преследовать и в конце концов умертвило своего создателя.

Note197

июля

заблудился и вместо этого попал к обеду. Нас очень раздосадовала субботняя газета, которая явилась рупором Блэклока. В день прихода почтового парохода из Сан-Франциско вышел специальный номер «Геральда», где упоминалось, будто бы Блэклок, увидев пожар на Маноно, потребовал возвращения военного корабля. Мы дали Кэррику понять, что так не годится. Кэррик производит вполне приятное впечатление, но, боюсь, что он не понравился бы тетушке Мэгги: в нем так и чувствуется простолюдин из Глазго.

Потом появились трое офицеров с военного корабля, а за ними Хаггард. Хаггард порвал с хозяином «Тиволи» и вернулся на старое место в особняк Руги. Он еще поссорился с Мэйбенем, как я догадываюсь, из-за Льюиса, хотя, по его словам, причиной был Матаафа. Хаггард сейчас очень дружелюбно настроен по отношению к Матаафе, как, впрочем, по-видимому, и большинство людей. Мне думается, что это Льюис разбудил в нем рыцарские чувства к большому человеку, потерпевшему поражение. По словам офицеров, матросы соперничают друг с другом, оказывая внимание пленникам, и что однажды им сразу предложили не менее сотни сигар.

Кэррик передал отвратительную тала, будто все вожди, за исключением девяти, находящихся на английском корабле, отправлены Мэйбенем в тюрьму. Вместо того чтобы позаботиться об их безопасности, Мэйбен выдал их врагам, которые оскорбляли их и били. Я не могла удержаться и рассказала офицерам, как Блэклок хвастался Льюису, что оскорблял Матаафу на борту их судна. Почти невозможно было заставить их поверить, что кто-то способен так подло поступить и тем более хвастаться этим. Кэррик сказал, что он слышал (и так думают все в городе), будто сразу же по прибытии Матаафы Льюис явился его навестить, но вынужден был удалиться по приказу капитана. Он просил разрешения рассказать о том, как это было в действительности, в своем письме в колонию, а также в своей газете. Льюис ответил: «Пожалуйста». После этого никто не сможет сказать, что Льюис не поддерживал Матаафу в дни его поражения.

Фэнни. 24 *note 198*

В самоанском доме весь день движение посетителей. Привезли пленных с Маноно, и Талоло видел свою мать, которая, по его словам, выглядит хорошо, но «с большой заботой на сердце». Когда Фали вели мимо родной деревни, группа людей освободила его, и с тех пор он скрывается. По-видимому, никто об этом не доложил. Самоанцы не могут понять, почему пленников не отпускают вместе с солдатами короля, раз уж война окончилась. Говорят, что на Маноно обнаружено большое количество патронов и много оружия. Этот склад захватили солдаты охраны и теперь отказываются сдать боеприпасы, которые они сразу отослали в надежное место, без сомнения с намерением использовать, когда с них потребуют налоги.

Сегодня во второй половине дня явился капитан военного корабля вместе с миссис Кьюсэк-Смит. Ее муж в ответ на вопрос, какие шаги предпринимаются по поводу фактов убийства раненых и отрезания голов, попросил Льюиса составить петицию Лаупепе. Теперь, как мы и ожидали, он прислал ее назад. Он заявляет, что петиция составлена «слишком по-самоански». Льюис сделал это нарочно, чтобы облегчить перевод. Защищая интересы какого-то неведомого белого атеиста, которого могут попросить подписать этот документ, Кьюсэк-Смит возражает также против включения туда всяких упоминаний о религиозности самоанцев. Словом, он хочет получить что-то совсем короткое, сжатое и «насквозь британское», заключающее, так сказать, своего рода назидание. Он передал, что, поскольку произведение, вероятно, не претендует на художественность (разумеется, нет!), он был бы рад, если бы Льюис сократил его. Льюис послушался, но документ получился уж настолько сжатым, деловым и британским, что, боюсь, Кьюсэк-Смит не будет знать, что с ним делать.

Капитан всем очень понравился. Весь наш народ непрерывно бегал с какими-то, большей частью выдуманными, делами по переднему дворику, чтобы поглазеть на капитана. Думается, он был удивлен, не обнаружив в наших владениях ни одного воина Матаафы, но, напротив, довольно много правительственных солдат. Бэлла показывала свои воскресные рисунки — те, которые были недостаточно удачны для посылки в газеты, и капитан сразу же попросил их у нее.

Как рассказывает мистер Хаггард, это совершенная правда, что Ситионе взял в качестве трофея голову. Хаггард встретил его на улице с шестом на плече; на конец шеста была насажена голова, и кровь капала с нее, стекая по спине Ситионе, — жуткое зрелище. А нашего солидного, почтенного судью Фолау видели полугололого с намазанным черной краской лицом, когда он танцевал и кривлялся впереди целой процессии, несущей голову. Человек, добывший эту голову, подбрасывал и ловил ее, а Фолау прыгал как обезьяна и корчил свирепые гримасы.

Пока капитан пил чай на веранде, я вдруг разглядела на тропинке за передним двориком не кого иного, как Иопо. Мы с Бэллой обе вскочили, а Иопо, заметив это, побежал к нам с сияющей улыбкой и радостными восклицаниями. Льюис тоже вышел, и Иопо упал перед ним на одно колено и поцеловал его руку. Иопо сказал, что прошла тала, будто мы не примем ни его, ни вообще никого, кто сражался на стороне правительства. После этого он все бегал по участку, восстанавливая круг своих прежних обязанностей, с жадностью разглядывая то одно, то другое. К его и нашему сожалению, он не мог остаться сразу. Я не сомневаюсь в его искренности. После того как умер его раненый брат, другой брат заболел, так же как и Тали, жена Иопо. Сейчас за Тали, у которой, судя по описанию, ангина, ухаживает кто-то из миссии. А прочие члены семьи заявили, что выбились из сил во время долгой болезни умершего брата и поэтому не хотят сидеть с этой больной. Бедный Иопо пешком ходил через весь остров за одной старушкой, но и она отказала в помощи, так что ему, усталому, пришлось ни с чем тащиться назад. Он сильно изменился с виду, похудел, а лоб весь в морщинах от забот и нужды. Иопо не вынесет долго такого существования: у него слабые легкие. За то время, что он здесь, у него дважды шла горлом кровь.

Как раз к обеду подоспели мистер Гэrrр и Фануа. Они приехали на несколько дней погостить, чтобы немного переменить обстановку, так как Фануа под угрозой чахотки. Льюис опять выглядит значительно лучше. Но усталость и волнения, связанные с войной, не для его здоровья, и мои яростные атаки по поводу отношений с Матаафой определенно причинили ему вред. Он обозвал меня «нелепой энтузиасткой». Ладно, ведь он и сам такой. Я же лишь настаиваю на том, чтобы он был постоянен, по крайней мере в собственных идеалах. Ни скептиком, ни циником ему быть не пристало.

Говорят, что скудные кудри Мэйбена совсем побелели за время войны. Охотно верю. Если когда-либо человеку представлялся случай сыграть благородную, красивую роль, так это Мэйбену. К сожалению, у него не хватило для этого ни смелости, ни ума. Матаафу чрезвычайно насмешило, что земельная комиссия, не взирая на войну, как ни в чем не бывало продолжала свои ежедневные занятия. Представив себе эту картину, Матаафа закинул назад голову и громко расхохотался.

Мистер Хаггард, который заночевал у нас, перенес сегодня утром что-то вроде солнечного удара. Перед завтраком он сидел с книжкой на веранде на самом солнцепеке с непокрытой головой. Мне показалось, что это было почти похоже на легкий инсульт.

Фэнни. 25 *note 199*

Все утро мы с Леуэло сажали бобы. Я работала на огороде, как часто это делаю, без шляпы, и полуденное солнце било прямо мне в голову. Если у кого и должен был случиться

удар, то скорее у меня, но меня солнце нисколько не беспокоит. Я собиралась заниматься огородом весь день, но поддалась на уговоры и поехала с визитами — жалкая замена для такого божественного занятия, как огородничество. Еще я наготовила массу керосиновой эмульсии, это уже менее приятно.

Мы с Бэллой навестили миссис Блэклок, весьма милую молодую самоанку; потом миссис Фрингс, хорошенькую молодую женщину, у которой очень красивые глаза и вечно пьяный муж. Затем мы нанесли визит миссис Дженни, еще одной самоанке — жене белого, который немного помешан; после того очаровательной самоанке миссис Шлютер и ее мужу — симпатичному толстяку-немцу. Оттуда отправились домой, где у ворот столкнулись с миссис Кларк, а на веранде застали за чаем двух офицеров с нового корабля. Я устала от миссис Кларк, от ее пустопорожней и бесконечной болтовни. Говоря по правде, я не в ладах со всей миссией. Офицеры вполне симпатичны, но, как мне кажется, были слегка напуганы нашим поведением. Один из них случайно упомянул, что вождей, содержащихся на борту немецкого корабля, заставляют выполнять лакейскую работу. Бэлла издала возмущенное восклицание, и вид у нее был такой, точно она собирается ударить рассказчика веером или хлыстиком — не помню, что она держала в руке в этот момент. Вскоре второй офицер выразил сожаление, что Матаафа так упорно отказывался от вице-королевства.

— Кто вам сказал, что он отказался? — спросил Льюис.

— Мистер Кьюсэк-Смит, — последовал ответ.

— Какая наглая ложь! — крикнул Льюис, вскакивая на ноги в страшной ярости.

Они, должно быть, решили, что Ваилима — некое подобие «Грозового перевала». *note*

200

Фэнни. 26 *note 201*

Ллойд побывал в Апии, отвез немного кавы и табака Матаафе и на борту услышал, что всех вождей собираются немедленно отправить в ссылку. Вожди просили узнать куда. Ему удалось выяснить и сообщить им, что, поскольку у английского корабля не хватает угля, «Шпербер» повезет их на Токелау. Ллойд поспешил назад за кавой и табаком для Фаамоины (Бедного Белого Человека), но, уже садясь в лодку, он увидел, как пароход задымил прочь. Он поспешил с этой новостью домой и захватил нас как раз в момент, когда мы собрались в путь навестить Матаафу. Я была очень расстроена из-за того, что мне не дали поехать раньше. Считалось, что это «неудобно», якобы леди не может проявить симпатию к своим опальным друзьям, пока капитан не нанесет визита первым. Что за исчадие ада эта британская матрона! И почему именно ее из всех людей на свете я должна взять себе за образец? Чувствуешь себя каким-то несчастным паралитиком. Боюсь, что я все-таки не выдержу. Я всегда презирала Мэри Шелли *note 202*, но вот и сама ни на волос не лучше. Я сама себя презираю, вот в чем правда.

На днях Ллойд и Пелема отправились с визитом к отцам-миссионерам, и те угощали их кавой в помещении собора. Миссис Блэклок провела у нас вторую половину дня и осталась

Note200

«Грозовой перевал» («Wuthering Heights», 1847) — единственный роман английской поэтессы Эмили Бронте (1818 — 1848), сестры известной писательницы Шарлотты Бронте. Действие романа происходит в мрачной местности, в уединенной провинциальной усадьбе, обитатели которой находятся в сложных взаимоотношениях, живут в гнетущей атмосфере ужасов и кошмаров.

Note201

июля

Note202

Речь идет о жене старшего сына английского поэта Перси Шелли. В 1884 — 1887 гг. Стивенсоны жили в Борнмуте по соседству с этой аристократической четой.

обедать. Пелема вернулся домой сильно усталым и с тех пор не в духе.

Фэнни. 27 note 203

Утром Ллойд рассказал мне, что в Фалилатие прошел слух, будто его и Пелему убили в лодке вместе с Йендэлом, а заодно еще старого вождя Тангалоа, и вся деревня горевала и оплакивала их.

Сина поссорилась, чтобы не сказать подралась, с Талоло и ушла к его матери. Она швыряла в Талоло камнями и попала, а он ударил ее по лицу. Семья предлагает, чтобы она оставалась у свекрови до рождения ребенка. Затем она должна будет удалиться, а ребенка, я полагаю, они оставят у себя.

Хаггарду, говорят, лучше. Дошла тала, что пленники, все еще находящиеся в Мулинуу, должны заплатить тридцать тысяч долларов (шесть тысяч фунтов), чего они, конечно, не могут сделать. Но наверное, это неправда. Завтра или послезавтра соберется большой фоно. Лаупепа не поднимался на борт военного корабля, пока там был Матаафа. Думаю, что ему не разрешили, а то два высоких вождя при встрече могли бы разрыдаться на груди друг у друга и заключить мир. Что и говорить, ситуация была бы действительно комичная, но в полном соответствии с самоанским характером и традициями.

Этой записью на внутренней стороне задней обложки кончается дневник Фэнни. Может быть, он продолжался в другой тетради, но я склонен думать, что нет. Длинные пропуски, появившиеся к концу дневника, как будто указывают на то, что ведение его было тяжелой обузой для Фэнни в свете многих других обязанностей.

В августе 1893 г в Ваилиму пришла болезнь, и почти все принимали хинин. Только Фэнни чувствовала себя хорошо. Льюис писал Колвину.

В общем Фэнни кажется самый — если не единственный — мощный представитель нашего семейства; на протяжении нескольких дней она была «украшением стада». Бэлла запросила хинина, Ллойд и Грэм оба слегли «от живот», как выражается наш чернокожий слуга. Что касается меня, то я вынужден отложить занятия лаун-теннисом, поскольку (как этого следовало ожидать) у меня было сильное, хотя на редкость короткое, кровотечение. И я также сижу на хинине.

Льюис. 5 сентября note 204

Вновь и вновь я брался за перо, чтобы написать Вам, и уже но одно начатое письмо отправилось в мусорную корзину (я теперь обзавелся ею — во второй раз в жизни — и посему чувствую себя большим человеком). Но, несомненно, требуется решимость, чтобы прервать столь долгое молчание. Здоровье мое существенно восстановилось, и теперь я живу здесь как патриарх, в шестистах футах над морем, на склоне горы высотой в полторы тысячи футов. Позади сплошной стеной тянется лес, взбираясь все выше по главному хребту острова, достигающему трех-четырёх тысяч футов. Там уже нет ни единого дома, ни единого обитателя, не считая нескольких чернокожих беглецов с плантаций, одичавших свиней и коров, диких голубей, летучих мышей и множества птиц — разноцветных, черных и белых. Этот лес — очень странное, мрачное, таинственное и труднопроходимое место.

Я возглавляю семью, состоящую из пяти белых и двенадцати самоанцев. Для всех я —

Note203
июля

Note204

Письмо известному английскому писателю Джорджу Мередиту (1828 — 1909).

вождь и отец. Приходит мой повар и просит отпуск, чтобы жениться, но то же самое делает его мать, красивая старая женщина знатного происхождения, хотя она никогда не жила у нас. Не сомневайтесь, я удовлетворил их просьбы. Жизнь здесь полна интереса, если бы ее не осложнял этот старый враг — Вавилонская башня *note 205*. Притом у меня сколько угодно времени для литературной работы.

Дом у нас грандиозный; в нем есть зал длиной в пятьдесят футов, откуда ведет наверх широкая лестница из красного дерева. Тут мы обедаем со всей пышностью; я обычно в штанах и фуфайке, а единственное одеяние слуг — род юбочки да еще цветы и листья. Волосы их часто припудрены известкой. Неожиданно попавший сюда европеец решил бы, что это сон. По воскресным вечерам у нас бывают молитвы. На острове меня презирают за то, что я не устраиваю их чаще, но на большее я не способен. Тут уж дух и плоть мои противятся. Странно глядеть на длинный ряд припавших к полу темнокожих людей, освещенных стоящими подле них редкими фонарями и расположившихся вдоль стены большого сумрачного зала, в конце которого стоит дубовый шкаф, а на нем господствующая надо всем группа Родена (на самоанский вкус она является верхом вольности), — глядеть и слушать, как разворачивается длинный, бессвязный самоанский гимн (господи помилуй, что за стиль! Но я сегодня отдыхаю от работы и вовсе не собирался давать литературное описание)...

Годами, после того как я приехал сюда, критики (эти светлые умы) не уставали порицать меня за слабость характера и за то, что я предался лени. Теперь я меньше слышу об этом; вероятно, следующее их сообщение будет о том, что я исписался и мое бессовестное поведение скоро сведет их горькие седины в могилу. Может быть, не знаю. Вернее, знаю только одно: на протяжении четырнадцати лет я ни одного дня не чувствовал себя по-настоящему здоровым. Я просыпался больным и ложился спать измученным, но неуклонно выполнял свою работу. Я писал в постели и, едва поднявшись с нее, писал при кровотечениях, во время болезни; писал, разрываясь от кашля, когда голова кружилась от слабости. Я принял вызов судьбы и выиграл поединок. Теперь мне лучше. Говоря по справедливости, лучше стало с тех самых пор, как я впервые приехал на Тихий океан. И все же редкий день я провожу без какого-нибудь физического расстройства. Но борьба продолжается. Худо ли, хорошо ли, это уже мелочи; как идет, так идет. Я создан для борьбы, а силам небесным так угодно, чтобы полем сражения мне служило это унылое и бесславное поприще — постель и пузырек с лекарством. Что ж, я не сдаюсь, хотя и предпочел бы широкую площадь, гром оркестра и открытое небо над головой.

Все это проклятая эгоистичная болтовня. Можете отплатить мне той же монетой, если вообще будет настроение ответить. А пока не забывайте, что на лесистом острове посреди Тихого океана есть дом, где высоко ценят имя Джорджа Мередита и всегда вспоминают о нем с почтением (к сожалению, мы можем только вспоминать)...

Льюис. Вторник, 12 сентября

Вчера, пожалуй, был самый светлый день в анналах Ваилимы. Я получил разрешение капитана Бикфорда пригласить сюда оркестр с «Катумбы», и вот они явились — числом четырнадцать, с барабаном, флейтой, кимвалами и рожками, в синих куртках, белых фуражках и с улыбающимися лицами. Дом сверху донизу был украшен душистой вельню. Присутствовали не только девять наших садовых работников, но еще группа работающих по договору, которых мы взяли из благотворительности, чтобы заплатить их долю контрибуции. Кроме того, пока оркестр поднимался к нам в гору, он собрал по пути целую детскую свиту,

Note205

Имеется в виду библейская легенда о попытке жителей Древнего Вавилона построить башню высотой до небес. За эту честолюбивую попытку бог наказал строителей, смешав их язык так, что они перестали понимать друг друга.

а мы со своей стороны пригласили нескольких самоанских леди для приема гостей. Цыплята, ветчина, пироги и фрукты были поданы с кофе и лимонадом, а позже гостей обносили глинтвейном с ромом и лимоном. Они играли нам, танцевали, пели, они вытворяли бог знает что. Наши парни отошли в конец веранды и в свою очередь станцевали для них. Казалось, трудно будет остановить все это, раз уж оно началось, но я знал, что оркестр действует по программе. В заключение они три раза грянули «Ура!» в честь «мистера и миссис Стивенс», пожали нам руки, построились и так, строем и с музыкой, отправились восвояси. Брыкливая лошадь на лужайке вдруг нарушила их игру. Мы подумали даже, что большому барабану пришел конец, да Симиле помчался на помощь, и процессия, извиваясь, потянулась с холма с новыми звуками рожка, оставив нас выдохшимися от усталости, но, вероятно, самыми довольными в мире хозяевами, проводившими удачных гостей.

Оркестр с английского корабля «Катумба» после праздника в Ваилиме. Стоят слева направо: Айсобел Стронг, Базетт Хаггард, Стивенсон, Грэм Балфур и Фэнни Стивенсон

Невозможно передать, как прекрасно вели себя эти синие куртки. Занятные ребята. Эта специальная подготовка молодежи для флота создает совершенно особый класс — не знаю, как его назвать — вроде небогатых учеников средней школы, хорошо воспитанных, довольно интеллигентных и по-матросски сентиментальных.

В октябре Льюис для перемены обстановки поехал на несколько недель на Гавайские острова, взяв с собой Талоло, но заболел там, и Фэнни пришлось ехать забирать его домой. К ноябрю они были в Ваилиме, и вскоре Льюис, Фэнни, Бэлла и Ллойд уже катили в наемном экипаже к тюрьме, где содержались самоанские вожди, везя в подарок каву и табак. Наступило рождество; Стивенсоны провели его в гостях в большой компании. На следующий день они присутствовали на самоанском празднике в тюрьме:

Я что-то вроде отца для политических заключенных и попечителя этого дико абсурдного заведения — Апийской тюрьмы. Двадцать три вождя (по-моему, их именно столько) ведут себя, как помощники тюремщиков. На днях они доложили капитану о попытке к бегству.

Один из политических заключенных помельче, пока капитан еще плелся с ордером на арест, быстро произвел его сам. Обвиняемый в сопровождении одного бывшего надзирателя явился в тюрьму узнать, чего от него хотят. Мой заключенный предлагает показать гостю темную камеру, впускает его внутрь и запирает дверь.

— Что ты делаешь? — кричит ему бывший надзиратель.

— Есть ордер, — отвечает тот.

И наконец, вожди фактически кормят солдат, которые следят за ними!

Сама тюрьма — это дрянная маленькая постройка, состоящая из комнатухи и трех камер по обеим сторонам коридора. Ее окружает забор из ржавого железа, из-за которого виден лишь конец крыши с надписью: «О ле Фале Пуипуи» *note 206*. Она находится на краю мангрового болота, и попасть туда можно по дерновой гати. Подъехав поближе, мы увидели, что ворота тюрьмы открыты, и перед ними собралась огромная толпа, я хочу сказать огромная для Апии, — человек полтора. Два стража у ворот безучастно стояли со своими ружьями, и видно было какое-то непрерывное движение внутрь и оттуда. Капитан вышел нам навстречу; слуга наш, посланный вперед, принял лошадей; после чего мы прошли во двор, который весь был завален провизией и где непрерывно звучал голос глашатая, называвшего подарки. Мне пришлось слегка покраснеть, когда дошла очередь до моего приношения, и я вынужден был слушать, как моя одна свинья и восемь жалких ананасов пересчитывались поштучно, как гинеи *note 207*.

1894 год

Так кончился 1893 год. В конце января Льюис писал:

«Да, если бы я умер, например, сейчас или, скажем, в ближайшие полгода, можно было бы сказать, что в общем я великолепно провел отпущенное мне время. Но все понемногу утрачивает свежесть; работа моя скоро начнет приобретать старческие черты; со всех сторон в меня швыряют камнями. Теперь начинает казаться, что я доживу до того, что увижу себя бессильным и забытым. Жаль, что самоубийство считается плохой рекомендацией в высших сферах».

Ему осталось прожить всего десять месяцев.

В феврале он сообщает Колвину, что в Ваилиме давали бал; в марте — что он мучится с «Сент-Ивом», которого ему так и не удалось закончить. В апреле он пишет Чарльзу Бакстеру, который тогда готовил эдинбургское издание сочинений Стивенсона, запрашивая литературные материалы для «Сент-Ива». В мае он сообщает Бакстеру о своей радости и благодарности по поводу проектируемого собрания сочинений и спорит с Колвином о том, что должно быть включено. В июне в письме к своему кузену Бобу (Р. А. М. Стивенсону) он объясняет свое участие в политических делах острова:

«Невозможно жить здесь и не чувствовать очень болезненно последствий чудовищного хозяйствования белых. Я пытался не вмешиваться и глядеть на все со стороны, но это оказалось выше моих сил. Это такие бестолковые дураки! Толковый дурак не разводит канцелярщины. Он таков, каким мы привыкли видеть чиновника, — ведь все они сплошь заурядная, неинтеллигентная публика. А эти, здешние, дергаются, как на пружинках, то прижимают уши и удирают, то замрут, точно подстреленные и — престо! — полным ходом на другой курс. Почти у всех местных представителей чиновничьего класса я замечаю нездоровую зависть самого мелочного сорта, по сравнению с которой зависть художников и даже актеров носит серьезный, скромный характер. А чего стоит их стремление расширить свой крошечный авторитет и смаковать его, как бокал бесценного вина! Порой, когда я вижу одного из этих маленьких царьков пыжащимся по поводу какой-нибудь своей победы — возможно, совершенно незаконной и определенно обернувшейся бы для него позором, если

Note206

О ле фале пуипуи (самоанск.) — огороженный, охраняемый дом. Так самоанцы стали называть тюрьмы, появившиеся на островах после вторжения колонизаторов.

Note207

Гинея — английская золотая монета, равная 21 шиллингу.

бы о ней когда-либо услышали вышестоящие, — я готов плакать. Самое удивительное, что внутри у них больше ничего нет. Я тщетно старался что-нибудь прослушать — ни настоящего чувства долга, ни настоящего понимания вещей, ни даже желания понять, никакого стремления пополнить свои знания. Для этих людей нет большего оскорбления, чем попытка сообщить им какие-то сведения; хотя эти сведения, несомненно, что-то прибавят к их собственным и чем-то от них отличаются. А уж если взять политику, самое лучшее для них было бы прислушаться к тому, что им говорят, тем более что это вовсе не обязывало бы их к определенным действиям. Ты помнишь, что такое французский почтовый или железнодорожный чиновник? Вот тебе живой портрет местного дипломата. Их и Диккенс не опишет; тут карикатура пасует.

Все это мешает работать, и мир оборачивается ко мне неприятной стороной. Когда твоим письмам не верят, начинаешь злиться, а это уже гадость. Я всей душой хотел бы ни с чем таким не связываться, но только что опять влез в эти дела — и прощай покой!»

В июне приехал Грэм Бэлфур, а за ним Ллойд и «тетушка Мэгги». Льюис физически хорошо себя чувствовал, но литературная работа шла туго. 7 июля он писал Генри Джеймсу:

«Когда не пишется, Вы сами прекрасно знаете, каждый день начинается жгучим разочарованием, а это не способствует улучшению характера. Я в том самом настроении, когда перестаешь понимать, как это можно быть таким ослом — избрать литературную профессию, вместо того чтобы пойти в ученики к цирюльнику или держать ларек с жареной картошкой? Впрочем, я не сомневаюсь, что через какую-нибудь неделю, а то и завтра все покажется мне не столь мрачным».

Однако в сентябре он все еще бился над «Сент-Ивом». В том же месяце он увидел начало строительства Дороги Благодарности, или Дороги Любящего Сердца, задуманной и построенной самоанцами, которые хотели этим выразить ему признательность за помощь и сочувствие в трудное для них время. Дорога предназначалась специально для него, и Стивенсон был глубоко растроган. В октябре настроение его улучшилось, и он начал диктовать «Уира Хермистона», ощущая прежние силы, более того, он чувствовал себя на вершине успеха. Он был здоров физически и с оптимизмом смотрел в будущее. И тут, в конце дня 3 декабря 1894 г., в возрасте сорока четырех лет, его сразило кровоизлияние в мозг. Мать его на следующий день так описывала трагическое событие в письме из Ваилимы своей сестре Джейн Уайт Бэлфур:

«Как передать тебе ужасную весть, что мой любимый сын внезапно ушел от нас прошлым вечером? Еще в шесть часов он хорошо себя чувствовал, был голоден перед обедом и помогал Фэнни делать майонез. Вдруг он поднял обе руки к голове и сказал: „Какая боль!“, затем добавил: „У меня странный вид?“ Фэнни сказала „нет“, чтобы не пугать его, и проводила его в зал, усадив там в ближайшее кресло. Она позвала нас, и я прибежала в ту же минуту, но он потерял сознание, прежде чем я подошла к нему, и оставался в таком состоянии в течение двух часов, а в восемь часов десять минут его не стало.

Ллойд сразу же помчался за помощью и поразительно быстро привез двух врачей — одного с «Валлару» и второго, доктора Функа, из Апии, но мы уже сделали все, что было возможно, и они больше ничего не могли предложить. Прежде чем наступил конец, мы перенесли в зал кровать и уложили его. Потом все слуги собрались вокруг, пришли вожди из Танунгаманоно с красивыми циновками и накрыли ими постель. Это было очень трогательно, когда они входили, кланяясь и говоря «Талофа, Туситала», а потом целовали его и со словами «Тофа, Туситала» выходили из комнаты. Наши слуги-католики попросили разрешения «сделать церковь» и долгое время пели молитвы и гимны очень тихо и нежно... Мы послали за мистером Кларком, который оставался с нами до самого конца. Льюис хотел, чтобы его похоронили на вершине горы Ваза, и сегодня еще до шести утра явились сорок

человек с топорами, чтобы прорубить туда дорогу и выкопать могилу. Утром пришли некоторые вожди из лагеря Матаафы; один горько плакал, говоря: «Матаафа ушел, и Туситала ушел, никого у нас не осталось...»

Сейчас все они поднимаются на гору. Письма нужно отправить сегодня, и я едва понимаю, что пишу. Никто из нас еще по-настоящему не осознал случившегося и с каждым днем будет все больше... Я чувствую себя совсем покинутой и не знаю, что делать...»

9 декабря «тетушка Мэгги» опять писала Джейн Бэлфур:

«Жизнь у нас точно остановилась со вторника, и никто не может ничем заняться. Только думаем о нашей утрате, которая становится все мучительнее по мере того, как мы начинаем смутно осознавать ее. Но по крайней мере никого не оплакивали так повсеместно, как моего возлюбленного сына... Подъем на гору Ваза очень трудный, и многим он оказался не под силу. Гроб унесли за полчаса до того, как отправились приглашенные гости, потому что взбираться с ним было тяжким трудом, но нашлось много любящих рук — самоанцев, сменявших друг друга и готовых нести дорогого Туситалу к его последнему дому на их родной земле. Не жалея себя, они старались нести его на высоте плеч и как можно ровнее и торжественнее. Позади шли несколько самых близких друзей, которых мы пригласили. Когда они достигли вершины горы, гроб уж стоял рядом с могилой и был накрыт флагом, который развевался над нами в те счастливые дни на „Каско“.

Могила Стивенсонов на горе Ваза

Как только гроб был опущен, туда побросали венки и кресты, пока не закрыли его совсем. Тут наши домашние слуги забрали лопаты у «пришлых», которые рыли могилу. Ничьи руки, кроме тех, кто был прямой «семьей Туситалы», не должны были засыпать его гроб землей и оказать ему эту последнюю услугу. Мистер Кларк прочел отрывки из англиканской погребальной службы и молитву, написанную самим Льюисом, которую он читал на семейном молебне всего за вечер до своей смерти; а мистер Ньюэл произнес по-самоански речь, вызвавшую слезы у всех, кто ее понял. Молились тоже на этом языке, который так любил Льюис.

Я должна рассказать тебе странную вещь, которая случилась как раз перед его смертью. За день или два до этого Фэнни сказала нам, что знает, предчувствует: что-то ужасное случится с кем-то, кого мы любим, как она это объясняла — с одним из наших друзей. В понедельник она была из-за этого очень мрачная и расстроенная, и дорогой наш Лу изо всех сил старался развеселить ее. Он прочел ей главу из только что оконченной книги, разложил пару пасьянсов, чтобы заставить ее поглядеть, и, как я представляю себе, приготовление этого майонеза затеяли столько же ради нее, сколько для Льюиса. Достаточно

странно, но оба они сходились в том, что эта ужасная вещь, которая должна случиться, не относится ни к одному из них! Вот до какой черты, но не дальше, может доходить наша интуиция, наше второе зрение...

Сосимо, личный слуга Льюиса, совсем безутешен; он держит комнату Туситалы в безукоризненном порядке, и, когда мы с Фэнни зашли туда сегодня утром, мы были растроганы, увидев в обоих стаканах на столе подле кровати красивые белые цветы».

16 декабря она пишет:

«Еще одно воскресенье без моего дитяти; он покинул нас так быстро и внезапно, что я, кажется, только теперь начинаю сознавать, что на земле больше его не увижу... Вчера нам пришлось пережить еще одну печальную сцену. Мы рассчитывались с „пришлыми“ работниками; последним их делом было улучшить дорогу к вершине горы; вчера они как раз покончили с этим. После обеда все мы собрались в зале в первый раз после похорон. Ллойд произнес речь, объясняя, как мы сожалеем, что не можем держать их дольше теперь, когда Туситала нас покинул, и поблагодарил их за преданную службу. Один ответил за всех, что они были здесь счастливы, всегда чувствовали себя членами семьи, что их хорошо кормили и заботились о них во время болезни и что им очень жаль уходить и расставаться с нами. Потом они спели две прощальные песни Туситале, которые сочинили двое из них. Мы вместе выпили кавы и обменялись рукопожатием. Некоторые, уходя, целовали руки, когда говорили свое „Тофа, соифуа“ („Прощайте, будьте живы“).

Кроме домашней прислуги остались только наш старый друг Лафаэле, который смотрит за коровами и свиньями, Леуэло, помогающий Фэнни с огородом, и тонганец, у которого один глаз и вообще слабое здоровье. Совсем недавно Ллойд убеждал Льюиса уволить его, так как от него мало пользы, но Льюис ответил, что у тонганца нет дома, идти ему некуда, а он может ослепнуть совсем и что, покуда он сам в Ваилеме, там найдется место и для тонганца».

13 января 1895 г.:

«Мне кажется, я не писала тебе о замечании, сделанном доктором с „Валлару“, которое не дает мне покоя. Мы стояли вокруг дорогого Лу, Фэнни и я растирали ему руки водкой. Рукава рубашки были закатаны, и видна была худоба его рук. Кто-то упомянул о его книгах, а доктор А. сказал: „Как можно писать книги такими руками?“

Я обернулась и бросила ему с негодованием: «Он все свои книги написал такими руками!»

Мне кажется, я никогда еще с такой ужасной ясностью не представляла себе размеров борьбы, которую мое любимое дитя вело всю свою жизнь. В последние двадцать лет он писал примерно по тому в год, преодолевая слабость, которую большинство людей сочло бы достаточным оправданием для перехода на полную инвалидность, но он жил и любил жизнь, несмотря ни на что. Помнишь, много лет назад кто-то утешал его тем, что Бэлфуры с возрастом становятся крепче, а он ответил: «Да, но как раз когда я начну перерастать бэлфуровскую хрупкость, явится Немезида недолговечных Стивенсонов и поразит меня!» Его слова прятались в глубине моей памяти все эти годы, и ты видишь, так и сбылось».

Из всех писем с соболезнованиями, полученных Фэнни, быть может, лучшим, как бы данью не только Льюису, но и ей самой было письмо от Генри Джеймса:

«Дорогая моя Фэнни Стивенсон, что я могу сказать Вам, чтобы это не показалось жестоко неуместным или напрасным? Все это время мои мысли были подле всех вас, особенно Вас, Фэнни, и я хотел бы надеяться, что это нежное сочувствие дойдет до Вас, несмотря на даль. Никто не может вместо Вас осушить эту чашу. Вы ближе всех к боли,

потому что были ближе всех к радости и славе. Но если для Вас не безразлично сознавать, что ни одной женщине не сочувствовали больше, что Ваше личное горе — это в то же время острое личное горе бесчисленных сердец, то знайте, дорогая моя Фэнни Стивенсон: все эти дни самый воздух был полон дружбы к Вам.

Я не в силах передать Вам, каким бедным и обветшалым кажется мне теперь весь мир, как моя жизнь сразу потеряла один из ближайших и сильнейших стимулов для своего продолжения, для попыток и дел, для планов и мечтаний о будущем.

То, что я хочу сказать, могло бы показаться не совсем деликатным по отношению к Вам, если бы я не знал, что в Вашем чувстве утраты нет узости и эгоизма. Но если думать только о нем, о его счастливой репутации, его очевидной большой удаче, все предстает в ином свете. То есть, на мой взгляд, он, сраженный внезапным ударом, точно от руки богов, в момент неомраченной славы, и в смерти оказался столь же счастливым, каким был во всем благодаря своему умственному складу. Даже принимая во внимание печальные стороны его насыщенной и богатой жизни, несомненно, что он был хозяином положения — всегда в самой гуще битвы, среди грома музыки, в расцвете своих сил и блеске таланта.

Кто скажет, что эта жизнь не знала полного успеха, не достигла вершины? С самого начала она была напряженной, блистательной, изящной, и результат, плоды его жизненного опыта заключают в себе нечто драматически законченное. Он ушел вовремя, не успев состариться, — достаточно рано, чтобы остаться истинно молодым, и достаточно поздно, чтобы сполна отпить из чаши. В литературном мире, мне кажется, не много было смертей, так романтически оправданных.

Умоляю, простите, если эти слова прозвучат слишком хладнокровно, как будто я не понимаю, что в Ваших глазах такая утрата, конец такого союза не могут быть оправданы ничем. Говоря так, я имею в виду только завершенность и освященность его творческого пути. Когда же я думаю о Вашем собственном состоянии, то просто разрываюсь между жалостью и восхищением и меня поддерживает единственно сознание, что Вы столь же тверды духом, как был он».

В апреле 1895 г. Фэнни, измученная и больная, отплыла в Сан-Франциско и провела это лето в Калифорнии. Зимовала она на Гавайских островах. Тем временем Ллойд женился, и в мае следующего года она вернулась в Ваилиму в сопровождении Бэллы. Но вскоре для нее стало очевидным, что без Льюиса и при том, что дети вынуждены жить в других местах, она уже не может чувствовать себя счастливой в этом доме. Поэтому она продала Ваилиму русскому купцу, по фамилии Кунст, наследники которого в свою очередь продали ее немецкому правительству, после чего усадьба служила резиденцией немецкому губернатору Самоа. Во время первой мировой войны Новая Зеландия оккупировала Уполу, и Ваилима после многих переделок и расширений превратилась в английское правительственное здание, над которым развевался британский флаг.

В 1898 г. Фэнни уехала в Англию и подверглась тяжелой операции, затем путешествовала по Франции, Испании и Португалии. Она купила дом в Сан-Франциско, совершала экскурсии в Мексику, некоторое время жила на уединенном ранчо Эль-Саусаль, в шести милях от Энсенеды в Нижней Калифорнии. В 1906 и 1907 гг. она посетила Европу и в 1908 г. нашла свое последнее пристанище в Санта-Барбара, штат Калифорния, где и умерла 18 февраля 1914 г., как и Льюис, от кровоизлияния в мозг. Весной 1915 г. Балла и ее муж, исполняя последнюю волю матери, отплыли с пеплом Фэнни на Самоа. 22 июня прах ее был захоронен подле останков Льюиса. В небольшой группе, собравшейся на вершине горы Ваза над Ваилимой, были Ситионе, ныне вождь Аматау, Лаулии и Митаэле. Надпись на бронзовой пластине над могилой Фэнни — ниже ее самоанского имени Аолеле — гласит:

Добрый наставник, подруга, жена,
Верная спутница в жизни земной,
Была я Небесным отцом создана

С сердцем горячим и вольной душой.

На памятнике также выбиты строки, посвященные Льюису, — «Реквием», который он сам написал:

Под звездным простором, в высоких горах
Могильной землею укройте мой прах.
Я радуюсь жил, но приспела пора
И радуется смерти покой.
На камне моем вы напишете так:
Здесь его дом, его давний маяк,
Из долгих скитаний вернулся моряк,
Охотник — из чащи лесной.